ОНОМАСТИКА

УДК 81'373.232

АНТРОПОНИМЫ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

© Михаил Викторович ГОРБАНЕВСКИЙ

Гильдия лингвистов-экспертов по документационным
и информационным спорам, г. Москва, Российская Федерация,
доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН,
e-mail: e-expert@yandex.ru

© Владимир Олегович МАКСИМОВ

ООО «История фамилии», г. Москва, Российская Федерация,
кандидат филологических наук, руководитель
Информационно-исследовательского центра,
e-mail: lmaximov@mail.ru

Осмыслено такое понятие, как лингвистическая экспертиза, за которой зачастую скрывается привычное всем нам лингвистическое исследование. Доказывается, что это пример диверсификации ономастических исследований. Установлено, что далеко не простые проблемы российских граждан решают такие равноценные (в юридическом смысле) имена *Семён* и *Семен*, *Лида* и *Лидия*, *Фаня* и *Фаина*, отчества *Никитовна* и *Никитична*, фамилии *Шевелев* и *Шевелёв*. Для лингвистов-экспертов важно то обстоятельство, при котором исследователь имеет возможность «окунуться» в мир реальных проблем современной прикладной ономастики, увидеть её глазами рядового гражданина, представителя конкретного народа, а на основании этого «определить» те тонкие линии, по которым и должна развиваться отечественная ономастика, во всяком случае та часть ономастической науки, которая востребована жизненными проблемами граждан России. Утверждается, что кабинетные или полевые ономастические исследования не должны оставаться достоянием только теоретиков. Если ученые не несут науку в массы, не популяризируют научное знание, то их научные знания замещают псевдонаучные, безграмотные и нередко радикальные, окрашенные националистическими цветами теории. На примере написания *Гранти*, традиционного армянского аналога отчества *Грантовна*, записанным русским буквами, предлагается научная методика и структурная характеристика подобных лингвокриминалистических экспертиз.

Ключевые слова: прикладная ономастика; антропонимы; лингвокриминалистическая экспертиза; диверсификация.

Как показывает опыт Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), в обществе существует потребность в привлечении лингвистов, в частности ономатологов, к решению практических задач, связанных с юридической стороной функционирования антропонимов [1; 2].

Уверены, что многим из ономатологов приходилось оказывать консультационные услуги гражданам по вопросам употребления их имён, отчеств и фамилий, выбора правильной формы записи и, наконец, просто выбора (имени и фамилии).

Уровень сложности решаемых при этом проблем бывает различным. В одном случае родители не могут определиться с выбором для сына одной из трёх форм имени *Даниил*: канонического – *Даниил* или одной из двух народных, но использующихся и в качестве официальных – *Данила* и *Данил*.

В других родительское имьятворчество идёт значительно дальше, и специалистам в области антропонимики имеет смысл привлекать к консультациям психиатров, как это было, например, в случае с решением родителей присвоить новорожденному сыну имя *БОЧ рВФ 260602* (Биологический Объект

Человек рода Ворониных-Фроловых, родившийся 26 июня 2002 г.).

К сожалению, родители на этапе выбора имени не проконсультировались с ономатологами. К счастью, сотрудники ЗАГСа отказали им в регистрации такого имени. Мальчику уже 14 лет, но он, насколько нам известно, до сих пор не имеет свидетельства о рождении, и неясно, каким образом будет получать паспорт.

Сотрудникам ГЛЭДИС регулярно приходится сталкиваться с ситуациями, когда юридические коллизии в вопросах употребления имен, отчеств и фамилий возникают и у граждан совершенно адекватных, но оказавшихся в сложной ситуации по иным причинам. Например, из-за ошибки делопроизводителей, в определенный момент неправильно записавших в документах один из элементов их полной формы официального именованья: имени, отчества или фамилии, или, как это случилось недавно с жителем Калининградской области, уроженцем Баку, у которого в паспорте вообще не указано отчество. Бывает и так, что родители или сам гражданин в определенный момент (при выборе имени или при оформлении документов) решили проявить оригинальность.

Имя собственное, юридически закрепленное за конкретным гражданином (гражданкой), относится к разряду т. н. кодифицированной лексики. В ГЛЭДИС мы периодически проводим такие исследования, которые выполняются на стыке лингвокриминалистики и ономастики – антропонимики, и число этих исследований (по гражданским делам и по запросам нотариусов) постоянно растет.

Специалистам-ономатологам первой трети XXI в. следует быть готовыми к такой работе и в случае необходимости предоставлять судебным органам свою квалифицированную научную помощь для вынесения судами правосудных решений, а нотариусам – для правильного и справедливого оформления наследственных дел. Согласно классификации, применяемой в судебно-экспертных учреждениях системы Минюста РФ, официально такие исследования называются лингвистическими экспертизами.

Довольно часто проводятся лингвистические экспертизы по наследственному делу, для вынесения решения по которому, например, одним из нотариусов города Москвы

были привлечены специалисты-лингвисты ГЛЭДИС. Отметим, что в ней речь шла о проблеме определения идентичности или неидентичности данных *Баршаевой Риммы* (с двумя М) *Константиновны*, которая в части документов записана как *Баршаева Рима Константиновна* (с одним М).

Именник граждан многонациональной России по определению пестр [3, с. 285] и, к сожалению, перед бюрократическим аппаратом (мы это говорим без какого-либо отрицательного оттенка) стоит вполне объективная задача унификации именника граждан России, в недавнем прошлом такую же задачу решали и делопроизводители Советского Союза. Однако после распада СССР российское общество не стало менее многонациональным: в современной России проживают представители абсолютно всех национальностей, которые ранее являлись гражданами Советского Союза, включая такую, в представлении молодого поколения россиян, экзотику, как закарпатские венгры и русины.

Это замечание хотелось бы закончить пожеланием. Пусть так и остается: в свете последних событий в Европе и Малой Азии мы воочию увидели, насколько бесценен опыт Российской Федерации, которая, являясь правопреемницей Российской империи и Советского Союза, одной из немногих стран мира имеет реальный многовековой опыт добрососедского проживания представителей разных этносов и религий, не искореняющий национальную специфику, не закрывающий тему межнациональных отношений путем тотального превращения всех граждан в одну нацию.

Ономатологи, в свою очередь, обязаны, что очень важно, иметь возможность помогать в решении проблем, возникающих в «приграничной зоне»: на стыке разных языков, культур и традиций.

Так, одна из экспертиз, проводившихся в 2008 г. членами Гильдии по запросу нотариуса, была посвящена вопросу определения идентичности или неидентичности данных гражданки РФ Григорян Наталии Грантовны, которая в документах, полученных ею в период существования СССР и проживания на территории Армянской ССР, была записана как Григорян Наталия Гранти [4].

Причины таких разночтений в записи отчества не были понятны нотариусу и не

давали ему возможности быть уверенным в правомерности полагать, что женщина, упоминаемая в документах, выданных в разные исторические периоды и в разных регионах СССР и России, под именем Григорян Наталия Грантовна или Григорян Наталия Гранти может быть идентифицирована как одно и то же лицо. Остановимся на этой экспертизе несколько подробнее.

Данное исследование воспроизводится нами достаточно подробно с целью введения в научный оборот коллегами-ониматолами из других регионов России используемой ГЛЭДИС научной методики и структурных характеристик подобных лингвокриминалистических экспертиз.

Армянская система полного именованного человека, основанная на исконно национальных традициях, сложилась задолго до присоединения северных исконно армянских земель к Российской империи. По этой причине, при несомненном сходстве, русская и армянская системы именованного имеют заметные отличия.

Антропонимический элемент (патроним), являющийся аналогом русского отчества, известен в армянском языке с древних времен. Первоначально отчество, представляющее собой имя отца в форме родительного падежа, указывалось перед именем человека. Например, запись «Тевоси Вираб» означала, что речь идет о Вирабе, являющемся сыном Тевоса: букв. «Тевоса [сын] Вираб». Таким образом, отчество в армянском языке изначально, т. е. в период до появления фамилий, имело такое же назначение, как и русское отчество – указывать на близкие родственные отношения по формуле «сын → отец», «дочь → отец» – и соответствовало, например, русской формуле: с полуотчеством (Иван Петров [сын], Мария Сергеева [дочь]) или с полным отчеством (Иван Петрович, Мария Сергеевна). Но употребление отчеств в армянском языке отличалось от их употребления у восточных славян.

Уже в период позднего феодализма у армян утвердились и фамилии (армянское название – азганун), которые чаще всего образовывались при помощи суффикса *-ян* или его формы множественного числа *-янци*. Именно фамилии со временем стали вторым обязательным компонентом армянской антропонимической модели. В своей нацио-

нальной форме они были восприняты российским, а затем советским делопроизводством. В результате этого возникла используемая в армянских официальных документах трехчленная формула именованного, которая структурно является полным аналогом русской формулы ФИО, и при передаче методом транслитерации буквами русского алфавита выглядит следующим образом: Ованесян Ваграм Айрапети, что означает Ованесян Ваграм [сын] Айрапета, Петросян Арус Сааки – Петросян Арус [дочь] Саака и т. д.

Но употребление отчества в качестве дополнительного элемента полной формы именованного в повседневном бытовом общении было и остается нехарактерным для армянской культурной традиции. В отличие от русского обычая, у армян отчество выполняло лишь идентифицирующую роль, не являясь необходимым элементом повседневного бытового общения, принятого правилами национального этикета. Например, даже в конце 80-х гг. XX в. в сельской местности в повседневном общении традиционно использовалось лишь имя или фамилия с добавлением уважительного обращения, названия должности, профессии и т. п. Употребление отчеств в бытовом общении в этот период было свойственно лишь незначительной части горожан, что указывает на недавнее возникновение этого обычая под влиянием общероссийской традиции.

Подробное описание данной ситуации приведено в статье Т.Ф. Аристовой [5, с. 97]. Трансформация личных имен армянского населения поселка ЭшЕри (современное название ЭшЕра) Сухумского района Абхазской АССР, опубликованной в научном сборнике «Этническая ономастика» за 1984 г.: «Отчества, и притом национальные, существуют главным образом для официальной документации в учреждениях. Однако среди поколения в возрасте до 25–30 лет все более наблюдаются случаи, когда армянские имена и отчества трансформируются в русские».

Таким образом, даже в собственно армянской среде в 80-е гг. прошлого столетия наблюдалась тенденция к замещению исконно армянских отчеств формами отчеств, образованных по русской формуле.

В русской же устной и письменной традиции за почти двухсотлетний период (с 1828 г., когда часть армянских земель, Ере-

ванское и Нахичеванское ханства, была присоединена к Российской империи) обычай оформления армянских отчеств по правилам русского языка стал общепотребительным: Ованесян Ваграм Айрапетович, Петросян Нина Сааковна. Иными словами, при такой форме записи исконно армянские отчества буквально переводятся на русский язык. В результате при записи полного именованного гражданина Армении, как в прошлом, так и в настоящее время, в различных российских документах возможно возникновение разночтений в написании отчеств, вызванное исключительно использованием различных способов их передачи.

Несомненно, именно такой случай представляет передача в русском написании армянского отчества Гранти в форме Грантовна или Грантович (армянские отчества категорией рода не обладают). Этот патроним употребляется исключительно в армянском языке, в котором означает «дочь Гранта», буквально «Грантова дочь». Имя Грант пришло в именники как армян, так и русских (это имя существовало в старых православных святцах до второй половины XIX в.) и других народов Европы из единого источника – латинского языка, в переводе с которого оно означает «великий, важный, величественный» [6, с. 59-60]. Следовательно, написание *Гранти* является традиционным армянским аналогом отчества *Грантовна*, записанным русскими буквами.

Можно сделать определенные выводы.

1. Под пугающим словом ЭКСПЕРТИЗА зачастую скрывается привычное всем нам лингвистическое (в данном случае ономастическое) исследование. На самом деле – это полезный пример диверсификации ономастических исследований. Качественное проведение доступно большинству ономастологов, представителям известных ономастических школ России.

2. Кабинетные или полевые ономастические исследования не должны оставаться достоянием только теоретиков. Если ученые не несут науку в массы, не популяризируют научное знание, то их научные знания замещают псевдонаучные, безграмотные и нередко радикальные, окрашенные националистическими цветами теории. Современные информационные технологии позволяют это делать очень оперативно.

3. Следует упомянуть еще два очень важных момента. Первый: рутинное, на первый взгляд, исследование на тему можно ли, например, считать равноценными (в юридическом смысле) имена *Семён* и *Семен*, *Лида* и *Лидия*, *Фаня* и *Фаина*, отчества *Никитовна* и *Никитична*, фамилии *Шевелев* и *Шевелёв* (мы приводим примеры тем наших экспертов) решает далеко не простые проблемы российских граждан. Для лингвистов-экспертов важнее второе обстоятельство, оно дает исследователю возможность буквально «окунуться» в мир реальных проблем современной ономастики, увидеть ее глазами рядового гражданина, представителя конкретного народа, а на основании этого «нащупать» те тонкие линии, по которым и должна развиваться отечественная ономастика, во всяком случае та часть ономастической науки, которая востребована жизненными проблемами граждан России.

Список литературы

1. Лингвистическая экспертиза спорного текста. Алматы, 2009.
2. Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. М., 2010.
3. Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. М., 1995.
4. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: сборник материалов научно-практического семинара / под ред. М.В. Горбаневского: в 2 ч. М., 2002–2003.
5. Аристова Т.Ф. Трансформация личных имен армянского населения пос. Эшери Сухумского района Абхазской АССР // Этническая ономастика. М., 1984.
6. Системы личных имен у народов мира. М., 1989.

References

1. *Lingvisticheskaya ekspertiza spornogo teksta*. Almaty, 2009. (In Russian).
2. Bel'chikov Yu.A., Gorbanevskiy M.V., Zharkov I.V. *Metodicheskie rekomendatsii po voprosam lingvisticheskoy ekspertizy spornykh tekstov SMI*. Moscow, 2010. (In Russian).
3. Unbegaun B.-O. *Russkie familii*. Moscow, 1995. (In Russian).
4. M.V. Gorbanevskogo (ed.). *Teoriya i praktika lingvisticheskogo analiza tekstov SMI v sudebnykh ekspertizakh i informatsionnykh sporakh*:

- sbornik materialov nauchno-prakticheskogo seminar: v 2 ch.* Moscow, 2002–2003. (In Russian).
5. Aristova T.F. Transformatsiya lichnykh imen armyanskogo naseleniya pos. Esheri Sukhums-kogo rayona Abkhazskoy ASSR. *Etnicheskaya onomastika*. Moscow, 1984. (In Russian).
6. *Sistemy lichnykh imen u narodov mira*. Moscow, 1989. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.03.2016 г.
Received 10 March 2016

UDC 81'373.232

ANTROPONYMS AS AN OBJECT OF LINGUO-CRIMINALISTIC EXPERTISE

Mikhail Viktorovich GORBANEVSKIY, Guild of Linguists-Experts on Documentation and Information Disputes, Moscow, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Academician of RANS, e-mail: e-expert@yandex.ru

Vladimir Olegovich MAKSIMOV, LLC "History of Family", Moscow, Russian Federation, Candidate of Philology, Head of Information-Research Centre, e-mail: 1maximov@mail.ru

The notion linguistic expertise is understood. Linguistic research is often hidden in this notion. It is proved that it is the example of onomastic research diversification. It is established that Russian citizens have difficult problems with equal legal names like Семён and Семен, Лида and Лидия, Фаня and Фаина, patronymic Никитовна and Никитична, surnames Шевелев and Шевелёв. An important fact for linguists experts is that the researcher has the possibility to "plunge" in the world of real problems of applied onomastics, see it from the point of view of citizen, representative of concrete people, basing on this define the ways of native onomastics development, anyway the pat of onomastics which is important for citizens of Russia. It is established that cabinet or field onomastic researches must be left only the welfare of theory. If scientists do not give science to mass, do not popularize scientific publishing so they are replaced by pseudo-scientific, illiterate and radical, nationalist coloured theory. Basing on the example of writing Гранти traditional Armenian analogue to the patronymic Грантовна, written in Russian letter the scientific methods and structural characteristics of such linguocriminal expertise are proposed.

Key words: applied onomastics; anthroponym; linguo-criminal expertise; diversification.

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ ДИГЛОССИЯ В МАЛЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ¹

© Ирина Васильевна КРЮКОВА

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания, e-mail: kryukova-irina@yandex.ru

Дано определение антропонимической диглоссии как явления, которое характеризует параллельное существование в пределах одного социума разных форм именования человека с четким закреплением каждой из них за определенными сферами общения, закрепленными за разными социальными группами. На примере наблюдений за функционированием имен собственных в малых социальных группах (семья, профессиональный или учебный коллектив, коллектив друзей и др.), которые могут быть как формальными (например, профессиональный коллектив в целом), так и неформальными (объединения внутри коллектива), сделанные на основе контекстуального анализа текстов художественного и публицистического дискурса, а также интернет-коммуникации, выделяются две разновидности антропонимической диглоссии. Речь идет о внутриязыковой антропонимической диглоссии, при которой наблюдается существование двух и более форм имени одного индивида, относящихся к разным подсистемам национального антропонимона; и межъязыковая антропонимическая диглоссия, для которой характерно употребление индивидом в пределах одного социума двух имен, принадлежащих разным лингвокультурам. Эти имена функционально неравнозначны. Каждая форма антропонимической номинации достаточно прочно закрепляется за определенной сферой коммуникации в пределах малой социальной группы. На примерах параллельного функционирования разных форм имени одного индивида (в профессиональной или учебной группе, в семье, в кругу друзей), отраженных в художественной литературе, публицистике и интернет-коммуникации, показана функциональная специфика внутриязыковой и межъязыковой антропонимической диглоссии и обозначены подходы к дальнейшему исследованию данного явления.

Ключевые слова: антропоним; внутриязыковая диглоссия; межъязыковая диглоссия; малая социальная группа.

Введение. При обосновании многих ключевых понятий теории имени собственного традиционно обращается внимание на тесную связь ономастики и социолингвистики [1; 2]. Однако по-прежнему ощущается недостаточное внимание к именам собственным как единицам языка и речи при теоретическом обосновании ключевых понятий социолингвистики. К числу таких понятий можно отнести сложившиеся в социолингвистике представления о диглоссии, которая анализируется и определяется без учета имен собственных.

Термин «диглоссия» был введен в научный обиход американскими лингвистами Ч. Фергюсоном и Дж. Гамперцем для обозначения явления, при котором члены одного и того же языкового сообщества, владея разными коммуникативными подсистемами – языками, диалектами, стилями, – пользуются то одной, то другой подсистемой в зависимости от социальных функций общения (Цит.

по [3, с. 468]). Этот тип диглоссии, который может быть обозначен как внутриязыковая, определяется в современной отечественной социолингвистике как «владение разными подсистемами (как правило, территориальным диалектом и литературной формой языка) данного национального языка и использование их в зависимости от ситуации или сферы общения» [4, с. 59]. Иллюстрируя данное явление, Л.П. Крысин приводит примеры часто наблюдающегося в современной русской речи включения в разговорные жанры штампов книжного и канцелярско-делового языка; а с другой стороны – включение в книжные тексты элементов разговорного характера [3, с. 469].

Существует и другое понимание диглоссии, согласно которому это «владение разными языками, но в отличие от билингвизма диглоссия в этом понимании обозначает владение двумя подсистемами различных национальных языков, каждая из которых используется только в определенной сфере общения. Диглоссия такого типа не обязатель-

¹ Работа выполнена в рамках реализации гранта РГНФ за 2016 г., проект № 15-34-01008.

но сопровождается двуязычие, при котором функциональное распределение между двумя используемыми языками может либо отсутствовать, либо быть размытым» [4, с. 59]. Н.Б. Мечковская рассматривает диглоссию именно данного типа и дополняет имеющиеся определения оценочным компонентом. Автор уточняет, что диглоссия имеет место при несбалансированном двуязычии, для которого характерно наличие престижного языка, используемого в «высоких» сферах общения, и второго языка, возможного только в повседневном общении. Причем отмечается надэтнический характер престижного языка: ни для одной из этнических или социальных групп населения он не является родным, им нельзя овладеть естественным путем (от матери, в семейно-бытовом общении в детстве) [5, с. 108-109]. Обозначим такой вид диглоссии как межъязыковая.

Таким образом, понятие диглоссии относится к достаточно разработанным и устоявшимся в современном языкознании. Однако во всех указанных источниках, как отечественных, так и зарубежных, диглоссия иллюстрируется примерами, далекими от современных отечественных реалий и рассматривается отдельно от ономастики. Между тем имена собственные, особенно антропонимы, наиболее чутко реагируют на смену языкового кода, происходящую в связи со сменой коммуникативных обстоятельств.

Об антропонимической диглоссии идет речь, пожалуй, только в работе С.И. Гарагули, в которой, в частности, исследуется адаптация или смена имен иммигрантами в США. Автор определяет антропонимическую диглоссию как параллельное существование и употребление индивидом двух имен, принадлежащих разным лингвокультурам, в пределах одного социума. Она обозначает такую форму владения двумя именами, при которой их применение функционально распределяется в зависимости от коммуникативных потребностей [6]. Очевидно, что в данном случае речь идет о межъязыковой диглоссии. Антропонимическая диглоссия, характерная для современного российского общества, как внутриязыковая, так и межъязыковая, не становилась предметом лингвистического анализа.

Проиллюстрируем подходы к такому исследованию на примере наблюдений за

функционированием имен собственных в малых социальных группах (семья, профессиональный или учебный коллектив, коллектив друзей и др.), которые могут быть как формальными (например, профессиональный коллектив в целом), так и неформальными (объединения внутри коллектива), сделанные на основе контекстуального анализа текстов художественного и публицистического дискурса, а также интернет-коммуникации.

Внутриязыковая антропонимическая диглоссия. Говоря о внутриязыковой антропонимической диглоссии, имеем в виду явление, характеризующее параллельное существование двух и более форм имени одного индивида, относящихся к разным подсистемам национального антропонимона. Каждая форма официальной или неофициальной антропонимической номинации достаточно прочно закрепляется за определенной сферой коммуникации в пределах малой социальной группы. Количество имен, соответствующих разным социальным группам, определяется степенью общественной активности индивида, его включенностью в различные сферы деятельности.

Известный британский исследователь имен собственных В. Николайсен в качестве примера антропонимической идентичности приводит наблюдения за вариантами варьирования своего имени: *“I am so many names to so many people: Bill, Bill Nicolaisen, Uncle Bill, Willi, der kleine Willi, Onkel Willi, Willi Nicolaisen, Wilhelm, Wilhelm Nicolaisen, W.F.H. Nicolaisen, Nicolaisen, Guardian, Dr. Nicolaisen, Willie Nick, Professor Nicolaisen, Professor, Dad, Daddy, Opa, and of course, good old birth-certificate Wilhelm Fritz Hermann Nicolaisen”* [7, p. 185]. Эта языковая рефлексия ученого характеризует не только вертикальные изменения в системе наименований, происходящие на протяжении всей жизни человека и названные С.И. Гарагулей «антропонимической биографией» [6], но и горизонтальные изменения, связанные с практически одновременным, параллельным, коммуникативным взаимодействием индивида в различных социальных объединениях.

Антропонимическая диглоссия в таких объединениях проявляется в переключении с одной системы наименований лиц на другую при смене обстоятельств общения внутри группы (например, при переходе от нефор-

мального общения к официальному или наоборот) или при выходе за пределы группы. Например, при переходе от неформального общения к официальному возможно столкновение официальной трехчленной формулы имени и гипокористической, сопровождаемое метаязыковым комментарием (рефлексивом) по поводу такого столкновения: *Сегодня разговор с Павлом Васильевичем Рубакиным (язык не поворачивается назвать его Пашей, как у нас принято). На кафедре над ним смеиваются* (Грекова И. Кафедра). Очевидны коммуникативные затруднения при подобных переходах, связанные с различием в возрасте и статусе индивидов, принадлежащих к одной профессиональной группе.

Антропонимическая диглоссия имеет место и при переходе от профессионального внутригруппового общения к презентации членов малой социальной группы на официальном уровне, отраженное, к примеру, в публицистике. Если автор речи считает целесообразным использование неофициальных форм имени за пределами данной группы, то его высказывание сопровождается рефлексивом *как мы его/ее называем*. При этом введение на первый взгляд избыточного, нехарактерного для официальных сфер общения, внутригруппового антропонима-деминутива сразу после официального наименования передает дополнительную информацию эмоционально-оценочного плана: *Сразу повеяло чем-то родным, когда зазвучал голос ведущей – ею оказалась наша добрая хозяйка всех музыкальных встреч в «Труде» Галина Преображенская, Галочка, как мы ее называем* (Труд-7, 2000. 26 сентября). Такие переходы от одного имени к другому сокращают коммуникативную дистанцию между автором и адресатом, способствуют интимизации общения.

В достаточно сплоченной малой социальной группе отмечается особая частотность прозвищ, используемых как в вокативной функции, так и в качестве заглавных. При общении вне группы происходит переключение на иные, общеупотребительные формы имени. Подтверждение этому встречаем в мемуарной литературе, что позволяет оценивать такие способы именования как достоверные, соответствующие реальным коммуникативным ситуациям.

Как отмечают А.С. Щербак и А.А. Бурыкин, «в современном обиходе, в рамках существующего принятого речевого этикета и действующей правовой практики, регулирующей формы имени, собственно личные имена и прозвища расходятся все дальше и дальше друг от друга» [8, с. 216]. Вполне закономерно некоторое удаление друг от друга и автономное существование личных имен и прозвищ, закрепление за одними ситуациями официальных форм имени, а за другими – прозвищ. Причем прозвища понятны только посвященным, поэтому при выходе автора речи за пределы малой группы они, как правило, сопровождаются рефлексивами с местоимением *все* или наречиями *всегда*, *часто*: *как все его/ее называли; его/ее всегда называли. У нас была особая дружба с секретаршей Товстоногова Ириной Шимбаревич – Шимбой, как все ее называли* (Спивакова С. Не все).

Наиболее устойчивые в малых группах семейные прозвища и прозвища друзей, образованные преимущественно от личных имен, тоже отражены в мемуарной литературе, относящейся к разным периодам: *Недаром товарищи и друзья называли его не Константином Сергеевичем, а ласкательно, как малого ребенка: «Конста»* (Буслаев Ф.И. Мои воспоминания). *Дмитрий Николаевич почти ежедневно звонил в Москву, он преподавал в Школе-студии мастерство художественного слова, там же училась его дочь, он ее называл Тутик (ныне актриса «Табакерки» Наталья Дмитриевна Журавлева)* (Вульф В. Серебряный шар). Это позволяет заметить, что параллельные и независимые формы антропонима, закрепленные за коммуникацией в разных социальных группах – постоянная и устойчивая характеристика речевого поведения.

Межъязыковая антропонимическая диглоссия. Под межъязыковой антропонимической диглоссией понимаем явление, характеризующее параллельное существование и употребление индивидом в пределах одного социума двух имен, принадлежащих разным лингвокультурам. Эти имена функционально неравнозначны, их употребление распределяется в зависимости от коммуникативных потребностей: например, в профессиональном коллективе, неоднородном в национальном отношении, используются одни

имена, как правило трансформированные, а в кругу своей этнической группы, в общении на родном языке – исконные имена, данные при рождении и характерные для оригинальной лингвокультуры.

Важным условием при диглоссии любого типа является «сознательный выбор говорящего между разными коммуникативными средствами и использование такого средства, которое наилучшим образом способно обеспечить успех коммуникации в данной сфере общения» [4, с. 60]. Причем зачастую, в отличие от внутриязыковой антропонимической диглоссии, в данном случае имеет место самоназвания, т. е. члены профессионального или учебного коллектива делают сознательный выбор формы имени, способствующий их языковой социализации в рамках определенной группы или общества в целом.

Адаптированные имена приобретают различные формы. Причем случаи полной замены имени достаточно редкие. Зачастую из русского именника выбираются имена, фонетически и структурно подобные исконным, что можно рассматривать как попытки сохранить элементы своей этнической идентичности. Например, параллельно существующие имена адыгов: *Кульжана – Жана, Запихан – Зоя, Нурбий – Юрий, Батырбий – Борис* и под. Размышляя о причинах появления второго имени у жителей Адыгеи, иногда ведущих к официальной замене этнического имени, данного при рождении, Р.Ю. Намиткова и И.А. Нефляшева отмечают не только желание адаптироваться в иноязычной среде и не выделяться своей экзотичностью. Среди причин появления нового имени авторы отмечают труднопроизносимость некоторых национальных имен, а также неудобства образования отчеств [9, с. 21].

Приведем примеры со специальных форумов, на которых обсуждалась ситуация, обозначенная нами как межъязыковая антропонимическая диглоссия [10–12]. Во всех приведенных ниже высказываниях мы сохранили орфографию и авторский стиль изложения.

Примечательно, что практически все авторы метаязыковых высказываний, посвященных данной проблематике, называют социальную группу, в которой обычно присваивается второе имя (*на работе, в школе и др.*): *Родные называют Лейла, подруги,*

друзья в школе – Леська, а брат и его друзья Лелек; А у одноклассника папа Ильмас Фетлихтясович, но на работе он для всех Илья Федорович [10].

Следует также обратить внимание на зависимость выбора адаптированного или полностью измененного имени от типа социальной группы. В трудовых коллективах чаще происходит замена имени: *Давно-давно работала секретарем в нефтеторговой фирме. У нас работали: Мушфиг – Михаил Гусейнович, Тарлан – Толик, Фаик и Фуад – Миша и Гера соответственно. Все родились в одном селе. А еще был Эдуард Александрович. Он же Тя Ман Гук. Причем, Тя – фамилия, а Ман Гук – имя. Все эти люди так и представлялись. Настоящие имена знали очень немногие* [11]. А в учебных коллективах этническое паспортное имя сохраняется в официальном общении, даже если оно не функционирует в семье: *Мое настоящее имя Шаухан. А все друзья, родственники, все знакомые называют меня Сашей, Саней! Я даже толком не привык к своему настоящему имени. Ток в универе меня называют Шауханом* [10]. Иногда параллельное имя существует не для всего коллектива, а лишь для его части. Например, для детей: *В начальной школе была учительница-татарка Найля Феккиевна. Для детей – Нелли Федоровна* [11].

Одна из отличительных особенностей межъязыковой антропонимической диглоссии – идентификация себя как личности с одним трансформированным именем в разных социальных группах. Например, функционально связанным оказывается употребление имени в профессиональных и семейных группах. Замена или адаптация имени одного члена семьи влияет на форму выбора русифицированного варианта имени в профессиональной группе другого члена семьи: *Устраивается к нам работник. – Зовите меня Леха. – А по паспорту тебя как зовут? – Ильшат. – Может тогда Ильей будем тебя называть? – Илья – мой брат Ильяс* [12].

Среди причин выбора для себя русифицированного варианта имени участники интернет-коммуникации нередко называют существующее в обществе предубеждение к их этническому происхождению и нежелательные фонетические ассоциации со словами русского языка: *Я Светлана. (Имя Савдат сменили уже как год. Сложно с ним жить в*

наше время, в нашей стране. Да и созвучно для многих с солдат. Однако я все равно ооочень сильно люблю свою это имя) [10].

Очевидны эмоциональные переживания носителя нового имени и желание рассказать о своих проблемах, связанных с изменением имени. Такое оценочное отношение к межъязыковой антропонимической диглоссии носителей имен, непривычных для русской лингвокультуры, достаточно типично: *Татары всю жизнь мучились со своими именами – упрощали-упрощали, чтобы русским легче было произносить, и до конца жизни были обречены быть «просто» Фаями, Гулями, Зулями...* [12].

Нередко это приводит к появлению и обратного процесса – реверсивному имятворчеству: некоторые носители нетипичных для русской лингвокультуры имен переидентифицируют себя в трудовом коллективе, вторично заменяя свои уже адаптированные русифицированные имена на исконные. Например, в Якутии все большую популярность набирает возвращение родовых якутских имен, а в случаях их полной утраты – конструирование имени с использованием глаголов и прилагательных родного языка. В результате *Иван* заменяется на *Уйбаан*, *Егор* – на *Дьгр*, *Григорий* – на *Киргиэлей*, *Федор* – на *Суодэр*, *Петр* – на *Буотур*, *Павел* – на *Байбал* и т. п. Наблюдается активное использование вновь обретенных якутских имен в официальных ситуациях общения [13]. Такое явление тоже можно квалифицировать как антропонимическую диглоссию, только в данном случае полностью меняются оценочные представления как о престижности языка, так и о собственной социализации.

Заключение. Рассмотренный материал позволяет определить антропонимическую диглоссию как параллельное существование в пределах одного социума разных форм именования человека, с четким закреплением каждой из них за определенными сферами общения в пределах социальной группы. В зависимости от выбора антропонима выделяются внутриязыковая антропонимическая диглоссия, при которой параллельно существующие имена одного индивида относятся к разным подсистемам национального антропонимона, и межъязыковая антропонимическая диглоссия, при которой наблюдается сознательный выбор индивидом второго

имени, принадлежащего к иной лингвокультуре, как правило, доминирующей в данном социуме. Данные виды антропонимической диглоссии определяются условиями общения и различаются не только выбором форм антропонима, но и их функциональным распределением между коммуникативными ситуациями.

В заключение отметим, что представленный в данной статье общий взгляд на антропонимическую диглоссию нуждается в дальнейшей разработке на более широком текстовом материале, с привлечением данных массовых социолингвистических опросов и записью живой разговорной речи в семьях и в профессиональных коллективах. Кроме того, дальнейшая работа в данном направлении может способствовать определению таких теоретических понятий, как ономастические социолекты и ономастический стиль речевого поведения, для разработки которых пока не хватает иллюстративного материала.

Список литературы

1. *Бондалетов В.Д.* Ономастика и социолингвистика // Антропонимика. М., 1970. С. 17-23.
2. *Крюкова И.В.* Социолингвистические аспекты ономастических исследований: постановка проблемы // Вопросы филологии. 2014. № 2 (47). С. 30-35.
3. *Крысин Л.П.* Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. С. 468-474.
4. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. URL: http://www.iling-an.ru/library/sociolingva/slovar/sociolinguistics_dictionary.pdf (дата обращения: 29.01.2016).
5. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. М., 2000.
6. *Гарагуля С.И.* Антропонимическая прагматика и идентичность индивида (опыт системного описания личных имен в США): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.
7. *Nicolaisen W.F.H.* In the Beginning Was the Name // Names. 1999. Vol. 47.
8. *Щербак А.С., Бурькин А.А.* К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 9 (77). С. 213-217.

9. Намитокова Р.Ю., Нефляшева И.А. В мире имен собственных. Лингвистические беседы по краеведению. Майкоп, 2016.
10. Ваше второе имя, или как вас называют родственники, друзья? URL: http://vk.com/topic-10625_26796 (дата обращения: 11.01.2016).
11. Как правильно произносить непривычные и иностранные имена. URL: <http://i-cherski.livejournal.com/1347882.html?page=1#comments> (дата обращения: 11.01.2016).
12. Хочу поделиться историей про замену имен. URL: http://pikabu.ru/story/khochu_podelitsya_istoriey_pro_zamenu_imyon_4144977 (дата обращения: 11.01.2016).
13. Назвался Уйбааном. Якуты стали чаще менять русские имена на национальные. URL: <http://smartnews.ru/regions/yakutsk/14865.html#ixzz4AitUPnfP> (дата обращения: 11.01.2016).
5. Mechkovskaya N.B. *Sotsial'naya lingvistika*. Moscow, 2000. (In Russian).
6. Garagulya S.I. *Antroponimicheskaya pragmatika i identichnost' individa (opyt sistemnogo opisaniya lichnykh imen v SShA)*. Avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk. Moscow, 2009. (In Russian).
7. Nicolaisen W.F.H. In the Beginning Was the Name. *Names*, 1999, vol. 47.
8. Shcherbak A.S., Burykin A.A. К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2009, no. 9 (77), pp. 213-217. (In Russian).
9. Namitokova R.Yu., Neflyasheva I.A. *V mire imen sobstvennykh. Lingvisticheskie besedy po kraevedeniyu*. Maykop, 2016. (In Russian).
10. *Vashe vtoroe imya, ili kak vas nazyvayut rodstvenniki, druz'ya?* Available at: http://vk.com/topic-10625_26796 (accessed 11.01.2016). (In Russian).
11. *Kak pravil'no proiznosit' neprivychnye i inostrannye imena*. Available at: <http://i-cherski.livejournal.com/1347882.html?page=1#comments> (accessed 11.01.2016). (In Russian).
12. *Khochu podelit'sya istoriey pro zamenu imen*. Available at: http://pikabu.ru/story/khochu_podelitsya_istoriey_pro_zamenu_imyon_4144977 (accessed 11.01.2016). (In Russian).
13. *Nazvalsya Uybaanom. Yakuty stali chashche menyat' russkie imena na natsional'nye*. Available at: <http://smartnews.ru/regions/yakutsk/14865.html#ixzz4AitUPnfP> (accessed 11.01.2016). (In Russian).

References

1. Bondaletov V.D. Onomastika i sotsiolingvistika. *Antroponimika*. Moscow, 1970, pp. 17-23. (In Russian).
2. Kryukova I.V. Sotsiolingvisticheskie aspekty onomasticheskikh issledovaniy: postanovka problemy. *Voprosy filologii – Journal of Filology*, 2014, no. 2 (47), pp. 30-35. (In Russian).
3. Krysin L.P. Vladenie raznymi podsystemami yazyka kak yavlenie diglossii. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike*. Moscow, 2004, pp. 468-474. (In Russian).
4. *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov*. Moscow, 2006. Available at: http://www.iling-an.ru/library/sociolingva/slovar/sociolinguistics_dictionary.pdf (accessed 29.01.2016). (In Russian).

Поступила в редакцию 10.03.2016 г.
Received 10 March 2016

UDC 81-23

ANTHROPONYMIC DIGLOSSIA IN SMALL SOCIAL GROUPS

Irina Vasilevna KRYUKOVA, Volgograd State Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor of Linguistics Department, e-mail: kryukova-irina@yandex.ru

The definition to anthroponymic diglossia as a phenomenon which characterizes parallel existence within one society of different forms of human nomination with clear fixation of each after definite spheres of communication which are fixed by different social groups. Basing on the example of watching functioning of proper names are divided into small social groups (family, professional or educational collective, collective of friends and etc.). They may be both formal (e.g. professional collective in general) and informal (groups within collective), created on the basis of context analysis of literary and publicistic discourse and also internet communication the two types of anthroponymic diglossia are figured out. The inter language anthroponymic diglossia is discussed when we see the existence of two and more forms of name of one individual, which refer to different subsystems of national anthroponymicon; and inter language anthroponymic diglossia for which a characteristic feature is use by individual within one society of two names, belonging to different linguistic cultures. These names are not functionally equal. Each form of anthroponymic nomination is fully fixed by definite sphere of communication within small social group. Basing on the examples of parallel functioning of different forms of name of one individual (in professional or educational group, in family, in a circle of friends), reflected in fiction, publicistic journalism and online communication, and demonstrate the functional specificity of intra-language and inter-language of diglossia and anthropological approaches to the further study of this phenomenon.

Key words: anthroponym; inner language diglossia; inter language diglossia; small social group.

УДК 81'373.2

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ НАИМЕНОВАНИЙ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЕДИНИЦ СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА РУССКИЙ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – НА СЛОВАЦКИЙ ЯЗЫКИ

© Владимир Степанович ПУКИШ

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп,
Республика Адыгея, Российская Федерация,
ассистент кафедры русского языка, e-mail: vpukish@mail.ru

Исследована проблема передачи обозначений административно-территориальных единиц с языка-источника на язык перевода, в частности, словацко-русской и русско-словацкой передачи наименований административных единиц на материале статей в словацких, венгерских и российских печатных источниках. Рассмотрены результаты анализа текстов СМИ в переводческой практике, свидетельствующие о том, что до настоящего времени не выработаны единообразные рекомендации относительно передачи официальных наименований административных единиц Словакии на русский язык и России – на словацкий язык. Предложены традиционные способы такой передачи – практическая транскрипция и калькирование. Особое внимание обращается на исторические наименования административных единиц в той и другой стране, а также на наименования новых номенклатурных единиц, терминированные в обеих странах в последние годы. Проанализирована переводческая практика словацких соответствий административно-территориальных единиц России и русских соответствий административных единиц Словакии. Учитывая требования однозначного толкования номенклатурной терминологии в официальных документах, выделяются устойчивые словацко-русские и русско-словацкие параллели наименований административно-территориальных единиц. Доказано, что обозначения административно-территориальных единиц используются в документах в качестве номенклатурного термина или родового названия соответствующего класса вместе с видовой парой – ойконимом. При переводе официальных документов следует передавать такие родо-видовые пары максимально корректно и однозначно, поскольку от верной их передачи в языке перевода может зависеть юридическая действительность переводимого документа. Предложенные рекомендации по унификации такой передачи учитывают корректность и однозначность переводимых документов.

Ключевые слова: административно-территориальные единицы; Словакия; Россия; историзм; родовое название; топоним; ойконим.

Известно, что значительная часть заказов, поступающих в бюро переводов, представляет собой официальные документы – паспорта, различные свидетельства (о рождении, браке, разводе, смерти), водительские удостоверения, решения органов государственной власти, судов, коммерческая переписка и т. д. При этом переводчику приходится сталкиваться с необходимостью максимально точной и корректной передачи как имен собственных, так и страноведческих реалий с исходного языка на язык перевода. Среди таких общественно-политических реалий выделяется лексика административно-территориального устройства, а именно слова, обозначающие административно-территориальные единицы [1, с. 56].

Для обозначения субъектов федерации в современной Российской Федерации служат слова: *край, область, (автономная) республика, автономная область, автономный ок-*

руг, город федерального значения; а также обозначения более мелких единиц – административных: *муниципальный район* (а также его аналоги в национальных субъектах федерации, например, *улус* в Республике Саха (Якутия), *городской округ; городские и сельские поселения;* населенных пунктов: *город, село, поселок городского типа, деревня, хутор* и т. д. Обозначения административно-территориальных единиц используются в документах в качестве номенклатурного термина или родового названия соответствующего класса вместе с видовой парой – ойконимом. При переводе официальных документов следует передавать такие родо-видовые пары максимально корректно и однозначно, поскольку от верной их передачи в языке перевода может зависеть юридическая действительность переводимого документа.

Следует отметить, что однозначный подход к передаче на иностранные, включая

наиболее распространенные, языки наименований административных единиц РФ до сих пор не окончательно не разработан. Например, Д.И. Ермолович указывает, что при передаче административных единиц с русского на английский существуют две тенденции: использование соответствия-аналога (*область – region, край – territory, округ – area / district*); или транслитерации (*oblast, kray* [по нашему мнению, более приемлемым является написание *krai* в силу того, что в английском языке *ay* обычно произносится как дифтонг [eɪ – прим. наше], *okrug*) [2, с. 35].

При передаче наименований подобных иностранных единиц на русский язык используется либо прием практической транскрипции (*кантон, вилайет, департамент*), либо калька (брит. *county – графство*; амер. *county – округ*) [2, с. 34]. Добавим, что каких-либо последовательностей здесь нет – все зависит от традиций передачи наименований административных единиц конкретной страны; впрочем, практическая транскрипция обычно используется в тех случаях, когда слово, обозначающее административную единицу в иностранном языке, похоже по звучанию и потому понятное для русскоязычного реципиента: франц. *департамент*, польск. *воеводство* (ср.: *воевода*), чеш. и слов. *край* (последнее является реалией административно-политического устройства также и в РФ).

В некоторых случаях в языке перевода используются как калька (аналог), так и транслитерированное (транскрибированное) оригинальное название: венг. *область / медье*; рум. *уезд / жудец*; польск. *уезд / повет*. При этом *повет* вошел в словари русского языка как историзм, до 1929 г. обозначавший административно-территориальную единицу Украины, соответствующую уезду, а также используется относительно современной подобной единицы Польши.

Следует отметить, что при переводе исторических текстов следует принимать во внимание наименования-историзмы, например, венг. *vármegye* = рус. *комитат* через лат. *comitatus*, нем. *Komitat*; рус. *губерния, волость* (последние можно назвать и реалиями современной России).

Переводческая практика и анализ текстов СМИ показывают, что до настоящего времени не выработаны единообразные ре-

комендации относительно передачи официальных наименований административных единиц Словакии на русский язык и России – на словацкий язык. Несмотря на многовековой опыт политических и культурных связей между нашими странами, при использовании данной лексики как в СМИ, так и бюро переводов существует вариативность. В данной статье отслеживается существующая практика словацко-русской и русско-словацкой передачи наименований административных единиц на материале статей в словацких, венгерских и российских источниках; а также предпринимается попытка выработки рекомендаций по унификации такой передачи.

1. Русские соответствия административных единиц Словакии

С 1996 г. Словацкая Республика делится на 8 краев (слов. *kraj*). До этого с 1960 г. в Словакии как республике в составе Чехословацкой Социалистической Республики (ЧССР; в 1990–1992 гг. Чехословацкая, затем Чешская и Словацкая Федеративная Республика, ЧСФР) было 4 края – Западнорусский, Среднесловацкий, Восточнорусский и (с 1968 г.) город Братислава как отдельный край. Все современные края названы по имени своего административного центра. В предыдущей версии административно-территориального деления края именовались по их географическому расположению в Словакии. Передача данной административно-территориальной единицы на русский язык, по нашему мнению, не представляет трудности: ее следует передавать как *край*, хотя, например, в фундаментальном «Словацко-украинском словаре», изданном в 1985 г., перевод данного термина на украинский язык дан как *край* для Советского Союза, но как *область* для Чехословакии (*Východoslovenský kraj – Восточнословацкая область*) [3, S. 177]. Значение термина *край* в современной России приблизилось к значению термина *область* (особенно после выхода из состава нескольких краев автономных областей и образования трех новых краев после объединения автономных округов с областями), но имеющая также значение «крупная административно-территориальная единица». Для Словакии такой единицей является *kraj*, поэтому такая ее передача на русский язык выглядит вполне логичной.

Территория нынешней Словакии в течение веков входила в состав Венгерского королевства. Поэтому исторические названия регионов Словакии (не совпадающие с административными границами нынешних *краев*) двуязычны. Что касается собственно названия административно-территориальных единиц, то по-венгерски они назывались *vármegye* (дословно: область с замком; название возникло в связи с тем, что административным центром области являлся город, имеющий замок). В словацкой историографии эта единица называется *komitát* (для обозначения королевских единиц до XIV в.), *stolica* (для обозначения единиц дворянского самоуправления до 1848 г.) и *župa* (для обозначения административно-территориальных единицы Австрийской, а в 1867–1918 гг. Австро-Венгерской империи). На русский язык все эти историзмы передаются как *комитат* (отметим, что в украинском также – *комитат*, а также – *жупа*). Подробно о передаче венгерского историзма *vármegye* на русский язык см. в [4].

Историческим топонимом *Horné Uhorsko* (в дословном переводе *Верхняя Венгрия*) часто именовались принадлежавшие Венгерской короне земли, заселенные словаками. При этом отметим, что для хоронима *Венгрия* в словацком языке существуют два соответствия: *Uhorsko* до распада Австро-Венгерской империи в 1918 г. и *Maďarsko* для посттрианонской Венгрии. При этом *Horné Uhorsko* является словацким переводом венгерского топонима-историзма *Felsőmagyarország* (= *Верхняя Венгрия*), хотя более употребительным является топоним *Felvidék* (от литературного лат. *Partes Superiores*, дословно *Верхние регионы*), которым обозначались земли Словакии и Подкарпатской Руси (ныне Закарпатская область Украины) до 1945 г. и продолжает обозначаться территория нынешней Словацкой Республики в современной венгерской этнографической, исторической и политологической литературе, особенно если речь идет о заселенных этническими венграми районах Словакии [5, S. 363–364]. При переводе такой литературы на русский язык некоторые авторы используют транскрибированный венгерский термин *Фелвидек* [6, с. 11]. Вероятно, это оправдано в текстах о венграх, проживающих за границами Венгрии, но мало что говорит русско-

язычному читателю. Поэтому в исторических текстах этот топоним можно передавать на русский язык как *Верхняя*, или *Северная Венгрия*. Отметим, что русинская часть этого топонима издавна известна под названием *Верховина*.

Единицей административно-территориального деления внутри *края* (*kraj*) в Словакии является *okres*. Это слово имеет общий корень с русским *округ*, и, к примеру, словацкий лексикограф П. Бунганич предлагал передавать его так: по отношению к Чехословакии – *округ* (*район*), по отношению к СССР (напомним, что словарь вышел в 1985 г.) – *район* [3, S. 311]. Действительно, словацкий (и чешский) *okres* является административным аналогом российского *района*, в то время как российские *автономные округа* – это национальные образования и субъекты федерации. Поэтому для человека, привыкшего к российским реалиям, логичнее отождествлять словацкий *okres* с *районом* – так мы и предлагаем передавать название этой единицы на русский язык.

Еще один номенклатурный термин, который переводится на русский язык как *военный округ*: *vojenský obvod*. *Obvod* может обозначать и историзмы более мелкого уровня, чем *губерния* (*область*) – например, *уезд*, *волость*.

Населенный пункт в Словакии – *osídlenie*.

«Самостоятельная самоуправляемая территориальная единица, образованная одним или несколькими населенными пунктами», называется *obec* [7, S. 49]. На русский язык данную номенклатурную единицу можно передать как *муниципалитет*, *община*, или, пользуясь современной терминологией, *городское* или *сельское поселение*. При этом в современной Словацкой Республике административным термином является только *obec* как «основная единица территориального деления государства». В широком смысле понятие *obec* объединяет *vidiecke obce* (*населенные пункты сельского типа*) и *mestá* (*города*) [7, S. 13], а в узком употребляется в традиционном значении *село*. При этом *sídlisko* (*поселок*; *жилой массив в городе*, *городской район*), *dedina* (*село*) не являются номенклатурными административно-территориальными единицами, хотя и остаются родовыми названиями таких единиц.

Таблица 1
Русские соответствия территориально-
административных единиц
Словацкой Республики

Словацкие административные наименования	Русское соответствие
kraj	край
okres	район
obec	населенный пункт (вообще); село
mesto	город
komitát, stolica, župa	комитат (провинция в исторической Венгрии)

Таблица 2
Словацкие соответствия
территориально-административных
единиц Российской Федерации

Русские административные наименования	Словацкое соответствие
республика (субъект федерации)	republika
край	kraj
область	oblasť
автономная область	autonómna oblasť
автономный округ	autonómny okruh
район	okres
район (городской)	sidlisko
губерния	gubernia
уезд, повет	obvod
волость	obvod

II. Словацкие соответствия административно-территориальных единиц России

Анализ традиционных словацких соответствий русских административных наименований начнем с исторического наименования высшей административно-территориальной единицы царской России *губерния*, которое традиционно передается на словацкий как *gubernia*.

Административно-территориальные единицы современной России, благодаря родству языков, без проблем узнаваемы по-словацки. Так, *республика* передается как *republika*, *край* – как *kraj*, *область* – как *oblasť*, *автономная область* – как *autonómna oblasť*, *автономный округ* – как *autonómny okruh*. Здесь отметим, что слово *oblasť* является заимствованием из русского языка [8, с. 116] и используется, как и в языке-источнике, в значениях *сектор, пояс, район,*

регион, и для обозначения административно-территориальных единиц в России и ряде постсоветских стран (но не в Словакии). Лексема *okruh* также многозначна, она используется именно как российский номенклатурный термин (ранее также в СССР – *národnostný okruh* – *национальный округ*) [3, S. 311].

Проанализировав переводческую практику и учитывая требования однозначного толкования номенклатурной терминологии в официальных документах, можно предложить такие словацко-русские и русско-словацкие параллели наименований административно-территориальных единиц (табл. 1, 2).

Список литературы

1. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М., 2009.
2. Ермолович Д.И. Методика межъязыковой передачи имен собственных. М., 2009.
3. Bunganič P. Slovensko-ukrajinský slovník. Bratislava, 1985.
4. Пукиш В.С. К вопросу о передаче венгерских наименований административных единиц на русский язык и российских – на венгерский // Вопросы финно-угорской филологии: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. В.М. Лудькова. Сыктывкар, 2013. Вып. 4 (9). С. 90-95.
5. Erős Z. Magyar történelmi helynevek A-tól Z-ig. Budapest, 2011.
6. Якименко О. Литература венгерского ближнего зарубежья // Венгрия за границами Венгрии: поэзия и проза венгерского ближнего зарубежья; пер. с венгерского. М., 2015. С. 5-12.
7. Sloboda D. Slovensko a regionálne rozdiely. Bratislava, 2006.
8. Мустрик Й. Грамматика словацкого языка. Братислава, 1985.

References

1. Vlahov S.I., Florin S.P. *Neperevodimoe v perevode*. Moscow, 2009. (In Russian).
2. Ermolovich D.I. *Metodika mezh'yazykovoy peredachi imen sobstvennykh*. Moscow, 2009. (In Russian).
3. Bunganič R. *Slovensko-ukrajinský slovník*. Bratislava, 1985. (In Slovak).
4. Pukish V.S. K voprosu o peredache vengerskikh naimenovaniy administrativnykh edinit na russkiy yazyk i rossiyskikh – na vengerskiy. *Voprosy finno-ugorskoj filologii: mezhvuzovskiy*

- sbornik nauchnykh trudov*. Syktyvkar, 2013, no. 4 (9), pp. 90-95. (In Russian).
5. Erős Z. *Magyar történelmi helynevek A-tól Z-ig*. Budapest, 2011. (In Hungarian).
 6. Yakimenko O. Literatura vengerskogo blizhnego zarubezh'ya. *Vengriya za granitsami Vengrii: poeziya i proza vengerskogo blizhnego zarubezh'ya*. Moscow, 2015, pp. 5-12. (In Russian).
 7. Sloboda D. *Slovensko a regionálne rozdiely*. Bratislava, 2006. (In Slovak).
 8. Mistrik Y. *Grammatika slovatskogo yazyka*. Bratislava, 1985. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.03.2016 г.
Received 10 March 2016

UDC 81'373.2

TO THE PROBLEM OF ADMINISTRATIVE DISTRICTS NAMES INTERPRETATION OF THE SLOVAK REPUBLIC INTO RUSSIAN AND RUSSIAN FEDERATION INTO SLOVAK LANGUAGE

Vladimir Stepanovich PUKISH, Adyghe State University, Maykop, Republic of Adygeya, Russian Federation, Assistant of Russian Language Department, e-mail: vpukish@mail.ru

The problem of denotations of administrative-territorial generic names rendering from a source language into a target language is studied, particularly Slovak-Russian and Russian-Slovak rendering of administrative district units basing on the material of articles in Slovak, Hungarian and Russian printed sources. The results of the analysis of media texts in translation practice, indicating that to date has not developed uniform guidelines regarding the transfer of the official names of administrative units of Slovakia in the Russian language and Russia in the Slovak language. Conventional methods for such transfer of practical transcription and replication are proposed. Particular attention is drawn to the historical names of administrative units in the other country, as well as the names of the new nomenclature of units terminated in both countries in recent years. Practice of translation correspondences of the Slovak administrative-territorial units of Russia and Russian correspondences of administrative units of Slovakia is analyzed. The demands for unambiguous interpretation of the nomenclature and terminology in the official documents are given, stand stable Slovak-Russian and Russian-Slovak parallel names of administrative-territorial units. It is proved that the symbols of administrative-territorial units used in the documents as the nomenclature of the term or generic name of the corresponding class, together with the specific pair of placenames. When translating official documents should pass such a generic-specific pair the most correct and by far as faithful to their transfer to the language of the translation may depend on the validity of the translated document. Recommendations on the harmonization of such transfer shall take into account the correctness and unambiguity of the translated documents.

Key words: administrative-territorial units; Slovakia; Russia; historical realia; generic name; place name (toponym); oikonym.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'36

ИДЕЯ О ШИФРУЮЩЕЙ РОЛИ ГРАММАТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

© Анатолий Леонидович ШАРАНДИН

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры русской филологии и журналистики,
e-mail: sharandin@list.ru

Пронализирована идея о шифрующей роли грамматики, представленная в работах профессора В.Г. Руделёва и получившая развитие в теории лексической грамматики А.Л. Шарандина. Актуальность и значимость данной идеи определяется ее связью с центральной проблемой языкознания – проблемой взаимодействия лексики и грамматики: грамматика рассматривается как шифр выражаемой лексической семантики. Применяемый В.Г. Руделёвым оппозитивный метод в духе фонологических идей Н.С. Трубецкого позволил систематизировать части речи в русском языке с учетом их информационной значимости и тем самым осмыслить систему частей речи как динамическую. В теории лексической грамматики взаимодействие лексики и грамматики представлено как развитие выдвинутой В.Г. Руделёвым идеи о шифрующей роли грамматики в плане ее реализации за пределами грамматики. Выдвигая гипотезу о том, что грамматика шифрует лексическую семантику, автор доказывает, что наличие слова можно рассматривать как своего рода семантический шифр, посредством которого выявляется сущность концептуализации и категоризации действительности человеком, что идея о шифрующей роли грамматики не ограничивается только взаимодействием лексики и грамматики, хотя, вероятно, наиболее ярко и полно представлена именно в этой области языкознания в связи с системным и обязательным характером грамматики как концептуальной структуры слова.

Ключевые слова: лексика; грамматика; взаимодействие; части речи; формы слова.

Стоит ученым сделать открытие,
как дьявол его крадет,
в то время как ангелы дискутируют
о лучших способах его использования.

Ален Валентайн

Идея о шифрующей роли грамматики в концептуальном виде была сформулирована профессором В.Г. Руделёвым в тезисах доклада «Типы и виды грамматик. Существуют ли грамматики, не являющиеся семантическим шифром?», прочитанного на научной конференции «Семасиология и грамматика», которая проходила в 1977 г. в Тамбове. Он пишет: «Нам представляется наиболее целесообразным такое решение вопроса о роли грамматики, при котором грамматика рассматривается как способ выражения семантики, как своего рода семантический шифр (здесь могут быть и фигуральные выражения, вроде «грамматика – служанка семантики» и подобные). Выдвигается, таким образом, ги-

потеза о том, что грамматика шифрует лексическую семантику» [1, с. 11-12]. Безусловным примером шифровки лексической семантики с помощью языковых средств, имеющих семантику, по его мнению, является грамматическая категория, которой соответствует определенный коррелят в области лексической семантики. Так, семантическим коррелятом грамматической категории падежа применительно к русскому языку оказывается признак предметности: все падежные слова русского языка, считает В.Г. Руделёв, так или иначе включают в свои определения понятие «предметность», обозначая непосредственно предметы или признаки тех же предметов, а не действий и т. п. [1, с. 12-13].

Свое развитие идея о шифрующей роли грамматики получила в работе «Существительное в русском языке» [2]. Обращение к теории частей речи русского языка было закономерным, поскольку, по мнению В.Г. Ру-

делёва, «в традиционной теории частей речи гипотеза о шифрующей роли грамматики была высказана вяло, неактивно; разумеется, она не получила достаточного развития», хотя «на ней построена традиционная теория частей речи» [1, с. 12]. Важным моментом в осмыслении природы частей речи и их определении как семантико-грамматических классов слов для В.Г. Руделёва является то, что в этом определении говорится не вообще о семантике, а только о лексической семантике, которая в языках типа русского шифруется грамматикой [2, с. 15]. При этом следует особо обратить внимание на дополнение В.Г. Руделёва к данному рассуждению: «Здесь мы оставляем открытым вопрос о характере грамматической семантики» [2, с. 15].

В своем более или менее окончательном варианте теория частей речи получила оформление в программной статье В.Г. Руделёва «Динамическая теория частей речи русского языка» [3].

В аспекте шифрующей роли грамматики были рассмотрены В.Г. Руделёвым и отдельные грамматические категории. Особый интерес с этой точки зрения вызывали, конечно, глагольные грамматические категории, и прежде всего категории вида, залога, императивности и времени, которые определяют лексическую природу той или иной глагольной лексемы [4; 5]. Так, рассмотрение шифрующей роли категории вида позволяет прийти к выводу о том, что эта категория шифрует наличие в русском языке двух классов глагольных слов: 1) класс слов, обозначающих вход в то или иное состояние, т. е. с значением интродуктивности (типа *садиться / сесть*), и 2) класс слов, обозначающих выход из того или иного состояния, т. е. имеющих значение ликвидаторности (типа *вставить / встать*). В качестве же лексемы, не имеющей, по существу, видовой семантики, объявляется та, которая лишена видовой пары (типа *сидеть*) [4]. Таким образом, в данном рассуждении выявляется нетрадиционная позиция В.Г. Руделёва: если отсутствует противопоставление, оппозиция, то мы имеем дело не с отсутствием той или иной формы категории, а с отсутствием категории как таковой. Так, например, рассматривая с этих позиций категорию времени, он пишет: «Следует помнить, что система глагольных форм времени – это сумма временных оппо-

зиций, в которых каждый оппозиит значит что-либо тогда и только тогда, когда ему противопоставлен иной оппозиит. В случае отсутствия такого оппозиита меняется значение и того оппозиита, который остается. Можно ли в таком случае говорить о т. н. «настоящем неактуальном» времени, если в позиции, где встречается таковое, не бывает иных форм времени (Ср. «*Девушки часто плачут беспричинно*» – М. Горький)? Совершенно ясно, что в данном случае вообще нельзя говорить о времени. Нет в приведенном примере у глагола «*плакать*» «неактуального настоящего» или «настоящего абстрактного» времени: сходство форм еще не означает тождества, и то, что здесь недопустимо прошедшее и будущее время, говорит о том, что нет и настоящего. Про глагол «*плакать*» в приведенном примере некорректно говорить о времени, как нельзя говорить в случае архифонемы [д:т] в слове [код/т] о звонкости или глухости конечного согласного» [5, с. 21-22].

В этом плане отметим следующее. Во-первых, когда мы говорим о нейтрализациях в фонологии, то имеем в виду определенный аспект анализа фонологической системы, представленный моделью анализа, которая наиболее полно реализована в рамках Пражской фонологической школы (в духе основных положений теории оппозиций и нейтрализаций Н.С. Трубецкого). Эта модель отражает речевой аспект, что позволяет увидеть и осмыслить динамические процессы в фонологической системе. Но наряду с моделью анализа в языке представлены модели синтеза и коррекции. И в них мы имеем решение, согласно которым квалификация [д] и [т] в слове *код* будет иметь вполне конкретное восприятие: [т] с точки зрения синтеза и [д] с точки зрения коррекции. В языке нет в системе фонем трех единиц (фонем *т*, *д* и архифонемы *д/т*). Во-вторых, слово, принадлежащее к глагольному классу, для которого характерно наличие видовой семантики (какой? – другой вопрос), не может не иметь ее, ибо в противном случае оно оказывается не структурированным как глагол. Другими словами, если слово (лексема) относится к глагольному, то имеет видовую семантику, а как она выражена – это уже другой вопрос.

Значимым для оценки позиции В.Г. Руделёва является, на наш взгляд, следующее

его высказывание: «Не семантика временных форм, а семантика глагольных лексем, теряющих в определенных условиях (позициях) часть своей грамматики, шифрующей избыточную семантику, должна интересовать исследователя. Что же касается грамматической семантики, то она сама по себе не играет какой-либо роли в языке, грамматическая семантика – только шифр лексической семантики» [5, с. 22].

Естественно, комментировать правомерность и обоснованность данного подхода автору настоящей статьи достаточно сложно, поскольку он является соавтором указанной выше статьи. Но поскольку впоследствии, отчасти развивая идею В.Г. Руделёва о шифрующей роли грамматики в теории лексической грамматики, в наших работах представлена несколько иная позиция, то позволим себе отметить ту мотивацию, которой мы руководствуемся при ее выборе.

Рассматривая шифрующую роль грамматики, важно ответить на вопрос о том, вследствие чего данная роль оказывается такой значимой? *Почему грамматика является важнейшим средством выражения лексической семантики* (а именно о ней идет речь в трудах В.Г. Руделёва)?

Грамматика – это то, что определяет концептуальную структуру лексической единицы. На наш взгляд, человек делает достоянием своей памяти и сознания не только конкретные выражения (высказывания), но и результаты абстрагирующей функции языка – формы. Если человек знает, что это форма 1-го лица единственного числа настоящего времени, то эта форма является значимой для него, поскольку она объективирует ряд типичных конкретных высказываний, описывающих ситуацию действия говорящего в данный момент речи как реальный факт. Он овладевает знанием лексического значения слова, но не затрачивает при этом усилий на реализацию формы данного слова в определенном контексте. Поэтому и важно определиться в разграничении понятий «слово» и «форма слова», поскольку их функции принципиально различны: «слово» как языковой знак объективирует окружающий нас мир, а «форма слова» как языковая единица – отношения между различными сторонами этого мира. Это не означает, что формы слов не объективируют действительности. Они объ-

ективируют, но их объективация вторичная, результат преломления в сознании человека той первичной объективации, которая осуществлена знаковым (лексическим) способом. Поэтому важно, после выявления первичной объективации, установить механизм и формы реализации вторичной объективации, той категоризации, которая функциональна в узком смысле слова, поскольку сориентирована на высказывание, на функционирование языкового знака (слова) в высказывании, в тексте.

С точки зрения специальных знаний, в данном случае лингвистических, **слово** – это *грамматически оформленный знак* коммуникативной системы человека, аккумулирующий отражение предметно-понятийной стороны действительности путем ее называния или указания на нее и предназначенный для передачи конкретной информации на правах самостоятельного элемента (члена) высказывания [6]. В этом определении есть специальная информация, в частности, о грамматике как средстве оформления языкового знака и тем самым отличающем его от понятия знака вообще, т. е. от философских знаний о слове.

Постулат о языковом знаке признается одним из основополагающих постулатов лингвистической теории, поскольку понятие знака включается в определение языка, который в этих случаях определяется как знаковая коммуникативная система. И тогда когнитивная сущность языка предстает не только как средство общения, средство передачи информации о действительности, но и как средство накопления и хранения аккумулярованной информации в языковых знаках, которые используются на правах членов коммуникативных единиц, что определяет расчлененный (членимый) характер этих единиц. В речи они представлены высказываниями, заполненными словами. Именно этот тип речи обуславливает специфику человеческого общения и его принципиальное отличие от коммуникации, прежде всего, животных, пользующихся нерасчлененными коммуникативными сигналами, т. е. «язык» животных по своей сущности хотя и коммуникативен, но при этом имеет незнаковый характер. Человек также использует такого рода нечленимые высказывания (ср.: междометные высказывания, утверждение и отри-

цание типа «Да», «Нет», формулы речевого этикета типа «Привет!»). Однако они оказываются неосновным способом передачи информации в человеческом обществе. Поэтому *наличие слова* можно рассматривать как своего рода *семантический шифр*, посредством которого выявляется сущность *концептуализации и категоризации действительности человеком*.

Сравнение слова как языкового знака и знака вообще позволяет выявить в слове собственно знаковую семантику и семантику собственно языковую [7; 8]. *Знаковое содержание* – это предметно-понятийное содержание (или дейктическое) содержание, оформленное в соответствии с особенностями субстанции той или иной семантической системы (ср. язык и флажковая сигнальная система).

Семантическая же формула языкового знака оказывается более сложной по сравнению со знаком искусственных систем, поскольку знаковое содержание обнаруживает не только звуковую или графическую форму его оформления, но и специфическую, собственно языковую, – грамматическую. В языковом знаке денотативно-сигнификативная семантика является грамматически оформленной. По мнению В.В. Виноградова, «в языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы. Понятие бесформенного слова к современному русскому языку неприменимо» [9, с. 18].

Грамматическое оформление свидетельствует прежде всего о том, что мы имеем дело с семантической сущностью слова. При этом грамматика может варьироваться, оформляя то или иное концептуальное содержание слова. Это грамматическое варьирование обусловлено включением слова как языкового знака, как единицы номинации, соотношенной с тем или иным явлением действительности, в коммуникацию, где данная единица номинации вступает в определенные отношения с другими языковыми знаками, вследствие чего и происходят грамматические видоизменения.

Именно включение в коммуникацию, представленную уже речемыслительными единицами (разного типа высказываний), в которых слово как номинативное обозначение предметов и явлений действительности

получает сигнификативное значение, позволяет слову в качестве номинативного знака реализовать свои функциональные возможности, изменить статус знака вообще (семиотический статус) на статус языкового знака как единицы общения. И это изменение статуса слова сопровождается соотносительностью языковой формы и значения, т. е. слово становится единицей языка как коммуникативной знаковой системы. С этой точки зрения примечательна позиция В.В. Виноградова, который писал: «Слова, взятые вне системы языка в целом, лишь в их отношении к вещам и явлениям действительности служат различными знаками, названиями этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании. Рассматриваемые только под этим углом зрения слова, в сущности, еще лишены соотносительности языковых форм и значений. Они сближаются друг с другом фонетически, но не связаны ни грамматически, ни семантически» [9, с. 16].

В результате перед нами самая настоящая антиномия, определяющая, с одной стороны, что лексические обозначения (названия) не есть собственно языковые значения, поскольку представляют собой аналоговую репрезентацию действительности, когда сознание человека направлено на фонетическое (звуковое) оформление названий (ср.: «На «духе» с самого начала лежит проклятие – быть «отягощенным» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков – словом, в виде языка». – Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология*). А с другой стороны, лексические обозначения (названия) являются языковыми номинациями предметов и явлений действительности, представляя собой концептуальное содержание, неразрывно связанное с грамматическим оформлением (концептуальной структурой) языкового знака, которое они получают в коммуникации, где сознание человека направлено на использование слова для передачи сообщения в рамках такой речевой (дискурсивной) единицы, как высказывание, имеющей предикативную структуру, что приводит, в итоге, к его оформлению как когнитивно-дискурсивной единицы языка.

Таким образом, лексическая единица оказывается единством сознания (когниции), номинации (обозначения) и речевой деятель-

ности (коммуникации). Причем когниция, представленная теми или иными ментальными структурами, в отношении к номинации использует фонетические (звуковые) механизмы оформления мыслительного содержания, тогда как в отношении к речевой деятельности реализует дискурсивные (морфолого-синтаксические) способы оформления мыслительного содержания. В первом случае мыслительное содержание не есть еще собственно языковое значение слова, оно в большей степени логическое, аналоговое, а во втором – мыслительное содержание может рассматриваться как собственно языковое значение, как собственно лексическое значение, обусловленное включением в коммуникативный процесс. Но при этом важно отметить, что включение слова в состав высказывания на правах того или иного его члена не делает слово коммуникативной единицей. Оно остается номинативной единицей, а не единицей сообщения. Однако его участие в сообщении позволяет отразить динамический характер человеческого сознания, которое в этом случае способно представить объективную действительность в виде взаимосвязанных и взаимодействующих денотатов тех или иных предметов и явлений действительности, что, в конечном счете, позволяет успешно решать те или иные коммуникативные задачи, добиваться определенных коммуникативных целей и выполнять языку, в принципе, присущие ему функции, как основные (номинативную, коммуникативную и когнитивную), так и дополнительные (экспрессивную, эмотивную, стилистическую, прагматическую, фатическую и т. д.).

Поэтому исполнение грамматикой шифрующей роли оказывается в ряду других важных функций грамматики, которые обеспечивают прежде всего успешную реализацию коммуникативного процесса, позволяя адресату и адресанту в процессе передачи информации понимать друг друга. При этом утрата грамматикой некоторой избыточной информации не препятствует взаимопониманию, поскольку актуализируются другие средства, в частности контекстуальные. Так, например, отсутствие временных форм у императива компенсируется синтаксическим временем, позволяющим воспринимать волеизъявление в момент речи (*Девушки! Не*

плачьте без причины!), если иметь в виду характер ситуации, отражаемой в языке конструкциями с предикатом в императивной форме: она непосредственно сопряжена с ситуацией речи «я – ты – здесь».

В теории лексической грамматики определение *грамматической семантики* занимает в *методологическом аспекте* важное место. Как известно, лексика и грамматика, будучи относительно самостоятельными подсистемами в языке как знаковой коммуникативной системы, достаточно часто рассматриваются изолированно друг от друга, поскольку каждая из этих подсистем обладает своими элементами (лексема и словоформа), имеет свою структуру и выполняет определенные функции, что позволяет и лексике, и грамматике по своим каналам аккумулировать и выражать различные типы информации, связанные, в одном случае, с отражением предметно-понятийной или дейктической стороны действительности, а в другом – с отражением языковых знаний, которые, правда, отражают не столько сами предметы и явления действительности, сколько отношения между ними. Но при этом их связь с действительностью полностью не порывается. Именно это и обеспечивает грамматике способность участвовать в передаче внеязыковой действительности. Поэтому и лексика, и грамматика оказываются семантически значимыми, содержательными подсистемами языка, хотя семантическая информация у них оказывается различной. В лексеме она представляет знаковое (лексическое) содержание, а в словоформе – формальное (грамматическое) содержание. В связи с этим принято разграничивать и противопоставлять лексическое значение и грамматическое значение, что по существу представлено в традиционной (структурно-семантической) грамматике.

В работах В.Г. Руделёва данное противопоставление также представлено, но оно исключено по отношению к частеречным значениям. В статье «Заметки о грамматическом значении слова (на материале русского языка)», написанной в соавторстве с О.А. Цыпиным, он отмечает: «Понятие *«грамматическое значение»*, несомненно, продуктивно; просто его надо перенести на отношение слова и формы, и там оно будет на месте» [10, с. 161]. Поэтому, по его мнению, «грамматическое значение слова – это

совокупности значений его грамматических форм и причастность / непричастность данного слова к тем или иным грамматическим категориям» [10, с. 163].

Действительно, по отношению к определению характера частеречной семантики существуют различные подходы. С одной стороны, такой семантикой может быть признана грамматическая семантика, интегрирующий характер которой обусловлен сущностью самой грамматики, грамматической природы слова. С другой стороны, и лексическая семантика может иметь разные степени абстракции, о чем свидетельствуют такие объединения слов, как лексико-грамматические разряды, лексико-семантические группы. Если сравнить лексическое значение слов «перемещаться, передвигаться» с лексической семантикой слов «бегать, бродить, ездить, идти, летать», то лексическое значение первых оказывается более абстрактным, поскольку вторые включают в себя значение перемещения, передвижения и имеют дополнительный семантический признак, конкретизирующий характер и способ перемещения в пространстве. Это позволяет объединить их в одну лексико-семантическую группу глаголов перемещения. Более того, если сравнить толкование лексического значения, например, глагола *соответствовать* и толкование грамматического значения 1-го лица глагола, то более конкретным для носителей русского языка, вероятно, окажется обозначение последнего. Ср.: *1-е лицо* – «действие совершает говорящий (человек)» и лексическое толкование глагольной лексемы *соответствовать* в словаре С.И. Ожегова – «находиться в соответствии (? – А. Ш.) с кем-чем-нибудь».

Таким образом, мнение, что лексическое значение (ЛЗ) более конкретно, чем грамматическое значение (ГЗ), формализуется достаточно неоднозначно. Поэтому в современной научной литературе наблюдается, по существу, отказ от критерия «мера абстрактности» в разграничении ЛЗ и ГЗ, а точнее, произошло его переключение в критерий связи ЛЗ и ГЗ с внеязыковой действительностью. Считается, что ЛЗ соотносится с понятием, а также с предметами, признаками и явлениями, которые в определенном смысле демонстрируют «конкретные кусочки действительности» (М.В. Никитин). Что же каса-

ется ГЗ, то оно «воспроизводит отношения объективного мира» (А.А. Шахматов). Итак, и ЛЗ и ГЗ связаны с внеязыковой действительностью, отражают ее, но по-разному. Грамматическая категоризация сориентирована на речь, а лексическая категоризация на язык, на словарь, где связь ЛЗ с внеязыковой действительностью находит отражение в понятии, которое представляет в словарном толковании существенные признаки, свойства предметов и явлений действительности. ЛЗ – это показатель лексемы как единицы словаря, которая определяется как совокупность форм и соответствующих значений, т. е. это некая языковая модель номинации, которая в речи реализуется в форме грамматических образований, имеющих конкретные грамматические значения.

Таким образом, связь ЛЗ и ГЗ с внеязыковой действительностью можно рассматривать как факт, их объединяющий, а не различающий, хотя способ и характер ее отражения у них специфичный.

В ответе на вопрос о том, в каком соотношении находятся лексическая и грамматическая семантика на самом высшем уровне членения словарного состава, мы находим в учении о частях речи разные мнения и выводы. Так, значение предметности как частеречное значение существительного Л.В. Щерба и В.В. Виноградов называли грамматическим значением. По мнению В.В. Лопатина, «части речи – это самые крупные грамматические классы слов, характеризующиеся... обобщенным грамматическим значением, абстрагированным от лексических значений слов и от категориальных морфологических значений...» [11, с. 382].

Прямо противоположное мнение связано с определением частеречных значений как наиболее абстрактных лексических значений. Ср.: «Значение предметности, действия, признака, лица и другие не только выступает в роли систематизаторов словарного состава языка, но и является своеобразной доминантой общего лексического значения всех слов, составляющих определенную часть речи» [12, с. 53].

В отличие от сторонников этих противоположных мнений, Н.С. Поспелов считал, что частеречное значение одновременно является и лексическим и грамматическим. Он писал: «Так как слово имеет и лексическую и

грамматическую сторону, оно необходимо оформляется как та или иная часть речи, т. е. входит в один из лексико-грамматических разрядов слов того или другого языка» [13, с. 14]. Особенно показательным в споре о характере значения частей речи является высказывание А.Н. Савченко: «Многие характеризуют предметность, выражаемую существительным, как грамматическую, но никто не объяснил удовлетворительно, в чем состоит грамматическая предметность, и чем отличается она от лексической или логической» [14].

Вопрос о характере значений частей речи, думается, должен быть решен в пользу точки зрения, согласно которой значение той или иной части речи носит *абстрагированный лексический характер*, но при этом частеречная лексическая семантика *оформлена грамматически*. Именно при таком решении будет соблюдаться положение о том, что «грамматические значения носят в семантической структуре слова обязательный сопутствующий характер по отношению к лексическому значению» [15, с. 13]. В противном же случае возникает вопрос: если значение частей речи имеет только грамматическое значение, то какому лексическому значению оно сопутствует?

На наш взгляд, на самом высоком уровне членения словарного состава мы не порываем с лексической семантикой слов, входящих в ту или иную часть речи. Лексическое абстрагирование от конкретных лексических значений не переводит их в статус грамматических значений, а просто достигает высшей степени абстрактности. Другими словами, абстрактная лексическая семантика части речи представляет собой высшую степень лексического абстрагирования от конкретных лексических значений слов, а также различного рода объединений слов, предшествующих объединению в часть речи (лексико-семантические группы, лексико-грамматические разряды).

Естественно, возникает необходимость выявить грамматические средства, оформляющие эту абстрактную лексическую семантику. Таким средством (способом) являются грамматические категории, грамматическое значение которых оказывается совместимым или несовместимым с абстрактной лексической семантикой той или иной

части речи. Как на уровне отдельных слов мы наблюдаем взаимодействие лексического и грамматического значений, так и на уровне частей речи принцип этого взаимодействия не нарушается. Только наблюдается специфика в оформлении абстрактной частеречной семантики: в этом участвуют грамматические категории в целом, безотносительно к составу их парадигм, по принципу наличия или отсутствия грамматической категории как таковой. Почему глагольная частеречная семантика не оформляется категорией падежа? Потому что категория падежа демонстрирует различные виды отношений предметов к другим предметам или явлениям, действиям и т. д. Категориальное (грамматическое) значение падежа включает понятие предмета, находящегося в различных отношениях с действительностью. Поэтому значение падежных форм оказывается несовместимым со значением процесса, присущим глагольным формам в предикативной позиции, но совместимым с частеречной семантикой имени существительного, включающей понятие предмета в том или ином осмыслении.

Таким образом, теория шифрующей грамматики не исключает выделения двух типов семантик, представленных в структуре слова, но определяет их строгое разграничение. На это нацелена и *теория лексической грамматики*, но при этом она в большей степени развивает положение о лексическом и грамматическом компонентах слова в качестве его *взаимодействующих* компонентов. В этом взаимодействии грамматика с ее элементами (формами слова, грамматическими категориями) выполняет лексическую функцию, выступая в качестве средства оформления лексических значений и выражения абстрактной лексической семантики. С этой точки зрения не следует смешивать лексическую грамматику с грамматической лексикой, которая изучает лексические средства, выполняющие грамматическую функцию (например, связку *быть* и другие типы связок).

Механизм взаимодействия лексической и грамматической семантики определяется принципом их совместимости. Если грамматическое значение формы слова не противоречит его лексической семантике, то такая форма включается в план выражения (парадигму) слова; если же противоречит, то тогда

данная форма с соответствующим грамматическим значением исключается из плана выражения (парадигмы) слова (лексемы).

Понятие дефектности парадигмы как показатель взаимодействия лексической и грамматической семантики и как способ выявления и описания лексико-грамматических разрядов (ЛГР) является одним из центральных понятий в ЛГ. При этом необходимо отметить, что речь идет о дефектности парадигмы, связанной с семантическими причинами и которую принято называть «закономерной» (П.А. Соболева).

Методологической базой в решении вопроса о применении ГК и ее форм в качестве формального средства выявления и описания абстрактной (классовой) лексической семантики оказывается диалектика, которая определяет *характер отношений между формой и содержанием в языке как относительный*. В философии отношения между ними характеризуются взаимосвязью, в которой «содержание, будучи определяющей стороной целого, представляет единство всех составных элементов языка, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций, а форма есть способ существования и выражения содержания» [16, с. 621]. Относительный же характер отношений между ними определяется тем, что содержание и форма связаны с разными сторонами объекта: содержание представляет собой его подвижную, динамичную сторону, а форма охватывает систему устойчивых связей предмета. Естественно, в ходе развития содержания может возникнуть несоответствие нового содержания и старой формы, которое разрешается «сбрасыванием» старой и возникновением новой формы, адекватной развившемуся содержанию.

В языке факт относительности понятий формы и содержания приобретает особую значимость, поскольку содержание может приобретать статус формы. Как отмечал С.Д. Кацнельсон, «то, что на одном уровне выступает как содержание, то на другом, более высоком уровне проявляется как форма нового содержания. Относительность понятия грамматической формы и грамматического содержания сказывается в том, что формальным в языке может быть не только звуковое выражение, но и содержание» [17, с. 26-27]. Парадокс, который возникает в

этом случае – семантика выражается через семантику, – объясняется тем, что речь идет о разных семантических уровнях. Лексическая семантика в ее конкретном проявлении присуща лексемам и в ее абстрагированном проявлении – различного рода объединениям лексем (ЧР, ЛГР, ЛСГ) и выявляется на основе их противопоставления, а грамматическая семантика присуща словоформам и их объединению в составе категории.

Говоря о философской составляющей в методологии ЛГ, особо следует выделить такой методологический принцип, как разграничение и взаимосвязь понятий «*онтология*» и «*гносеология*». Диалектика, будучи направленной на выявление онтологической сущности объекта действительности, достигает этой цели посредством гносеологии, которая использует те или иные исследовательские методы и приемы. Так, слово с онтологической точки зрения всегда представляет собой единство лексического и грамматического значений. Еще А.А. Потебня отмечал, что вещественная и формальная стороны живут в сознании говорящего как неделимая единица. «Моменты вещественный и формальный различны для нас не тогда, когда говорим, а лишь тогда, когда делаем слово предметом наблюдения. На мышление грамматической формы, как бы она не была многосложна, затрачиваем так мало новой силы, кроме той, которая нужна для мышления лексического содержания, что содержание это и грамматическая форма составляют как бы один акт мысли, а не два или более, и живут в сознании говорящего как неделимая единица» [18, с. 27]. Поэтому мы, как и большинство лингвистов, считаем, что в слове «не даны две разные вещи, а дано сложное переплетение и взаимодействие разных аспектов семантики как единого явления языковой онтологии» [19, с. 5].

Онтологическая сущность и гносеологическая значимость в ЛГ наглядно проявляются в использовании понятия дефектности парадигмы. С онтологической точки зрения это понятие нерелевантно, ибо каждая лексема характеризуется тем набором грамматических форм, который соответствует ее содержанию и в этом смысле оказывается полным для его выражения. Лексема как языковой знак не может быть реализована частично, в неполном виде. Уникальность лексического

значения (конкретного и абстрактного) в том и состоит, что оно имеет только свойственный ему набор грамматических форм. Поэтому противопоставление лексем по признаку полноты / дефектности парадигмы имеет смысл лишь в гносеологическом аспекте, как способ выявления и описания абстрактной лексической семантики, присущей различного рода лексико-грамматическим объединениям слов (лексем).

Именно на этой основе, используя шифрующую роль парадигмы слова, в которой та или иная форма выступает в качестве семантического различительного признака, появляется возможность выявить и описать абстрактную лексическую семантику лексико-грамматических разрядов (см. описание лексико-грамматических разрядов существительного: [7]; лексико-грамматических разрядов русского глагола: [20]).

Однако, как показывают наши наблюдения и исследования, выполненные под нашим научным руководством, шифрующая функция языка не ограничивается только грамматикой. Шифрующую роль играют и неграмматические формы слова, которые выделяются нами в теории форм слова (лексем).

На наш взгляд, можно выделить следующие виды (типы) деривационных процессов, направленных на образование различных форм реализации лексического значения в коммуникативном процессе, когда сохраняется тождество лексического значения в качестве базового (ядерного) компонента семантической структуры слова. В рамках общего процесса формообразования выделяются грамматическое и неграмматическое формообразование, которое противопоставлено лексемообразованию. В системе грамматического формообразования выделяются морфологическое и синтаксическое формообразование, представленное словоизменением и трансформацией. В системе неграмматического формообразования выделяются словообразовательное формообразование (способы глагольного действия, способы представления субстанции, признака), коннотативное формообразование и стилистическое формообразование.

Мы считаем, что, наряду с грамматическим варьированием, логично выделение семантических форм, которые являются ре-

зультатом лексико-семантического варьирования, представленного коннотацией. Здесь также сохраняется тождество лексического значения, того значения, которое является ядерным, обязательным компонентом в семантической структуре слова, а изменения касаются неядерной части слова, компоненты которой оформляют, наряду с грамматической, лексическое (собственно знаковое) содержание слова. В функциональном отношении коннотация, представленная экспрессивным, эмотивным и оценочным значениями, «обслуживает» лексическое значение с целью передачи информации через «чувство – отношение» говорящего к обозначаемой действительности. Противопоставление лексического и коннотативного значений обусловлено их различной природой в структуре знания, как и в случае с противопоставлением лексического и грамматического значений.

Как показали результаты исследования И.Н. Пахомовой, существительные представляют собой продуктивные в плане образования коннотативных форм семантические классы лексем, но при этом характеризуются различной степенью полноты коннотативных парадигм, что связано с совместимостью или несовместимостью значений тех или иных коннотативных форм с лексическим значением существительного, от которого они образованы. Коннотативные парадигмы, в целом, образуются совокупностью частных коннотативных парадигм, которые представлены экспрессивным, эмоциональным, оценочным, экспрессивно-эмоциональным, экспрессивно-оценочным, эмоционально-оценочным коннотативными компонентами. В русском языке на материале существительных было выявлено и описано 27 моделей с различным составом коннотативных форм, имеющих то или иное коннотативное значение.

Максимальный состав коннотативных компонентов имеют идеографические классы, связанные с концептом (понятием) «живое существо», «растения», «оценка» и т. д. Минимальный состав коннотативных компонентов представлен в идеографических классах, связанных с понятием «техника», «производство», «образование» и т. д. Не реализуют тех или иных коннотативных компонентов идеографические классы существительных, отражающие понятия «наука» и «сверхъестественное», что обусловлено от-

сутствием коммуникативных потребностей человека в плане их оценки с его объективной точки зрения [21].

Вследствие этого коннотация может рассматриваться как один из способов выражения лексической семантики слова и ее оформления, т. е. коннотация выступает в качестве семантического «шифра» абстрактной лексической семантики, отражающей внутренний мир человека.

Языковое пространство одной лексемы, представленное варьированием ее форм, включает, на наш взгляд, и стилистически маркированные образования, которые содержательно можно определить как формы, несущие «информацию об уместности, допустимости, оптимальности слова в определенных условиях общения, о его «привязанности» определенному функциональному стилю» [22, с. 187]. Данная содержательность, прежде всего, характеризуется связью со «сферами общения». Наиболее коммуникативно значимые сферы общения оказываются маркированными теми или иными языковыми средствами. В этом случае слово оказывается стилистически окрашенным, стилистически маркированным (ср.: *лиса* – *лисица* (кн.); *тетрадь* – *тетрадка* (разг.); *прочитать* – *прочесть* (разг.)). Как показали результаты исследования М.В. Пуговкиной, отношение существительных со значением «Название лиц» к составу стилистической парадигмы, представленной теми или иными стилистическими формами слова, также демонстрирует различную степень связи полноты / дефектности данной парадигмы в аспекте коммуникативной востребованности существительного с тем или иным лексическим значением [23].

Что же касается формообразовательных категорий способов глагольного действия (СГД) или способов представления субстанции (СПС), которые мы относим к категориям модификационного типа, то они, на наш взгляд, шифруют абстрактную лексическую семантику, отражающие динамические процессы в протекании процесса или в восприятии субстанции. Это проявляется в способности того или иного способа действия указывать на частный характер протекания действия по отношению к общему, исходному представлению протекания действия, которое характеризует действие как таковое, вне

какого-либо конкретного проявления во времени, количества, специального результата.

То же самое, по существу, представляют мотивационные отношения и в СПС существительного, когда субстанция (предмет) оказывается вовлеченной в восприятие ее со стороны каких-то частных количественных характеристик, которые сохраняют с существительным, называющим предмет как таковой, денотативно-понятийную общность, но вносят «дополнительные смысловые оттенки» (ср.: *лист* – *листва*, *листок*, *листик*; *изюм* – *изюмина*, *изюминка*).

Итак, расширенное понимание форм слова не нарушает основного критерия в выделении форм слова, ибо выделение неграмматических форм слова (словообразовательных, коннотативных, стилистических) основывается именно на тождестве лексического значения, только лексическое значение понимается как ядерное, обязательное, собственно знаковое содержание. В случае же с неграмматическими формами мы имеем значения, которые хотя и рассматриваются традиционно в составе лексической основы слова, но при этом не являются обязательными семантическими компонентами в структуре слова: они факультативны. Их наличие в парадигме лексемы определяется ее лексическим значением в узком смысле. Лексема будет иметь только тот набор неграмматических форм и, естественно, грамматических форм, который соответствует тому или иному лексическому значению, не противоречит ему.

В результате наличие или отсутствие этих форм в составе той или парадигмы оказывается, по существу, тем же семантическим шифром, каким является грамматика в отношениях с лексической семантикой.

Итак, на наш взгляд, идея о шифрующей роли грамматики не ограничивается только взаимодействием лексики и грамматики, хотя, вероятно, наиболее ярко и полно представлена именно в этой области языкознания в связи с системным и обязательным характером грамматики как концептуальной структуры слова, о чем свидетельствуют результаты исследований В.Г. Руделёва, в трудах которого эта идея первоначально была высказана как гипотеза, а на сегодняшнем этапе развития русистики получила не толь-

ко подтверждение, но и развитие за пределами грамматики.

Список литературы

1. Руделёв В.Г. Типы и виды грамматик. Существуют ли грамматики, не являющиеся семантическим шифром? // Семасиология и грамматика. Тамбов, 1977. С. 11-15.
2. Руделёв В.Г. Существительное в русском языке. Тамбов, 1979.
3. Руделёв В.Г. Динамическая теория частей речи русского языка // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 1996. Вып. 1. С. 83-89.
4. Руделёв В.Г., Шарандин А.Л. Шифрующая роль глагольных грамматических категорий // Теория содержательной формы. Тамбов, 1981. С. 32-53.
5. Руделёв В.Г., Шарандин А.Л. Шифрующая роль глагольных грамматических категорий (Нейтрализации в пределах глагольной лексемы. Категории императивности и времени) // Деривация и полисемия. Тамбов, 1984. С. 7-23.
6. Шарандин А.Л. Слово в аспекте знаковой теории языка // Слово и предложение: исследования по русскому языку и методике преподавания. СПб., 2007. С. 9-19.
7. Шарандин А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Тамбов, 2001.
8. Шарандин А.Л. Системная категоризация русского глагола. Тамбов, 2001.
9. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1972.
10. Руделёв В.Г., Цыпин О.А. Заметки о грамматическом значении слова (на материале русского языка) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 3 (71). С. 159-167.
11. Современный русский язык. М., 1980.
12. Кошечкина И.Г., Дубовский Ю.А. Сравнительная типология английского и русского языков. Мн., 1980.
13. Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике. М., 1990.
14. Савченко А.Н. Части речи и категории мышления // Язык и мышление. М., 1967.
15. Шелякин М.А. Морфология современного русского языка. Тарту, 1989.
16. ФЭС: Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
17. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
18. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. М., 1958.
19. Бондарко А.В. Исследования в области грамматической семасиологии: Проблемы и ре-

зультаты // Семасиология и грамматика. Тамбов, 1977.

20. Шарандин А.Л. Русский глагол: Комплексное описание. Тамбов, 2009.
21. Пахомова И.Н. Коннотация и лексическая семантика слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009.
22. Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика. М., 1977.
23. Пуговкина М.В. Стилистические парадигмы существительных (на материале семантических групп со значением «Названия лиц»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006.

References

1. Rudelev V.G. Tipy i vidy grammatik. Sushchestvuyut li grammatiki, ne yavlyayushchiesya semantichekim shifrom? *Semasiologiya i grammatika*. Tambov, 1977, pp. 11-15. (In Russian).
2. Rudelev V.G. *Sushchestvitel'noe v russkom yazyke*. Tambov, 1979. (In Russian).
3. Rudelev V.G. Dinamicheskaya teoriya chastei rechi russkogo yazyka. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 1996, no. 1, pp. 83-89. (In Russian).
4. Rudelev V.G., Sharandin A.L. Shifruyushchaya rol' glagol'nykh grammaticheskikh kategoriy. *Teoriya soderzhatel'noy formy*. Tambov, 1981, pp. 32-53. (In Russian).
5. Rudelev V.G., Sharandin A.L. Shifruyushchaya rol' glagol'nykh grammaticheskikh kategoriy (Neytralizatsii v predelakh glagol'noy leksemy. Kategorii imperativnosti i vremeni). *Derivatsiya i polisemiya*. Tambov, 1984, pp. 7-23. (In Russian).
6. Sharandin A.L. Slovo v aspekte znakovoy teorii yazyka. *Slovo i predlozhenie: issledovaniya po russkomu yazyku i metodike predopavaniya*. St. Petersburg, 2007, pp. 9-19. (In Russian).
7. Sharandin A.L. *Kurs lektsiy po leksicheskoy grammatike russkogo yazyka*. Tambov, 2001. (In Russian).
8. Sharandin A.L. *Sistemnaya kategorizatsiya russkogo glagola*. Tambov, 2001. (In Russian).
9. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove*. Moscow, 1972. (In Russian).
10. Rudelev V.G., Tsypin O.A. Zametki o grammaticheskom znachenii slova (na materiale russkogo yazyka). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2009, no. 3 (71), pp. 159-167. (In Russian).
11. *Sovremennyy russkiy yazyk*. Moscow, 1980. (In Russian).

12. Koshevaya I.G., Dubovskiy Yu.A. *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov*. Minsk, 1980. (In Russian).
 13. Pospelov N.S. *Mysli o russkoy grammatike*. Moscow, 1990. (In Russian).
 14. Savchenko A.N. Chasti rechi i kategorii myshleniya. *Yazyk i myshlenie*. Moscow, 1967. (In Russian).
 15. Shelyakin M.A. *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka*. Tartu, 1989. (In Russian).
 16. *FES: Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, 1983. (In Russian).
 17. Katsnel'son S.D. *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie*. Leningrad, 1972. (In Russian).
 18. Potebnya A.A. *Iz zapisok po russkoy grammatike. T. 1-2*. Moscow, 1958. (In Russian).
 19. Bondarko A.V. Issledovaniya v oblasti grammaticheskoy semasiologii: Problemy i rezultaty. *Semasiologiya i grammatika*. Tambov, 1977. (In Russian).
 20. Sharandin A.L. *Russkiy glagol: Kompleksnoe opisaniye*. Tambov, 2009. (In Russian).
 21. Pakhomova I.N. *Konnotatsiya i leksicheskaya semantika slova*. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Tambov, 2009. (In Russian).
 22. Shmelev D.N. *Sovremennyy russkiy yazyk: Leksika*. Moscow, 1977. (In Russian).
 23. Pugovkina M.V. *Stilisticheskie paradigmy sushchestvitel'nykh (na materiale semanticheskikh grupp so znacheniem "Nazvaniya lits")*. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Tambov, 2006. (In Russian).
- Поступила в редакцию 29.01.2016 г.
Received 29 January 2016

UDC 81'36

THE IDEA OF CIPHER ROLE OF GRAMMAR AND PROSPECTS OF ITS DEVELOPMENT

Anatoliy Leonidovich SHARANDIN, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Philology and Journalism Department, e-mail: sharandin@list.ru

The idea of cipher role of grammar is analyzed. It is presented in the works of professor V.G. Rudelev and was developed in lexical grammar theory by A.L. Sharandin. The relevance and significance of this idea is defined by connection with central problem of linguistics – problem of interaction of lexis and grammar. Grammar is considered as cipher of the conveyed lexical semantics. The opposite method used by V.G. Rudelev in the tradition of phonological ideas of N.S. Trubetskoy let systematize the parts of speech as dynamic. In theory of lexical grammar the interaction of lexis and grammar is presented as development of V.G. Rudelev idea about cipher role of grammar in its realization over the borders of grammar. Hypothesizing that grammar ciphers lexical semantics it is proved that the presence of word may be considered as semantic cipher, by which the essence of conceptualization is revealed and categorization of reality by person. The idea of cipher role of grammar is not limited by lexis and grammar interaction. But it is mostly presented in this sphere of linguistics with system and compulsory nature of grammar as conceptual structure of word.

Key words: lexis; grammar; interaction; parts of speech; word forms.

УДК 81'01

**«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ЕГО АВТОР. НОВАЯ ВЕРСИЯ
(на основе более корректного прочтения некоторых участков текста)**

© Владимир Георгиевич РУДЕЛЁВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры русской филологии и журналистики,
заслуженный работник высшей школы РФ,
член Союза российских писателей, e-mail: sharandin@list.ru

Обсуждаются данные о том, что «**Зачинь**» «Слова о полку Игореве» является на самом деле *интерлюдией*, отделяющей монолог **действительного Автора** этого произведения, прерванный слушателями, от монолога второго его Автора (точнее – вынужденного **соавтора**). Доказывается, что в качестве действительного Автора «Слова» представляется активный участник похода 1185 г. **боярин Лаврь**, обосновывается и тот факт, что смысл похода князя Игоря не связывается больше с какими-либо неприятными для половцев действиями: грабежом, стремление «поставить на место» и т. п. Цель Игорева похода – освобождение от хазарского и всякого иного господства и гнета важнейшего центра русской государственности **Тьмутаракани Азовской**. Утверждается, что это действие по договору с половецким ханом Канчаком Атраковичем (Кончаком Отроковичем) должно было проводиться двумя полками: русским и половецким. Однако половецкий военачальник предал русского полководца, хотя и сочувствовал ему и в дальнейшем помогал бежать из плена и остаться в живых. Устанавливается содержание некоторых выражений в «Слове о полку Игореве», до сих пор не понятых и не осмысленных, содержащих чрезвычайно важные сведения, без осмысления которых «Слово о полку Игореве» трудно понять, к их числу относится фраза «**А половецци неготовами (sic!) дорогами / побЪгоша къ Дону великому...**».

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве»; зачин; автор.

*

Прошло более 20 лет со времени выхода в свет выдающегося произведения XX в. – Энциклопедии «Слова о полку Игореве» [1], а смысл и цель героического похода Новгород-Северского князя Игоря Святославича (1151–1202) на Половецкую землю в 1185 г. по-прежнему не ясны. Они не ясны даже не потому, что недостает фактов, проливающих свет на очень важное для русской истории событие XII в. [2, с. 180-193], а потому, что это событие привычно и выгодно подчас излагать таким образом, как оно подавалось историками XX и XXI в. – прямо скажем, довольно примитивно и весьма искаженно. Так его, кажется, подавали и в упомянутой Энциклопедии, пренебрегая с большим трудом добытыми фактами – такими, например, как прочтение в «Слове» выражения «**а не по замышлению Бояню**» – без *не*, с соединительным, а не противительным смыслом союза *а* [1, т. 3, с. 311-318] или «**рекъ Боянь и Ходына**» – вместо «**рекъ Боянь и ходы на**».

Некоторые выражения в «Слове о полку Игореве» до сих пор не поняты и не осмыс-

лены, а в них – чрезвычайно важные сведения, без освещения которых «Слово о полку Игореве» лучше не читать. К числу таковых относится фраза «**А половецци неготовами (sic!) дорогами / побЪгоша къ Дону великому...**».

Над этой фразой А.С. Пушкин прямо-таки с ума сходил, представляя ее, однако, важнейшей в «Слове». Но рязанцу, автору настоящей статьи, диалектологу, путешественнику по Рязанскому краю, побывавшему, к примеру, на **Неговой Поляне** – на севере Рязани, недалеко от села Шумошь, и почитавшему в свое время работы археолога В.А. Городцова о **болотном (*неговом)** Огубском городище (тоже в рязанских местах), «**неготовае**» дороги «Слова» представлялись настоящей и четко. И были они – **неговые** (sic!), т. е. *мокрые, болотистые*. И половецки в эти известные им дороги заманили богатыми трофеями «**храбрых русичей**», и последние вынуждены были эти трофеи под ноги бросать, чтобы не утонуть. К сожалению, это событие в Энциклопедии о «Слове о полку Игореве» не описывается, а без такого описания разговор о величайшем произ-

ведении русского народного творчества нельзя назвать достаточно полным, корректным и т. д. И вообще без знания, что такое *неговые дороги*, этот разговор вести абсолютно бесполезно!

Нет в упомянутой Энциклопедии и надежного упоминания **Автора «Слова»**. Его ищут среди древних русских писателей-книжников. А он был деятельным человеком, поэтом, участником похода 1185 г. Он – весь в тексте «Слова о полку Игореве». Его там нельзя не заметить, потому что иного человека, похожего на Автора «Слова», в дошедшем до нас тексте памятника просто нет.

Между тем, он – **боярин Лавр (Лаворь, Овлурь)**. Мы будем это доказывать и показывать каждым нашим последующим словом. И, конечно, нас удивляют и возмущают современные представления «Слова о полку Игореве» как фальсификации и произведения XVIII в.

*

Будучи половцем по отцовской линии, боярин **Лавр (Лаворь, Овлурь)** хорошо знал половецкий язык и (по некоторым причинам) был связным между князем Игорем Святославичем и ханом Кончаком Отроковичем во время половецкого плена. Сам Игорь Святославич, оскорбленный предательством Кончака Отроковича (!), ни в какие контакты с ханом не вступал [1; 2].

Лавр знал хорошо, конечно, и русский язык, еще не подвергнутый, кстати, креолизации древнеболгарской литературной речью, ставшей в X в. языком официальной православной церкви в Киеве и иных русских городах. Язык боярина Лавра, абсолютно русский, без налета поздних старославянизмов, в нетронутой седой своей древности, был открыт чудесным образом в наше время выдающимся советским ученым академиком С.П. Обнорским [3]. Но открытие ученого касалось в основном внешней стороны древнерусского языка (фонетики и морфологии), а лексика же оставалась в стороне, особенно та, которую до сих пор называют пережиточной, **языческой** и т. п., а она – подлинно христианская, только очень древняя, идущая от Первозвестителя нашей (гольтекифской) земли **апостола Андрея Первозванного**, роль которого по каким-то совершенно неяс-

ным причинам в наше время принижена. Все встанет на свое место, если внимательно вникнуть в замечательную речь Лавра, прерванную его неблагодарными слушателями; речь эта в самых важных своих моментах еще почти не осмыслена исследователями «Слова» [4].

Существует упорное мнение, что русский народ был приобщен к православному христианству только в X в. и что было сделано это по воле великого Киевского князя Владимира Святославича (умер в 1015 г.), утопившего в Днепре все свои якобы **языческие** древесные кумиры – во имя якобы новых, живых, подлинно православных, – ни в коем случае не скульптурных, прибывших из Болгарии, где по тому времени лишь совсем недавно они были милостиво разрешены, а до этого пребывали в запрете благодаря **иконоборчеству** – табу на православно-христианские иконы.

В Болгарии, кстати, иконоборчество упорно держалось дольше, чем где-либо. В Византии оно, просуществовав 125 лет, было отменено в 842 г. как нечто абсолютно абсурдное, вредное, ненавистное народом. В Болгарии это мрачное явление еще благоухало в конце X в. – вплоть до 988–990 гг., когда Киевский князь Владимир Святославич, посчитав православную **Троицкую** веру за языческую, открыл врата болгарским миссионерам и заменил свои древние (начала новой эры), подлинно православно-христианские скульптурные символы-образы болгарскими иконами. Вместе с новой православно-христианской верой была упразднена древняя славянская азбука, именовавшаяся «**глаголицей**» («глаголемая **литоца**»). Она была заменена новой славянской азбукой – **кириллицей**, в которой буквы не были божественными символами (**тайными иконами**), а обозначали только звуки и числа.

Великий Константин Философ (ок. 827–869), отбывая в 863 г. в Моравию на православно-миссионерскую службу, нес с собою древнюю **глаголицу**, которую в Моравии иногда вспоминают и сейчас [5, с. 186], а на Руси (и в России) абсолютно забыли и проклинали...

Троицкое христианство, шедшее на Гольтекифскую землю трудами Апостола Андрея Первозванного и его сподвижников, в числе которых был даже человек с безус-

ловно славянским именем **Лихославъ** (Люкостлавость) [6, с. 21-22], несло с собою и самые древние славянские православно-христианские образы, а также упомянутую **азбуку-глаголицу**, которая сохранялась в архитектурных символах русского барокко – в частности, в святом **верхе (кровле)** любого православного Храма, по четырем краям которого находилось 4 купола, символизирующих Богородичный (буквенный) знак **«Мыслеть»** (он же – в имени **Масленица**); в центре же церковного верха был буквенно-купольный знак **Бога Сына** – словно на груди Матери Марии.

*

Своим продолжением разговора о боярине Лавре как об Авторе «Слова о полку Игореве» мы сделаем рассмотрение самого трудного вопроса – о жанре «Слова». Что это? Тянет ли «Слово» на большую **Поэзию** или оно – «презренная» рабочая проза? Скажем сразу: блестящую, захватывающую, по свидетельствам счастливых, диссертацию А.И. Никифорова о **поэтическом** характере «Слова о полку Игореве» нам прочитать не удалось: не было ее в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина, не было на месте и в библиотеке Пушкинского дома. Мы познакомились с изложением этого ценнейшего произведения по скупым публикациям и по описанию дискуссии в упоминаемой Энциклопедии [1, т. 3, с. 315-318]. Но пройти все самому, обратившись непосредственно к «Слову», было и легче, и проще.

Любопытен, конечно, факт певческого исполнения «Слова» на защите А.И. Никифоровым его докторской диссертации в Ленинграде. Но полезнее всего – обратиться к ответу на вопрос о жанре великого «Слова о полку Игореве» непосредственно к Автору этого ценнейшего текста, к боярину Лавру: сам великий Лавр дал нам знать об этом четко и безупречно. И нечего было в наше время устраивать бесплодные дискуссии-балаганы с заранее *поданными* сверху выводами. Итак, мы даем слово самому гениальному **Лавру**...

*

...Вот, начиная «Слово», **Лавръ** мысленно обращается к великому русскому по-

эту по прозвищу **«Боянь»** (настоящее имя Бояна, или Баяна, – **Будимирь** [4, с. 23])... Так вот, Бояна-Будимира «прозаиком» на Руси никто никогда не называл. И нам дано право и возможность прослушать снова обращение к Бояну **Лавра**:

*«О Бояне, соловію старого времени!
Абы ты сіа пълкы уцекотоль еси,
скача, славію, по мыслену древу,
летая умомъ подь облакы,
свивая славы оба полы сего времени,
рища въ тропу Трояню
черезъ поля на горы...»*

Какая мощная и красивая тропика! Она надежно создает поэтический текст, который остается таковым, несмотря на редкие сбои (смещения болгаризмов и русизмов). Эти сбои можно, впрочем, легко устранить, предпочтя что-либо одно другому, сославшись на возможные ошибки исполнителей текста и переписчиков. А можно и оставить все так, как есть. Поэзия-то ведь – состоялась! А дальше – смотрите: она развивается!

*Пѣти было бы пѣснь Игореві –
Того внуку:
«Не буря соколы занесе
черезъ поля широкая,
не галици стада бежать,
бежать къ Дону великому...»*

Она развивается – по законам древнерусской Поэзии, как правильно указал осмеянный и фактически уничтоженный А.И. Никифоров. Но указанные законы сохранялись еще недавно в народной крестьянской поэзии – в той же былине «О Вольге и Микуле» Рябинных. Ср.:

*«А и жил Святослав девяносто лет.
Жил Святослав да и переставился.
Оставалось ему да чадо милое –
Молодой Вольга да Святославович...»*

[4, с. 6-9].

Что можно добавить к этому, обратившись к материалам упомянутой дискуссии о «Слове» [1, т. 3, с. 317-318], – в то время как текст самого «Слова» еще в подобном плане абсолютно не исследован.

*

...Приобщившись к сонму великого Бояна и его соратников и последователей, Автор «Слова» **Лавр** у Бояна же ищет и модель начала своей безусловной **Песни**. И какие прекрасные образцы Бояновых «запевок» преподносит он своим слушателям. Но вот одна записка – интереснее всех остальных:

*«Комони ржуть за Сулою.
Звенить слава въ Киевѣ.
Трубы трубають въ Новѣградѣ...»*

Интересна эта записка – перечнем всех трех давних государственных центров Руси, с упоминанием (на первом месте!) **Тьмутаракани Азовской**. Имя «Тьмутаракань», правда, не подано: не корректно его было бы подавать, поскольку этот великий град был уже отвоеван у русских, кажется, хазарами вперемешку с половцами. Но мечта о возвращении Тьмутаракани Азовской в лоно русских городов не остывала в сердцах русских князей, а в сердце Игоря Святославича, внука «того», – т. е. великого Тьмутараканского князя (и, кстати, Черниговского) Олега Святославича, прозванного **Гориславичем** (умер в 1115 г.), – оно особенно ярко горело в сердце. Полагаем, что в распоряжении Игоря Святославича были (и свято хранились!) византийские документы на право им столонаследия в Тьмутараканском княжестве, а русские жители Тьмутаракани с нетерпением ждали своего освобождения от хазар, постоянно об этом русским князьям, потомкам Олега «**Гориславича**», напоминая.

В записке великого Бояна Тьмутаракань Азовская, может быть, еще упоминалась открыто, а может быть, уже подавалась описательно – как территория, где выращивались и паслись отличные **лошади-комони**, высокие и мощные, как нынешние танки, которые пригодились бы в будущих смертельных схватках, предсказываемых мудрыми и прозорливыми «кудесниками»...

Итак, в тексте «Слова», созданном великим поэтом Лавром, уже проглянула мысль о возможной **цели** похода князя Игоря в 1185 г. Мысль эта, кстати говоря, открыто гуляла в умах русских князей и простых людей. Она пугала. Князя в страхе просыпались ночью и днем, представив себе ужасы войны за освобождение «**Лошадиной**» столицы. Впро-

чем, их пугала не сама война, а оказия того, что они, великие и славные, останутся в стороне от ее успехов. Игоря-князя такие страхи не мучили: его ждали поддержка тьмутараканского населения, надежность византийских документов, и – главное: выступление вместе с его войском войска половецкого князя Кончака Отроковича, подкрепленное свадьбой сына Игоря – Владимира Игоревича с дочерью Кончака – Свободой Кончаковной.

Если пренебречь этой (великой!) целью князя Игоря, то на ум только и может придти узко национальная или вовсе – грабительская, абсолютно неразумная цель, которая откровенно, например, объявляется в либретто оперы А.П. Бородина «Князь Игорь»:

«И бранной славы пир веселый, мою победу над врагом, и бранной славы горестный конец...»

Теперь можно было бы давно переписать либретто оперы «Князь Игорь», в которой нынешняя публика любит только половецкие танцы, а ко всему остальному в опере абсолютно равнодушна, чувствуя фальшь представленного в опере образа князя Игоря.

*

Избранная Лавром в качестве начала его **Песни** о походе Игоря Боянова записка о трех великих городах Русской земли легко позволяет перенести актуальное действие в конец XII в., добавив к Тьмутараканской «Лошадиной» столице, а также Киеву и Великому Новгороду, еще один теперь уже героический град – **Путивль**: «*Стоять стязи въ Путивлѣ...*»

И далее:

*«Игорь ждет мила брата,
мила брата Буй-турь Всеволода.
И рече Буй-Турь Всеволодь...»*

Подождем пока слушать добрую, искреннюю, вдохновенную речь Всеволода Святославича (умер в 1196 г.), осмыслим, зачем он пожаловал в Путивль со своими воинами-кѣметями. Судя по всему, Игорь Святославич пригласил в свой знаменательный поход брата Всеволода Святославича Трубчевского на тот случай, если в походе объявятся военные трудности. Тут уж его брат-богатырь и его воины-кѣмети, все на

подбор **амбидекстры**, умеющие работать мечом, держа оружие и в правой руке, и в левой одновременно, абсолютно непобедимые богатыри, каждый стоит десятка врагов и более, пригодятся и будут на месте. Но мы подождем бросать их в бой. До него еще далеко, хотя он непременно будет, потому что брату Всеволоду обещан в случае удачной кампании град **Чернигов**, который пока что во власти двоюродных братьев Святославичей: Святослава Киевского и Ярослава Черниговского.

Вернемся чуть назад – к слову «**стязи**». Вот их, эти стяги, т. е. боевые знамена, уже выставили, приготовили к выносу (выходу) в поле... Все они поэтом Лавром в его тексте представлены... Но так, что не каждый поймет, особенно, если не захочет понять и поверить.

*

А нам – понять и поверить – придется. Для нас ведь и создана великим **Лавром** его **Песня**, до сих пор упорно называемая «**Словом**» и вообще отрицаемая как реальность XI в.

Все «**стяги**», стоящие в ожидании начала похода, суть **божественные образы**, древние (от **Андреевских времен**, – отсюда, кстати, и позднее выражение «*Андреевский флаг*»). Это, как мы сейчас расскажем, божественные (буквенные, глаголические!) символы Пресвятой Богородицы Марии и Её Покровителя **Святого Духа**, до сих пор, кстати, присущего в виде V-образного знака на многих, если не всех, Богородичных иконах.

Обратим внимание на реплику Автора «Слова» Лавра: «*О Руская Земле! Уже бо за Шеломенем еси!* Эта фраза толковалась так, будто кто-то, видимо, Автор «Слова», конечно, участник Похода, констатировал значительное продвижение Игоревы войска от града Путивля – с оставлением позади какой-то неназванной горы. Хоть бы назвали эту «гору»-то! А так ведь никакой информации! Ничего интересного! Что-то мало материала в поэтическом плане. Словно зря мы «обвиняли» боярина Лавра в поэтическом таланте? А вот, оказывается, не зря! Не зря, потому что речь в данном случае идет не о <горе> какой-то реальной, а о «**Горе**» – имени Богородичной иконы, помещенной на главном

Стяге, несомненно самым боярином Лавром. До сих пор существуют православные образы Божьей Матери Марии с именем «**Гора**»: «*Красная гора*» (и праздник «*Красная горка*»), «*Тучная гора*», «*Несекомая гора*» [7] и др. Крик «*Горько!*», кстати, на свадьбах – тоже упоминание имени Богородицы Марии с Её представлением иконы «Гора»: гости ждут выноса «Горки» для благословения молодых – и тогда им разрешат выпить по рюмочке, примолвив слово «сладко».

В «Слове о полку Игореве» говорится о том, что боевой отряд, идущий на освобождение Тьмутаракани Азовской под стягом с иконой Божьей Матери Марии, именуемой «**Горою**» (= «*Холмом*» или диал. «*Шеломенем*»), вышел за пределы Русской земли. Теперь уже братания с половцами или (не дай Господи!) схватки – не избежать...

В «Слове о полку Игореве» встречается еще по крайней мере два упоминания Пресвятой Богородицы в иных именах ее святых образов.

Здесь особенно интересна и поныне глубоко-почитаемая чудотворная икона «**Прибавление ума**» – ей дети молятся, если учеба не дается. Но, конечно, – не только дети. Икона представляет конусообразное пространство, задрапированное под святую **Боянову Ель**. В самом верху конус срезан и обнажает чело находящейся внутри его пресвятой **Богородицы Марии** и чело Её Сына **Иисуса Христа**. Справа и слева Святой Бояновой Ели – по два Ангела, роль которых мало кому ясна. И эта неясность, усиленная нередким представлением Ангелов солнечными символами, заставляла слушателей «Слова» и их последующих читателей видеть вместо Ангелов, как говорится, *ни к селу ни к городу*, молодых ребят-княжичей, которых половцы якобы в первую очередь жаждали изловить, затмить, уничтожить и т. п.

Есть в «Слове полку Игореве» и еще одно упоминание *Богородичного образа*: «**Карна и Жья**». Это имя, будучи цитатой из молитвы: «*Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем...*» – может быть соотнесено и с каждым из двух уже упомянутых Богородичных образов, и с отдельным, еще не упомянутым. Важно только, что это не имена двух якобы языческих богинь, умудривших-

ся вдвоем нести один пылающий рог, у которого всего одна рукоять.

Прерывая разговор о Божественных образах на стягах, несомых воинами князя Игоря Святославича, упомянем еще только имя **Бога Святого Духа**. Он назван иносказательно, словом – «*Дивь*» <красивый, дивный>:

*«Дивь кличеть връху древа,
Велить послушати земли незнаемѢ...».*

«Врѣхъ древа» в приведенном фрагменте «Слова» – вовсе не значит «какое-то растущее дерево, на котором сидит «дикое существо» типа «Соловья-разбойника». Нет, это просто «древко, на котором крепится икона Святого Духа – покровителя воинов, идущих на правую Битву».

Главной такой «незнаемой», т. е. потерянной, недоступной землей, упоминаемой Святым Духом, оказывается Азовская Тьмутаракань с ее выдающейся, огромной, великолепной скульптурой («**Болваном**»), отражающей старое Троическое христианство, не подвергнутое болгарскому иконоборчеству. Игоря великий Див (нейтрально он именуется «**Велесом**») благословляет на подвиг. И вот наступает пора испытания князя Игоря – **солнечное затмение**: «*Сльньце ему тьмоу путь заступаше...*».

Русские люди к такому явлению относились более, чем осторожно: непременно откладывали походы и прочие движения. А если не откладывали, то обязательно погибали [8, с. 38-51]. Князь Игорь Святославич похода не отменил, не отложил – верный **рыцарской клятве**, данной Кончаку Отроковичу: идти двумя полками освобождать Азовскую Тьмутаракань. Кончак Отрокович поступил иначе: напуганный угрозами соседнего хана **Гзы** (= *Исайи*), он предал свата Игоря. Нарушил рыцарскую клятву! И навсегда вычеркнул себя из списка **героев Времени**. А Игорь Святославич себя подвигом, подлинным рыцарством, в звании героя Времени только укрепил. И лишь этот его подвиг может ставиться ему в заслугу и воспеваться. Все остальное – не стоит серьезных разговоров и опер – в духе великого композитора А.П. Бородина.

Кстати говоря, Кончака Отроковича не покидало чувство вины за содеянное предательство, за *иудин грех*, который, как сказано, не прощается, и его заслуга в удачном побеге

Игоря Святославича из половецкого плена неоспорима, как очевидна и его положительная роль в том, что Гза не пресек этого побега и не изловил беглеца Игоря вместе с его фактическим спасителем боярином Лавром, в трудную минуту не покинувшим в подлом страхе своего князя. Вот эти, и только эти, факты поднимают «Слово о полку Игореве» на уровень шедевров [9; 10], таких, как до сих пор безымянный «Тихий Дон» или обозначенный великим именем Сервантеса «Дон Кихот Ламанчский».

*

Как теперь уже совершенно ясно, блестящий **монолог** поэта Лавра был прерван его слушателями. Их раздражали (лучше сказать, наверное, пугали) архаический, очищенный от болгарского влияния, язык «Слова» и постоянное обращение Лавра к великому герою Времени апостолу **Андрею Первозванному**, а также к его достойному помощнику **Лихославу** – создателю первой славянской азбуки («**глаголицы**»). Им бы что-нибудь попроще, без иносказаний и тропики в духе Бояна. К тому же, все они обязаны были молиться в обильных в их время монастырях на Северной земле, а там обращение к древнесловенским православным образам было не вполне корректно и, видимо, исподволь пресекалось.

И вот создатель «Слова» остается один, без слушателей, еще не сказав, какими дорогами бежали половцы навстречу воинам князя Игоря, и зачем русичам нужно было бросать в воду отнятые у половцев богатства (пьяные что ли были или вовсе – дураки?). Оскорбленный, униженный поэт-боярин не знал, куда деться. И вот подошел князь **Владимир Ярославич Галицкий**, брат юной супруги Игоря **Ефросиньи Ярославны**, тоже поэт – школы Бояна, названный брат и последователь великого певца (ему пеняе Лавра, конечно, пришлось по душе), и – спас он боярина-поэта. У Владимира Ярославича Галицкого было поэтическое прозвище «**Ходына**». Он почитал себя последователем и братом (через года!) великого Бояна – отсюда и поговорка: «**Рекъ Боянь и Ходына, Святъславля пѣснь творца, старого времени Ярославля, Ольгова когагя хоти**».

В опере А.П. Бородина «Князь Игорь» Владимир Галицкий представлен низко: и алкоголик, мол, и развратник, в общем – фигура отрицательная! А он был – высокой фигурой, бесстрашной и надежной. Он был оставлен деверем для охраны юной его жены и терема в Путивле, и он с честью выполнил свой нелегкий долг. Об этом может быть особый разговор.

Пока же пойдет речь о том, как Владимир Ярославич спас певца Лавра. Положение становилось серьезным. Слушатели Лавра (предполагаем, что это были отпущенные из плена Кончаком воины Игоря, а также те люди, которые оставались во время Игорева похода в Путивле, и т. д.) стали разбегаться, расходиться, прятаться. Галицкий всех их находил, вытаскивал, усаживал на место и – начинал **свой** «монолог», убеждая, что и **прерванный** был вовсе не плох, что песни надо исторические петь и так, как их поют сейчас («по былинам сего времени»), и как их пели чуть раньше («по замышлению Бояню»). **Так** вам пели! Что ж взбунтовались-то? Ну-ка на место! И он исполнил свой великолепный «**Зачинь**», украсив его двумя вставными текстами: «**Сон Святослава Киевского**» и «**Плач Ярославны**»!

Продолжить «Слово» вместо Лавра он не мог, потому что не был в Игоревом походе, а Святослав Киевский был его любимым тестем, а уж Ярославна-то – и подавно, родною сестрой. Мы разберем эти прекрасные тексты в нашей особой статье, чуть позже, если нам еще даруется Время. А пока – послушаем Лавра. Он нам расскажет (споеет!), что случилась с русским военным отрядом, когда Игорь Святославич привел его к месту встречи, клятвенно оговоренному им с Кончаком Отроковичем...

*

...Конечно, никаких половцев у Дона Великого, куда пришли русские воины, не было. Не подошли еще. К вечеру стали подходить, пройдя благополучно болотными («неговыми») дорогами. И сразу же начали русских воинов провоцировать. Подходили вплотную и, словно псы или бешеные лисичи, бранились (не без мата, наверное) на **чурлёные** русские щиты. «**Чурлёные**» – значит «помеченные крестами («чурами»)».

А день был постный (пятничный), и богатства половцы несли великие, и девушек выставили необыкновенной красоты. Вот и бросились русичи на друзей, оказавшихся врагами, принимая богатые трофеи, а те – все дальше и глубже уходили, хорошо зная тайны **неговых** дорог. Конечно, Игоря Святославича «храбрые русичи» не спросились. А сам князь спрятанными под кольчугой документами рисковать не смел. И правильно сделал, потому что русские воины тонуть начали и великие трофеи под ноги бросали. Еле живы остались. Эти «славные брани» никто из исследователей «Слова» еще не описывал, загипнотизированный эпитетом «неготоваи», Очень даже «готоваи», только болотные, смертельные («неговые»!). Вот и Святослава Киевского, сына былинного *Чурилы Плёнковича*, в его сне по-своему «неговали» – жемчугом осыпали обильным. Об этом только что, совсем недавно, зять Святослава Киевского князь Владимир Галицкий пропел в своей интерлюдии... Ну, а о походе Игоря конкретно он ничего ни сказать, ни спеть не мог: не был он в этом походе. Тут нужно было обязательно боярину Лавру продолжить рассказ-пение, подавить обиду. И он это сделал...

*

Всякий герой Времени, безумный рыцарь Добра и Славы, немножечко смешон, или вовсе уж – не немножечко, как Дон Кихот Ламанчский. На этот счет иуда Кончак Отрокович постарался для свата своего Игоря Святославича – как мог и как не мог: «**бранной славы пир веселый**», начавшийся у болотных дорог, утром продолжился по всему фронту сражения. Половцы, объявившиеся со всех сторон Света Белого и чуть ли не из-под самой Тьмутаракани Азовской, окружили войско Игоря и, кстати, объявившихся откуда-то **кметей** Всеволода. И вот «**дети Бусовы**» **кликком** поля пригородили **и** (не **а!**) выставили впереди себя отмеченные крестами («чурами») **щиты**.

*

Оба эти действия могли быть знаками, идущими из глубины славянских и готских времен, когда клики «**Ура**» были в первую

очередь способами опознания в темноте или еще как-то русских воинов, а щиты, отмеченные крестами, и вовсе уж точно говорили, кто пришел незвано или звано на те или сии земли. Окружившие Игоря и его войско половцы и без того все знали, и они начали планомерно и спокойно уничтожать идущих освободить Тьмутаракань русичей. Половцам, оказывается, этот акт теперь уже был абсолютно противопоказан. И Кончак со своим военным отрядом был, получив, наверное, взыскание, уже в числе противников Игоря. Были ханы поглавнее и поважнее Кончака, и один из них носил имя «Гза» («Гзак»), в котором угадывалась внутренняя форма *Исайя – частого имени среди половецких **готов**. Вот так и проявили себя древние враги словен: вятичей и радимичей, одним из вождей которых был **Вятко (Вячеслав)**, прозванный именем «**Бус**» со значением <böze = злой>. **Готские девы**, упоминаемые автором «Слова» Лавром, радуются позору Игоря и воспевают уже отдаленное от них **Время Бусово**, которое словно возрождается вместе с победами над потомками древнего князя Вячеслава, которого сын короля Эрманариха Винитар заманил к себе в гости с сыновьями и слугами и убил всех подло и, как окажется, глупо...

Вот как говорит о готах Исайи певец Лавр:

«...Уже върже ся Дивъ на землю.
Се бо готскіе красныя дѣвы
въспѣша на брѣзѣ синему морю,
звоня рускымъ златомъ,
поють время Бусово,
лелѣють мечь Шароканю...»

Князь Игорь, может быть, еще надеялся, что минувшая вечерняя битва-забава с половцами была случайной, и теперь все должно проясниться. Но вот уже рубятся с половцами не в шутку, а всерьез кмети Всеволода. Вот уж и ранен Всеволод Святославич. И вот Игорь Святославич «плъкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода». Битва продолжается и день, и другой. И только на третий день к полудню пали святые стяги Игоря: и драгоценный образ Святого Духа, и Богородичные святые иконы, и всё иное, что несли воины на высоких древках и что Лавр не упомянул в «Песне», а может, и упомянул, да в перепевах частых было утеряно и забы-

то. **Песня** Лавра постепенно превращалась в **Слово**. И нужны огромные усилия верующих в прекрасную Песню, чтобы она возродилась. Наши усилия – только небольшая доля того, что предпринимается и будет предприниматься в дальнейшем ради возрождения гениального текста и всему, что еще будет создано.

*

Итак, обратимся к самому важному и самому «тёмному» фрагменту «Слова о полку Игореве» – в том виде, в каком оно до нас дошло:

**«Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
а храбри русици преградиша чрълеными
щиты».**

Более искаженного, буквально изуродованного участка в дошедшем до нас текста «Слова», неоднократно исполнявшегося в древности в любом собрании людей, представить невозможно. Начнем с эпитета «**бѣсови**». Он отнесен к слову «**дѣти**» и явно адресован половцам; русичам дарован другой эпитет – «**храбрые**». Между тем, половцы были христианами, только арианского вероисповедования, **бесами** христиан было бы назвать некорректно. Да и не о «бесах» идет здесь речь, а о **бусах**, о **детях бусовых**. **Бусовым временем** поминали половцы далекие годы IV в., когда были они германским народом – **готами** и жили на правом берегу Днепра, управляемые королем Эрманарихом и его сыном принцем Винитаром. А по левому берегу Днепра обитало два «черных» словенских (антских) племени: **вятичи** и **радимици**. Будущие половцы называли их **бусами**, что значит «черные» и «злые».

Антского вождя Вячеслава (Вятко) вместе с его сыновьями и боярами готский король Винитар заманил к себе в гости якобы для примирения и, неся «почетно» в ладье, бросил всех в глубокую яму, забросав живыми землей и нечистотами. Позже половцы-готы, видимо, жалели об этом своем вероломстве, переживая гуннское нашествие и совместно с бусовыми воронами сражаясь с гуннами. Словенский клик «Ура» и кресты на щитах были, несомненно, опознавательными знаками **русичей** при встрече с **полов-**

цами, если эта встреча даже не была враждебной.

Князь Игорь Святославич, видимо, еще надеялся, что половцы явились на встречу с ним, чтобы вместе идти освобождать Тьмутаракань Азовскую, и лишь когда началась сеча половцев с братом Игоря Всеволодом, все стало ясно. Так что в самом начале неожиданной битвы Игорь-князь только *пригородил*, а не *прегородил* кликом «Ура!» пространство, ставшее частью поля битвы. И только когда всю уже кипела битва Всеволода с половецким войском, Игорь повернул свои полки, спасая мила брата Всеволода...

*

Наиболее важные имена и слова:

князь Игорь Святославич Новгород-Северский (1151–1202);

князь Всеволод Святославич Трубчевский и Курский (ум. в 1196);

князь Владимир Ярославич Галицкий, по прозвищу *Ходына* (1150–1198), поэт, ученик и последователь великого *Бояна*;

половецкий хан Канчак Атракович (*Кончак Отрокович*), в прошлом грузинский царевич;

певцы-поэты: Лавр (Лавор, Овлур), Боян (Будимир), Ходына (см. выше);

половецкий хан – Гзак (Исайя);

города: *Тьмутаракань Азовская, Киев, Великий Новгород*;

слова и фразы: «*Неговые дороги*», «*а по замышлению Бояню*», «*фрища в тропу Трояню...*», «*дѣти бусови кликомъ поля пригородиша*»;

имена (народные) выдающихся православных образов: «*Дивъ*», «*Карна и Жъля*», «*Хълмъ*» («*Шеломъ*»), «*Четыре Сълнца*».

Список литературы

1. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / гл. ред. Д.С. Лихачев: в 5 т. СПб., 1995.
2. Руделев В.Г. Смысл и цель Половецкого похода северского князя Игоря Святославича в 1185 г. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 8 (100). С. 180-193.
3. Обнорский С.П. «Слово о полку Игореве» как памятник русского литературного языка // Русский язык в школе. 1934. № 4. С. 9-18.
4. Сафонова О.В., Руделев В.Г. Названия животных как средство создания героического образа (к реконструкции и герменевтической обработке «Слова о полку Игореве»). Тамбов, 2010.

5. Руделев В. Полет Золотой Стрекозы в саду Поэта (С памятью о Пражской весне). Избранные стихотворения и поэмы. Тамбов, 2015.
6. Толстой М.В. Рассказы из истории русской церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 2001.
7. Снегирева С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ее икон... Ярославль, 2000.
8. Винокуров Б.З. К истории похода князя Игоря на половцев. О русской земле! // Культура речи и образование: сборник материалов регионального научно-методического семинара. Тамбов, 2007. С. 38-51.
9. Комлев А.П. «Слово о полку Игореве»: древнерусский текст и ритмическое переложение. Свердловск, 1985.
10. Колесов В.В. Ударение в Слове о полку Игореве // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1976. С. 23-76.

References

1. D.S. Likhachev (ed). *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"*: v 5 t. St. Petersburg, 1995. (In Russian).
2. Rudelev V.G. Smysl i tsel' Polovetskogo pokhoda severskogo knyazya Igorya Svyatoslavicha v 1185 g. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2011, no. 8 (100), pp. 180-193. (In Russian).
3. Obnorskiy S.P. "Slovo o polku Igoreve" kak pamyatnik russkogo literaturnogo yazyka. *Russkiy yazyk v shkole – Russian language at school*, 1934, no. 4, pp. 9-18. (In Russian).
4. Safonova O.V., Rudelev V.G. *Nazvaniya zhiivotnykh kak sredstvo sozdaniya geroicheskogo obraza (k rekonstruktsii i germenevticheskoy obrabotke "Slova o polku Igoreve")*. Tambov, 2010. (In Russian).
5. Rudelev V. *Polet Zolotoy Strekozy v sadu Poeta (S pamyat'yu o Prazhskoy vesne). Izbrannye stikhotvoreniya i poemy*. Tambov, 2015. (In Russian).
6. Tolstoy M.V. *Rasskazy iz istorii russkoy tserkvi*. Moscow, Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya Publ., 2001. (In Russian).
7. Snegireva S. *Zemnaya zhizn' Presvyatoy Bogoroditsy i opisaniye svyatykh chudotvornykh Ee ikon...* Yaroslavl, 2000. (In Russian).
8. Vinokurov B.Z. K istorii pokhoda knyazya Igorya na polovtsev. O russkaya zemle! *Sbornik materialov regional'nogo nauchno-metodicheskogo seminar "Kul'tura rechi i obrazovanie"*. Tambov, 2007, pp. 38-51. (In Russian).

9. Komlev A.P. *“Slovo o polku Igoreve”*: *drevnerusskiy tekst i ritmicheskoe perelozhenie*. Sverdlovsk, 1985. (In Russian).
10. Kolesov V.V. *Udarenie v Slove o polku Igoreve. Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Lenin-grad, 1976, pp. 23-76. (In Russian).

Поступила в редакцию 08.02.2016 г.
Received 8 February 2016

UDC 81'01

“THE TALE OF IGOR’S CAMPAIGN” AND ITS AUTHOR. NEW VERSION (basing on correct reading of some parts of the text)

Vladimir Georgievich RUDELEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Philology and Journalism Department, Honored Worker of Higher School of Russian Federation, Member of Russian Writers Union, e-mail: sharandin@list.ru

The data considering «Зачинъ» (beginning) of “The Tale of Igor’s Campaign” is interlude, diving the monologue of the real author of this work, interrupted by the listeners, from the monologue of its author (to be certain co-author of necessity) are discussed. It is proved that a real author of “The Tale of Igor’s Campaign” is a participant of campaign in 1185, boyar Лавръ (Laurus). The fact that the essence of Igor’s campaign was not connected with unpleasant for cumans actions: bust, “send about his business” and etc. is proved. The aim of Igor’s campaign is to free from Khazar and any other rule the most important centre of Russian nationhood Tmutarakan of Azov. It is stated that the action considering the agreement with Polovets chagan Kantchak Atrakovich (Kontchak Otrokovich) must be held by two ledges: Russian and Polovets. However, Polovets commander betrayed Russian commander even though he sympathized and helped him to escape from imprisonment and survive. The content of some expressions in “The Tale of Igor’s Campaign” are established still not understood, containing very important information without them it is hard to understand “The Tale of Igor’s Campaign”, for example the phrase «А половъци неготовами (sic!) дорогами / побѣгоша къ Дону великому...».

Key words: “The Tale of Igor’s Campaign”; beginning, author.

УДК 81'373

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО С ВЕРШИНОЙ «КОТ» В НАЧАЛЕ XXI В.: ОТ СИСТЕМЫ К НЕЖЕСТКОЙ СИСТЕМНОСТИ И... СИСТЕМЕ?

© **Марина Юрьевна БЕЛЯЕВА**

Филиал Кубанского государственного университета,
г. Славянск-на-Кубани, Краснодарский край, Российская Федерация,
доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы,
методики их преподавания, e-mail: fliny@mail.ru

Направления и метаязык дериватографии, параметры словообразовательного гнезда, а также восприятие носителями языка самих объектов номинации динамичны и взаимообусловлены. В соответствии с теорией о хаосе, сменяющем порядок, дериватография поставлена перед необходимостью черпать данные из объединений с нежесткой системностью (набор однокоренных слов, результаты окказионального словопроизводства, собственные имена) с целью поиска системообразующих признаков и последующего выявления участков с жесткой системностью уже в новой словообразовательной парадигме. Вычислены и сопоставлены друг с другом параметры гнезд словаря А.Н. Тихонова и расширенного узואльно-окказионального с вершиной КОТ. Подсчитано соотношение способов словопроизводства дериватов-онимов в словообразовательном гнезде. Доказана зависимость увеличения объема гнезда с 37 до 228 единиц от изменения интенций дериватора, а количества тематических групп лексики – от вовлечения животного в антропоморфную семиосферу, нобилизации образа КОТА в современном социуме. Верно-цепочечный характер гнезда и доминирование словообразовательных пар на 1-й ступени словообразования поставлены в связь с разнообразием и дискретностью характеристик социализированного животного. Выявлен преобладающий тип словообразовательных значений, незначительная протяженность цепей и их обусловленность характером вершинного слова, а также участием собственных имен (фелисонимов). Дрейф образа животного в направлении антропоферы стимулирует прогнозику изменения базовых параметров гнезда и отпочковывания очередных подгнезд (подпарадигм) авторского словообразовательного гнезда.

Ключевые слова: словообразование; дериватография; системность; словообразовательное гнездо; зооним; фелисоним; кот.

Словообразовательное гнездо (далее СГ. – *М. Б.*) – одна из наиболее сложных иерархических единиц языка, макроконструкт. Само общезыковое СГ отличается жесткая системность, однако при его создании и дешифровке в поле зрения попадает ряд объединений с нежесткой системностью, периферийные образования в рамках полей (лексический материал, результаты окказиональных способов словопроизводства и др.), обеспечивающие дальнейшее развитие деривационно-мотивационного процесса словообразовательного гнезда.

В статье демонстрируются формы участия и взаимообусловленности в расширенном СГ с вершиной *КОТ* объединений с высокой (равнопроизводность относительно вершины, последовательная производность, бинарность) и низкой (набор однокоренных слов, результаты окказионального словопроизводства, собственные имена) степенью системности. Разработчики проекта словообразовательного словаря на базе Националь-

ного корпуса русского языка также ставят перед собой задачу «проанализировать, как реализация словообразовательных моделей в тексте связана с реализацией других конструкций; как одни словообразовательные модели сочетаются с другими» [1], с той разницей, что природа словообразовательного гнезда заставляет нас говорить не о тексте, но о макротексте и его пространствах (лексическом, словообразовательном, дериватологическом), а обращение к семантике лексических единиц выводит исследование за рамки исключительно структурного метода.

Объектом анализа стали СГ с вершиной / вершинным / исходным словом КОТ в его классическом и авторском вариантах. Под первым подразумевается соответствующее словообразовательное гнездо (далее СГ₁. – *М. Б.*) из «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова [2, с. 484]; под вторым (далее СГ₂. – *М. Б.*) – сконструированное автором статьи расширенное узואльно-окказиональное СГ из 229 единиц

(включая вершину), фрагмент которого показан на рис. 1. Источниками языкового материала для СГ₂ послужили тексты журнально-газетной периодики, классической и современной литературы, в т. ч. жанра фэнтези, произведений для детей, материалы сайтов Интернета.

Мотивология зоонимов все теснее связывается с языковой картиной мира этносов в плане общего и частного, с «востребованностью номинативных полей в целом и отдельных единиц в рамках определенной лингвокультуры» [3, с. 222]. В лингвистике зоонимы (в узком и широком понимании термина) классифицируются по типам мотивации [4], способам (средствам) деривации в одном или нескольких языках [5; 6], лингвокультурологии [7–9], когнитивистике [10–11], ономастике. Определена специфика концепта-зоонима «кот», заключенная в неоднозначности мифологического толкования, функционировании гендерных инвариантов, наличии двойственного денотата, вхождении в состав концепта собственно русских и интеркультурных компонентов [12]. По поводу номинаций котов специалисты считают, что в общечеловеческой культуре именование этого вида животных возникло относительно недавно и наименее понятно с точки зрения значений и форм в данной подсистеме зоонимов [13].

С 1970-х гг. СГ в целом и покомпонентно испытало на себе применение самых различных подходов при явном преобладании и естественной изначальности структурного (об истории изучения СГ см.: [14; 15]). В рамках интегративной теории гнезда выполнен комплексный анализ СГ русского языка в прогностическом аспекте [16]. В русле современных научных парадигм, в частности пропозиционально-фреймового моделирования, дериватология последних лет пытается преодолеть однобокость подхода к СГ в поисках «плавного перехода от структурализма к когнитивизму в словообразовании» [17]. В основании подхода «лежит гипотеза о том, что сам феномен гнезда порожден «сюжетным», «ситуативным» характером человеческого мирозидения», а «носитель языка интуитивно ощущает в гнезде систему очевидных ролевых связей между словами-явлениями» [10, с. 351], связывая систему с другими уровнями языка и картиной мира.

Перечень фамилий специалистов по когнитивистике, объединенных с их предшественниками из области структурализма, генеративистского и функционального направлений в автореферате блестящего диссертационного исследования И.В. Евсеевой, убеждает как раз в обратном: смысловая компонента гнездования уже на начальной стадии разработки теории СГ и его моделирования ставились исследователями во главу угла. Пытаясь выстроить логические схемы, регулирующие деятельность нашего мышления, когнитивистика возвращается на формально-логические, т. е. структурные рельсы, направленные на иной по природе предмет – процесс мышления. Особенностью когнитивной концепции называют ее желание «все и вся напрямую возвести к сознанию и познанию, не считаясь с тем, что таковые опосредуются коммуникативной функцией» [18, с. 368]. Кроме того, функционально-семантические отношения компонентов СГ изучались ранее в пределах словообразовательной категории.

В структурно-семантической парадигме дериватологии востребовано выявление закономерностей и случайностей превращения языкового пространства в языковую систему, в т. ч. словообразовательную. В русле синергетического понимания языка важен и обратный процесс – искажение системы за счет новаций. Синергетика видит в языке активную среду порождения универсалий, учитывая периферию «помех» с переходами к гомеостазу через характеристики динамического хаоса, колебания синергетических систем от устойчивости к неустойчивости и обратно [19, с. 18-19].

Рассмотрим подробнее формы и способы проявления жесткой и нежесткой системности в СГ₁ и СГ₂ с целью последующего выявления взаимообусловленности полученных результатов и прогностики новых состояний системы (здесь – СГ).

1. ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГНЕЗДА

1.1.1. В подгнезде КОТ СГ₁ встречаем системный набор единиц, относящихся к любому животному: *котенок, котеночек, котище, котов, котовый / ий*.

1.1.2. Нежестко структурированные тематические группы однокорневых слов, сформированных за пределами СГ, но вошедших в его состав, в своей совокупности

КОТ

био-кот
буль-кот
пит-булькот
езде-кот
герма [нский]-кот
гипно[тический]-кот
главкот (глав [ный] + кот)
Гюкот (Гюго × кот)
дино[завр]-котик
Д/дже[т] кот
Д/длинн- о – кот
Д/довольн-о-кот
дохл-о-кот
дракон – о- кот
драконокот-енок
дракон-о- котенок
Д/дюн-о-кот
<Ешкин кот!>
Ешкин кот
ЕК
коббит (кот × хоббит)
«Коббит»
Коло – кот (Коло[бок] + кот)
Кот
кот(а)
Кота
кот-агентств(о)
Кот-аец (кот × китаец)
Кот-Австриј(я)
Кот – агава
Кот – а – кот
Кот – алиј (я) (Хеталия × кот)
кот – ан
Котан
котан-айл(о)
котанайл-ович
котан-ушк(а)
Кот – ангенс (кот × котангенс)
кот-арей
кот-арий
Котарий
кот – А – строфа (кот × катастрофа)
кот – атищ(е)
кот-дог
кот-ей
Котей
коте [j]-юшк(а)
кот – ейк(а)
Котейк(а)
кот-елье (кот × ателье)
кот – еньк(а)
Котеньк(а)
кот – ен(а)
Кот-ена(а)
кот – енок
дракон – о – котенок
Кот – енок
котеноч-ек
котенок//ч – ий 0
кот – ят(а)
котят-ин(а)
кот – еныш
Кот – зилл(а) / Кот-зил(а) (кот × Годзил//ла)
кот-изм
кот-ик
Котик
кот Ик
Кот-ини
Кот – ир
кот-ишк(а / о)
Кот-ляндиј(а)
Кот-лер

Рис. 1. Словообразовательное гнездо с вершиной КОТ (фрагмент)

отражают в СГ₂ как традиционное восприятие животного (низший в иерархии «человек – кот»), так и новейшее, персонологическое (равное человеку // высшее существо) [20, с. 119-123]. В первом случае человек (субъект отношений) наделяется функцией хозяина, имядателя, селекционера по отношению к животному (объекту); во втором животное (субъект отношений) получает статус равноправного члена семьи и общества.

А) *Кот – собственность хозяина*

Селекционер. Содержанию и разведению котов придается атмосфера солидного предпринимательства: *котовод, котководство, котохозяин, котология, котописание*.

Результатами самого смелого скрещивания с котом домашних, диких и мифологических животных под пером писателей в жанре фэнтези, авторов для детей становятся: *булькот, питбулькот, котдог; Котопес, Крококот, драконокот, котокролик, котосвин, кроликокот, осьмикот, свинокот, тигрокот*. В передаче “Comedy woman” от 23 января 2015 г. фигурирует *котокушка* (в магазине на Рублевке предлагаются эксклюзивные меха. Скрестили кота с кукушкой: и мех хороший, и время отсчитывает).

В духе птицеведа Берда из «Новейшего Плутарха» на страницах Интернета регулируют фенотипические и генотипические признаки реального животного: длина (*Д/длиннокот*), форма (*Д/дюнокот, осьмикот*), окрас (*масКот*), поведение (*дохлокот*), характер (*довольнокот, субкот(а), Щастекот*).

Подобные новообразования занимают, на наш взгляд, нишу между индивидуальными (собственными) и типовыми (нарицательными) именами, о чем отчасти свидетельствует параллельность использования прописных и строчных букв (впрочем, характерная для интернет-грамотности в целом).

Б) *Кот – социализованная личность*

Антропоморфическое представление о коте как о человеке – хорошо забытое старое: для первых слушателей народной сказки о сыне мельника и его помощнике последний обладал способностью к оборотничеству, являясь, по сути дела, человеко-котом.

Как член современного общества, кот, судя по речевым образованиям, имеет все необходимые атрибуты гражданина. Соци-

альное положение (высокое / низкое): *главкот, Кот-подборьши*.

Именование, обращение: *котоимя* (не кличку); с учетом возрастного ценза и регистра общения: *Котовский, Котович* (фамилия); *Котанайлович, Котович, Котофаньч, Котофеич, Котофеевич, Котыч* (отчество).

Гражданство, место жительства: планета *Терракот* (бренд котокафе в Краснодаре), *котоотечество, Котоотечество*, страна *Некоталия*, государство *Котавстрия* (в Некоталии). Виртуальная Некоталия (от яп. слова «неко», ‘кот’ и «Хеталия») возникла из стрипов Хидекаэ Химаруи, в которых у каждой страны имеется свой типичный кот. Некоталия появилась в аниме в сериях 78 (WS 26), 81 (WS 29), 82 (WS 30) и 83 (WS 31), в которых был использован стрип «Если бы весь мир был в кошках» из третьего тома.

Котир (владения диких котов); Котландия (идеальное место для отдыха состоятельных котов на календаре Ч. Высоцки); *котомуналка* (коммунальная квартира малоимущих котов).

Национальность: *русокот, гермакот, японекот; Котишидзе* (груз.), *Котъен* (франц., ср. Этьен), *Котини* (итал.), *Котт, Котлер* (герм.).

Религия: *Котсподь*.

Профессия: работа в *котелье, котагентствах*, участие в *Котференции*.

Работа в ресторанах (*которесторан, Трикотаж*), кафе (*КотоКафе*) – реальность XXI в.

Характер: *котосапиенс* (разумен), создает *котмосферу*, наделен *котоюмором*, выражает *котосуть, котовость, котизм*.

Моральный облик: *котомораль, котофилософия*.

Круг авторов и книг для чтения: *Гюкот* (В. Гюго), *«Коббит»* («Хоббит»), *«Колокот»* (Колобок).

Развлечения, хобби: *котошахматы, котофото, котэ-посты, кото-селфи*, посещение *«Котогалереи»*, участие в *«Кот-параде»*.

Питание: *котозавтрак, котлета, котчуп*.

Кумиры. *Супер-кот, Тру-кот, Котзилла* (Годзилла), *Котокинз*; сам имеет *котофанатов*.

2. МОРФОДЕРИВАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ГНЕЗДА

2.1.1. В СГ₁ представлены исключительно результаты аффиксации (суффиксации)

как ядра языковой словообразовательной системы. Три единицы в подгнезде КОШКА (*кошкодав, кошкодер*) и одна – в подгнезде КОТ (*котиколов*, вне связи с фелисонимом) принадлежат к сложносuffixальным.

2.1.2. СГ₂ демонстрирует большее разнообразие способов словообразования (табл. 1).

Преобладание аффиксальных образований (27,5 % собственных имен) оказалось ожидаемым, в отличие от окказионального способа контаминации (23,8 %), распространяющейся и на нарицательные имена (Европа *оКОТочарована*).

О предпочтении неморфологических и окказиональных способов номинации свидетельствуют результаты конкурса, на котором посетителям сайта в Интернете было предложено составить 5 слов с корнем кот-; лучшим был признан ответ Альбины Абджалиевой – *котиккотенок котэ* [21]. Некоторые из пользователей Интернета прибегли к способу контаминации (в других терминосистемах – «заменительному словообразованию», «преобразованию лексической единицы» и др.), например: придверный коврик «**Действует дресс-кот!**»; Просто сейчас у нас во всю крутят рекламу нового тарифа «ХОТ» одного сотового оператора. Так там как раз словечки типа: НаХОТка, выХОТ и т. п. И соответственно в конце рекламы фраза, приведенная Perchilla, только с ХОТ вместо кот; Аффтарт-кот! Котично! Котово! Котит! Котпода, не отвлекотемся. Пишем рассказ про кота. Использовать тэг цвета обязательно. А то будем котать жалобу. Кот, откотавшись на котамаране докотился по искототвления парокота...; ээйх прокотшу!!! [22] (орфография и пунктуация подлинника сохранены. – М. Б.).

На третьем месте по количеству реализаций оказался лексико-семантический способ (21,3 %).

2.2.1. Из 18 дериватов подгнезда КОТ (за исключением котик П) в СГ₁ одна единица (*котовник*) обладает мутационным словообразовательным значением, 4 единицы – транспозиционным (*котячий, котов, котовый / ий*), остальные – модификационным.

2.2.2. В СГ₂ у дериватов (на 2-й и 3-й ступенях) преобладают модификационные значения субъективной оценки и стилистической модификации в собственных именах животного: котан > **Котан** >; драконокот > **драконокот-енок**; **Котэ** > *Котэ-ик(а)*. В мутационных (котоферма > **котоферм-ер**) и редких транспозиционных значениях (для: *котизм, котовость, субкотний*) фиксируются признаки кота. Примеры нарицательных существительных с соединительным (синтагматическим значением) на 1-й ступени: *гипнокот, котодевочка, котопото, котомонстр, котоселфи*.

3. ДЕРИВАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ГНЕЗА

3.1.1. СГ₁ – образование смешанной, верено-цепочечной структуры. В подгнезде КОТ 7 единиц (38,9 %) являются производными 1-й ступени, 7 (38,9 %) – 2-й, 4 (22,2 %) – 3-й. Преобладают производные 1-й и 2-й ступеней.

3.1.2. СГ₂ – образование смешанной, верено-цепочечной структуры. Количество производных составляет 111 единиц (48,8 %) на 1-й ступени, 103 (45,9 %) – 2-й, 11(4,8 %) – 3-й, 3 (1,3 %) – 4-й. Преобладают производные 1-й и 2-й ступеней.

Таблица 1

Способы словообразования онимов СГ₂ с вершиной КОТ

Способы словопроизводства	Примеры реализаций	Количество дериватов, %
Морфологический (аффиксация)	<i>Котэ-ика, Котяр-ик</i>	27,5
Морфологический (сложение)	<i>Дюн-о-кот, Кот-о-кинг</i>	13,6
Аббревиация	<i>ЕК, Чекот (черный кот)</i>	2,6
Калькирование	<i>Тру-кот</i>	2,5
Сращение	<i>Кроме кот, Просто кот</i>	7,5
Лексико-семантический	<i>Котович, Котька</i>	21,3
Контаминация	<i>Гюкот, Котсподь</i>	23,8
Разложение	<i>Кот ИК</i>	1,2

3.2.2. В поисках типичных для СГ₂ цепочечных структур определялись следующие параметры.

1. Глубина // ступень словопроизводства.
2. Словообразовательная цепочка (пример); количество единиц в цепи на всех ступенях словообразования.
3. Состав производящих.
4. Словообразовательное значение.
5. Способ словопроизводства на данной ступени.

Наиболее типичной и продуктивной оказалась модель индивидуализации неофициальных форм НИ_{2К} от родового термина НИ_{1К} // создания ласкового обращения к животному (19 реализаций):

- 1) 2-я;
- 2) кот > кот-ейк(а) > **Котейк(а)**; 3 единицы;
- 3) НИ_{1К} > НИ_{2Д} > СИ_Д;
- 4) модификационное;
- 5) лексико-семантический способ.

4. ДЕРИВАТОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

4.1.1. Водораздел между «старым» и «новым» лежит, во-первых, в области выбора самой вершины СГ. Вопреки признанию гнезд в словаре А.Н. Тихонова «обостренно синхронными» (А.И. Моисеев), подгнездо от КОШКА включается в СГ₁ с вершиной КОТ.

По мнению некоторых ученых, этот словарь не дает удовлетворительного морфемного анализа в большинстве спорных и сложных случаев (ср. *сказ-к-а*, *поезд* и др.) [1]. В «Словаре морфем русского языка» А.И. Кузнецовой, Т.Ф. Ефремовой вокабула I кот отделена от 2 кот (котиться, окот, окотиться) и от 2 кошка [23].

4.1.2. Супплетивизм в паре «кошка ← кот» издавна преодолевается в диалектах: арханг. *котанк(а)*, *котен(а)*. Утрата синхронной производности представляется нам достаточным основанием для выделения двух самостоятельных СГ с вершинными словами КОТ и КОШКА.

4.2.1. Словарь А.Н. Тихонова отразил принцип отбора языкового материала своего времени – приоритета общего над особенным, языкового над речевым. В соответствии с этим объем СГ₁ составляет 37 единиц. На долю производных от КОТ приходится 18 единиц, из которых подгнездо из 3 единиц с вершиной КОТИК II номинирует другого

животного (морского котика) и его добычу; 5 производных относятся исключительно к кошкам – *сукотняя*, *сукотая*, *котить*, *окотиться*, *окот*. Лексическая единица *кошкодер* известна языку и в другом значении (нем. *катценбалгер* ‘короткий меч для ближнего боя’).

4.2.2. Функциональная грамматика дополняет ядро языка за счет системы тех средств, которые используются в речи. Привлечение в качестве языкового материала СГ дериватов различных регистров общения, речевых слов, окказионализмов, собственных имен, способствуя более полной демонстрации непрерывности смыслового пространства гнезд одновременно с размыванием жесткой системности.

СГ₂ к настоящему моменту достигает объема 228 единиц (без вершинного слова), что в 6 раз превышает объем СГ₂ и в 12,7 раза – подгнезда от КОТ в словаре А.Н. Тихонова. Собственные имена в СГ₁ отсутствуют; в СГ₂ на их долю приходится 35 %.

4.3.1. В работах представителей Кемеровской школы, посвященных конструированию и анализу СГ в диалектной речи, лексичность и когнитивность таких СГ подается как новейшее открытие когнитивистики [14]. Между тем достаточно перелистать словарь А.Н. Тихонова, чтобы убедиться в том, что именно такой подход оправдывает несовременную, неалфавитную подачу производных внутри словарных статей его труда. Сам ученый подчеркивал, что благодаря этому он учитывает (насколько это возможно) смысловую близость производных к производящему слову, их лексико-грамматические и словообразовательные отношения. Нижеследующий пример А.Н. Тихонова наиболее близок к характеру вокабулы в вершине нашего узואльно-окказионального гнезда: «<...> к производящему имени существительному со значением лица наиболее близки по смыслу производные уменьшительно-ласкательные, уничижительные, увеличительные существительные. За ними следуют названия лиц женского пола, детей (при названиях животных – самок и детенышей) и т. п. [2, с. 10]. Положение производных определяется их – функциональностью: устар. *ветр* дается в конце статьи *ветер*, *ватруха* – за *ватрушкой*.

4.3.2. Не отдавая предпочтения большей / меньшей функциональной значимости или узуальности производных, мы выстраиваем компоненты СГ₂ в алфавитном порядке следования дериватов первой ступени, не включая в обособленные перечни префиксальные, сложные или слитные образования классического словаря. Флексии обозначаются в круглых скобках независимо от их роли в словопроизводстве, как сопроводительная морфема в блоке с основой.

5. ВЫВОДЫ. ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ ФОРМ И СПОСОБОВ ПРОЯВЛЕНИЯ ЖЕСТКОЙ И НЕЖЕСТКОЙ СИСТЕМНОСТИ

Сопоставление параметров СГ с вершиной КОТ из «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова и сконструированного автором статьи расширенного узуально-оказионального СГ (объемом 228 единиц) привело к следующим выводам о взаимообусловленности форм и способов проявления жесткой и нежесткой системности в СГ₁ и СГ₂ и прогностике на предмет измененных состояний СГ.

1. Объем СГ. Количество и семантика типовых производных от КОТ в СГ₁ указывает на слабую заинтересованность человека в данном животном (объем СГ с вершинами СОБАКА и ПЕС достигает в словаре А.Н. Тихонова 54 единиц). Увеличение объема СГ с вершиной КОТ с 37 единиц до 228 за счет новых поступлений из речи свидетельствует об изменении интенций дериватографии по отношению к нетиповым словам, повышении его веса в глазах общества по мере роста урбанизации (нобилизации животного).

2. Структура СГ. Веерно-цепочечная структура СГ₂ вызвана к жизни многоаспектностью характеристик и ролей, приписываемых животному. Почти половина (48,8 % СГ) словообразовательных пар создана на 1-й ступени словообразования. «Веерность» СГ поддерживают словообразовательные синонимы, поступающие из речи: *котовость, котизм; котолоб, котоман* и др.

3. Собственные имена в СГ₂ составляют 35 % объема СГ. Тематические группы производящих содержат антропонимы, библионимы, топонимы, эргонимы, формирующие личное пространство // персонифицированную сферу человекоподобного кота (имя, место проживания,

национальность, круг чтения и др.). Среди производящих немало «слов момента», в основном заимствований (*агентство, наркотики, посты, селфи, пин-код* и др.).

4. Способы словопроизводства. Наряду с типичным для флективного языка доминированием аффиксации (27,5 % онимов) велико количество результатов окказионального способа словопроизводства – контаминации (23,7 % единиц). Используемая на 1-й ступени словообразования, контаминанта минимализирует процесс, замыкая цепочку собственным или нарицательным именем (*котелье, Котсподь, пин-кот* и проч.). Сказывается влияние заимствований из аналитических языков, стремление к языковой игре.

5. Выражение субъективной оценки и стилистической дифференциации тесно связано с передачей модификационного значения. Цепи с диминутивами считаются тупиковыми для языка. В СГ₂ бинарные цепочки и цепи замыкают разнообразные формы со значением субъективной оценки и стилистической модификации нарицательных существительных (*котейошка, котан, котатище, котун*).

6. Словообразовательные цепочки на 2-й и 3-й ступенях в 35 % заканчиваются онимами (личным именем, отчеством) со значением вторичной ласкательности (*Котена, Котушка, Котыка, Котяра* и пр.). Преобладание цепей типа «кот > кот-ейк(а) > **Котейка**» вызвано потребностью индивидуализации неофициальных диминутивов от родового имени КОТ. Креативность такой номинации относительна: в ласковом обращении к животному не отмечены никакие иные признаки животного, кроме его родовой принадлежности.

7. Обладая «ярким деривационным потенциалом», зоонимы в широком и узком понимании термина «демонстрируют способность к неоднократной мотивации по одной модели» [16, с. 62-63]. Отмечая повышенную активность обращения к котам как коду общения в Интернете [24], можно прогнозировать возможность отделения нового СГ // подгнезда с вершиной КОТИК 3.

Таким образом, если словообразовательное гнездо, перефразируя М. Хайдеггера, представляет «мир, понятий в смысле картины», то конструировать и рассматривать этот феномен целесообразно с учетом динамики,

в контексте вовлечения единиц с нежесткой системностью в деривационную систему СГ и ожидания новых бифуркаций системы (рис. 1).

Список литературы

1. Тагабилева М.Г., Березуцкая Ю.Н. Словообразовательная разметка национального корпуса русского языка: задачи и методы. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/73.htm> (дата обращения: 23.03.2016).
2. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М., 1985. Т. 1.
3. Перишина К.В. Наричательная лексика в онообразовании (слово «журавль») // Имя собственное в жизни и литературе: материалы 9 Международных Святогорских ономастических и 9 Международных Михайловских литературно-ономастических чтений / отв. ред. В.М. Калинин. Киев, 2015. С. 221-227.
4. Шевчик А.В. Комплексное мотивологическое исследование зоонимов русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011.
5. Сайфутдинова Э.Г. Деривационное развитие зоонимов в русском языке // Современная филология: материалы международной научной конференции. Уфа, 2011. С. 183-187.
6. Геращенко А.М. Способы образования самцов, самок и детенышей в русском, немецком, английском и китайском языках // Актуальные проблемы современного русского словообразования. Кемерово, 2008. С. 96-100.
7. Булгакова О.А., Красноборова О.А. Зоофразаологизмы и зоолексемы как экспликативные языковой картины мира русского и китайского языков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1 (65). С. 160-166.
8. Шумилина О.С. Русская мышь или английская собака (к попытке описания зооморфного портрета человека) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: филология. 2014. № 4. С. 241-247.
9. Калиткина Е.Н. Анималистическая номинация в пространстве русской языковой картины мира // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 2. С. 77-81.
10. Осадчий М.А. Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов на материале русских народных говоров (материалы АКД) // Актуальные проблемы современного русского словообразования. Кемерово, 2008. С. 350-364.
11. Образцова М.Н. Когнитивно-дискурсивное описание гнезда однокоренных слов: на материале пчеловодческой лексики русских народных говоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013.
12. Сидорова Ю.Е. Текстобразующий потенциал зоонимов (на примере концепта «кот»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2011.
13. Kosyl C. Nazewnictwo kotów w literaturze pięknej na tle zoonimii uzualnej // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Lublin; Polonia. 1996-1997. Vol. 14-15. Cz. 1. S. 373-387; 1998. Vol. 16. Cz. 2. S. 101-113.
14. Евсеева И.В. Когнитивное моделирование словообразовательной системы русского языка: на материале комплексных единиц: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2011.
15. Дударова Л.М. История изучения словообразовательных гнезд // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. Ч. 1.
16. Казак М.Ю. Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование; количественные аспекты; потенциал; прогнозирование. Белгород, 2004.
17. Евсеева И.В. Лексико-словообразовательное гнездо с вершиной – именем соматического объекта: фреймовое устройство. URL: <http://psibook.com/linguistics/leksiko-slovoobrazovatelnoe-gnezdo-s-vershinoy-imenem-somaticeskogo-obekta-freymovoe-ustroystvo.htm> (дата обращения: 23.03.2016).
18. Голев Н.Д. Словообразование vs деривационная лексикология: о диссертации М.А. Осадчего «Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов на материале русских народных говоров» // Актуальные проблемы современного русского словообразования. Кемерово, 2008.
19. Беляева М.Ю. Словообразовательные гнезда собственных имен Кубани: монография. Славянск-на-Кубани, 2011.
20. Беляева М.Ю. Ономастика: элективный курс. Славянск-на-Кубани, 2011.
21. URL: <https://otvetmail.ru/question/83830254> (дата обращения: 23.03.2016).
22. Слова с корнем кот-. URL: <http://forum.vinograd.ru/topic-58019.html> (дата обращения: 23.03.2016).
23. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка: Около 52000 слов. М., 1986.
24. Скарлош С. Кот как код: о чем говорят котики // Русский репортер. 2014. 24 апреля – 15 мая. С. 39-45.

References

1. Tagabileva M.G., Berezutskaya Yu.N. *Slovoobrazovatel'naya razmetka natsional'nogo korpusa russkogo yazyka: zadachi i metody*. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/>

- materials/html/73.htm (accessed 23.03.2016). (In Russian).
2. Tikhonov A.N. *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka: v 2 t.* Moscow, 1985, vol. 1. (In Russian).
 3. Pershina K.V. Naritsatel'naya leksika v onimobrazovanii (slovo "zhuravl"). *Materialy 9 Mezhdunarodnykh Svyatogorskikh onomasticheskikh i 9 Mezhdunarodnykh Mikhaylov-skikh literaturno-onomasticheskikh chteniy "Imya sobstvennoe v zhizni i literature"*. Kiev, 2015, pp. 221-227. (In Russian).
 4. Shevchik A.V. *Kompleksnoe motivologicheskoe issledovanie zoonimov russkogo yazyka.* Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Tomsk, 2011. (In Russian).
 5. Sayfutdinova E.G. Derivatsionnoe razvitie zoonimov v russkom yazyke. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Sovremennaya filologiya"*. Ufa, 2011, pp. 183-187. (In Russian).
 6. Gerashchenko A.M. Sposoby obrazovaniya samtsov, samok i detenyshey v russkom, nemetskom, angliyskom i kitayskom yazykakh. *Aktual'nye problemy sovremennogo russkogo slovoobrazovaniya.* Kemerovo, 2008, pp. 96-100. (In Russian).
 7. Bulgakova O.A., Krasnoborova O.A. Zoofrazeologizmy i zooleksy kak eksplikatory yazykovoy kartiny mira russkogo i kitayskogo yazykov. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 2016, no. 1 (65), pp. 160-166. (In Russian).
 8. Shumilina O.S. Russkaya mysh' ili angliyskaya sobaka (k popytke opisaniya zoomorfno go portreta cheloveka). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: filologiya – Vestnik TVGU. Series: Philology*, 2014, no. 4, pp. 241-247. (In Russian).
 9. Kalitkina E.N. Animalisticheskaya nominatsiya v prostranstve russkoy yazykovoy kartiny mira. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*, 2015, no. 2, pp. 77-81. (In Russian).
 10. Osadchiy M.A. Propozitsional'no-freymovoe modelirovanie gnezda odnokorennykh slov na materiale russkikh narodnykh govorov (materialy AKD). *Aktual'nye problemy sovremennogo russkogo slovoobrazovaniya.* Kemerovo, 2008, pp. 350-364. (In Russian).
 11. Obraztsova M.N. *Kognitivno-diskursivnoe opisaniye gnezda odnokorennykh slov: na materiale pchelovodcheskoy leksiki russkikh narodnykh govorov.* Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Kemerovo, 2013. (In Russian).
 12. Sidorova Yu.E. *Tekstoobrazuyushchiy potentsial zoonimov (na primere kontsepta "kot").* Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Rostov-on-Don, 2011. (In Russian).
 13. Kosyl S. Nazewnictwo kotów w literaturze pięknej na tle zoonimii uzualnej. *Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska.* Lublin, Polonia, 1996–1997, vol. 14-15, cz. 1, pp. 373-387, 1998, vol. 16, cz. 2, pp. 101-113. (In Polish).
 14. Evseeva I.V. *Kognitivnoe modelirovanie slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka: na materiale kompleksnykh edinit.* Avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk. Kemerovo, 2011. (In Russian).
 15. Dudarova L.M. Istoriya izucheniya slovoobrazovatel'nykh gnezd. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*, 2015, no. 1, ch. 1. (In Russian).
 16. Kazak M.Yu. *Integrativnaya teoriya slovoobrazovatel'nogo gnezda: grammaticheskoe modelirovanie; kvantitativnye aspekty; potentsial; prognozirovanie.* Belgorod, 2004. (In Russian).
 17. Evseeva I.V. *Leksiko-slovoobrazovatel'noe gnezdo s vershinoy – imenem somaticheskogo ob"ekta: freymovoe ustroystvo.* Available at: <http://psibook.com/linguistics/leksiko-slovoobrazovatel'noe-gnezdo-s-vershinoy-imenem-somaticheskogo-obekta-freymovoe-ustroystvo.htm> (accessed 23.03.2016). (In Russian).
 18. Golev N.D. Slovoobrazovanie vs derivatsionnaya leksikologiya: o dissertatsii M.A. Osadchego "Propozitsional'no-freymovoe modelirovanie gnezda odnokorennykh slov na materiale russkikh narodnykh govorov". *Aktual'nye problemy sovremennogo russkogo slovoobrazovaniya.* Kemerovo, 2008. (In Russian).
 19. Belyaeva M.Yu. *Slovoobrazovatel'nye gnezda sobstvennykh imen Kubani.* Slavyansk-na-Kubani, 2011. (In Russian).
 20. Belyaeva M.Yu. *Onomastika: elektivnyy kurs.* Slavyansk-na-Kubani, 2011. (In Russian).
 21. Available at: <https://otvetmail.ru/question/83830254> (accessed 23.03.2016).
 22. *Slova s kornem kot-.* Available at: <http://forum.vingrad.ru/topic-58019.html> (accessed 23.03.2016). (In Russian).
 23. Kuznetsova A.I., Efremova T.F. *Slovar' morfem russkogo yazyka: Okolo 52000 slov.* Moscow, 1986. (In Russian).
 24. Skarlosh S. Kot kak kod: o chem govoryat kotiki. *Russkiy reporter*, 2014. April 24 – May 15, pp. 39-45. (In Russian).

Поступила в редакцию 11.04.2016 г.
Received 11 April 2016

UDC 81'373

WORD-FORMING FAMILY WITH TOP CAT AT THE BEGINNING OF XXI CENTURY: FROM THE SYSTEM OF SOFTISH SYSTEMACITY AND... SYSTEM?

Marina Yurevna BELYAEVA, Branch of Kuban State University, Slavyansk-na-Kubani, Krasnodar Krai, Russian Federation, Doctor of Philology, Associate Professor of Russian Language, Literature and Methods of their Teaching Department, e-mail: fliny@mail.ru

Directions and meta-language of derivatography, parameters of family of words and also the perception by language speakers of the objects of nomination are dynamic and interdependent. According to the theory of chaos, changing the order, derivatography has the necessity to get the data from union with softish systemacity (a set of cognate words, results of occasional derivation, proper names) with the aim of searching the system-forming features and the following revealing of the sections with hard systemacity in new word-forming paradigm. The parameters of family of dictionaries of A.N. Tikhonov and extended usual-occasional with the top KOT (cat) are estimated and compared. The correlation of word-formation means of derivative onyms in word-forming family are calculated. The increase of volume of family from 37 to 228 units from change of intentions of derivatives and amount of thematic groups of lexis from involving the animal into anthropomorphous semiosphere, nobilization of cat's image in modern society is proved. The true-chain nature of the family and domination of word-forming pair at the 1st stage of word-formation are placed into the connection with variety and discrete characteristics of socialized animal. The prevailing type of word-forming meanings, insufficient length of chains and the dependence by the top word and also the participation of proper names (phelisonym) is revealed. The direction of animal's image in anthroposphere stimulates the changes of basic parameters of family and budding of sub families (subparadigms) of author's word-forming family.

Key words: word-formation; derivatography; systemacity; word-forming family; zoonym; phelisonym; cat.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-1/-9

МЕЖДУ МИСТЕРИЕЙ И БУФФ: ПОВЕСТЬ М.А. БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА» В СВЕТЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ МОДЕРНИСТСКИХ ЖАНРОВ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

© Владимир Викторович КОЛЧАНОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии и журналистики,
e-mail: Vla-Kolchanov@yandex.ru

Проанализирована поэтика сатирической повести М.А. Булгакова «Роковые яйца». Необходимость такого анализа вызвана сложностью и многозначностью текста произведения, его кодированностью, а также неполным пониманием в науке его театральных основ, синтетических связей с современной драматургией, – ведь для писателя, «архаиста и новатора», связавшего всю жизнь с театром, – любой текст без рампы, сцены и игры не мог существовать. В исследовании предпринята попытка рассмотреть прозаическое произведение в рамках театральные модернистских жанров – символистской «драмы-мистерии» и футуристической «мистерии-буфф». Для этого проводятся параллели с творчеством А.А. Блока, В.Э. Мейерхольда, В.В. Маяковского, называются авангардные деятели искусства и их сочинения, рассматривается обобщающее соборно-драматургическое начало в их наследии – теургия. Особое внимание обращено на специфику булгаковской аллюзии, на сатирические приемы эзерсиса и карикатуры, беглого маркирования и столкновения / вмешивания времен, использования устоявшихся, архаических оборотов в русском языке, а также на явление поддержки скомоходами / комедиантами на Руси черной веры – «народного двоеверия». Этим обусловлен комплексный метод исследования, включающий историко-культурный, мифопоэтический, текстологический и биографический подходы. Их использование помогает по-новому вписать повесть М.А. Булгакова в литературный процесс, проследить путь перерождения «драмы-мистерии» в «мистирию-буфф» в связи с социальными потрясениями и реформами в России первой трети XX в.

Ключевые слова: мистерия; буфф; теургия; символизм; футуризм; эзерсис; М.А. Булгаков; А.А. Блок; В.Э. Мейерхольд; В.В. Маяковский.

Первая треть XX столетия явилась временем бурного расцвета в России модернистских театральные жанров. Анализ повести «Роковые яйца» (1924) логично начать, опираясь на самый ранний из них – символистскую драму-мистирию, родившуюся в религиозно-окультурном пространстве Серебряного века. Повесть оказалась травестией этого литературно-художественного жанра, пародией на поиски символистами обрядового действия на сцене, эзерсисом того, что Вяч.И. Иванов называл «теургическим переходом» – «трансценсом» [1, с. 424], «победой над смертью, положительным утверждением личности, ее воскресением» [2, с. 143], а А.М. Ремизов определял так: 1) «музыка – симфония: устремленность в себя, действие моего я на мое я», 2) «Затем трагедия, стра-

сти: действие Рока на мое я», 3) «действие моего я на Рок» [3, с. 141].

Главный герой повести, гениальный ученый Персиков, действительно впадает в «трансценс» креации, но бессмертия не добивается, воскрешение личности оборачивается медиумическим гипнозом, творение забывается. Он демиург, создатель новой эволюции жизни на земле, и одновременно муж оперной певицы. В личном плане ему противостоит соблазнитель жены – певец, «тенор оперы Зимина», в общественном – трикстер, портящий его творение, роковой музыкант – фальшивый флейтист Рокк (названный однажды Персиковым своим настоящим символистским именем – Роком).

Этот фальшивый музыкант Рокк уже не из серьезной оперы частного оперного театра

С.И. Зимина, в 1917 г. национализированного, а из киношно-ресторанного, шутовского, «известного концертного ансамбля маэстро Петухова, ежевечерно оглашавшего стройными звуками фойе уютного кинематографа» [4, с. 354], – фактически из веселого джаза 1920–1930-х гг., – потому и «прыгает» его вальс из оперы «Евгений Онегин» под «истощный визг» – «как с перебитой ногой». В пародийном плане открывателем музыкальных талантов Рокка мог стать основатель джаза в России, «веселый мим», поэт и переводчик, танцор и хореограф, большой знаток европейского кинематографа В.Я. Парнах. На черты этого авангардного деятеля указывают такие важные детали, как фонетическая созвучность фамилий Парнаха и Петухова, первое выступление Парнаха с танцем под названием «Чудесная домашняя птица» (Париж, 10 июня 1921), работа ансамбля «Джаз-Банд» В.Я. Парнаха в Москве в кинотеатре «Малая Дмитровка», открытого в 1923 г. (ныне – здание театра Ленкома) [5].

Любопытно, что непосредственное отношение к прототипу «маэстро Петухова» и всей повести в целом имел поэт-теург А.А. Блок. Именно А.А. Блок благословил на поэтическую деятельность В.Я. Парнаха и именно блоковские главные творения лежат в теургической структуре повествования, с которыми, как сейчас увидим, М.А. Булгаков повел диалог, от традиции в русле одной эстетической системы до постсимволистского экзерсиса – гротеска с элементами озорства и буйства [5]. Поэтому вернемся к персонажу Рокку и символистскому Року, основной силе «теургического перехода».

Булгаковский Рокк имеет конкретного предшественника из блоковского творчества – Шута из драмы А.А. Блока «Король на площади». Как и роль Рокка, роль блоковского Шута в пьесе «надмирна»: «он приходит ниоткуда <...> и уходит в никуда» [6, с. 18]. У А.А. Блока Шут является «из моря», у М.А. Булгакова Рокк – из людского моря («людской каши»), у А.А. Блока Шут уходит «в эмиграцию», у М.А. Булгакова Рокк делает дугу – пробирается сперва к станции Дугино на железную дорогу, а потом исчезает на курьерском поезде. Как и Шут А.А. Блока, «находясь в гуще людей и событий», лишен «всяких связей, как бы заброшен сюда из другого мира» [6, с. 18], так и Рокк закинут в

1928 г. из эпохи Гражданской войны. Шут, переодевшись в одежду священнослужителя, изрекает страшные слова библейских пророчеств [6, с. 23]; Рокк повторяет «позу библейского пророка».

Оба героя наделены схожими атрибутами, свойствами и определены схожими действиями. Шут отмечает свой приход закидыванием рыболовной удочки в музыкальный оркестр, Рокк начинает карьеру с музыкальной дудочки – флейты в ансамбле Петухова. Концерт оркестра у А.А. Блока заканчивается общим безумием: «море захлестнет безумцев», – пророчествует Шут. У М.А. Булгакова Рокк прикидывается «душевнобольным» перед агентами Государственного политического управления (ГПУ), как бы передавая в последней главе свое безумие и панику «обезумевшим людям» и «панике сумасшедших». Шут в конце пьесы сворачивает свою удочку, агент Щукин в повести с «почти цирковой силой» разжимает на флейте пальцы Рокка. Как и у Шута, имеющего удочку и «небольшой узелок», в котором хранится «лишь самое необходимое» [6, с. 18], так и у Рокка имеется самое необходимое – спасительная флейта и «губительный маузер» в «желтой кобуре».

Заканчивается пьеса А.А. Блока разрушением «разъяренной толпой» дворца, погребением под его обломками Короля, гибелью влюбленных Дочери Зодчего и Поэта (в реальных координатах – Первой русской революцией). У М.А. Булгакова явившийся в Россию «суккин сын», «антихрист» и «д...д...д...» Рокк сначала опускается в пучину «великого 1917 года», а затем заканчивает свое «второе пришествие» в 1928 г. смертью влюбленных Дуни-уборщицы и рыжеусого шофера, разрушением «Дворца-совхоза» и сжиганием старого здания зооинститута вместе с его хозяином. Заключительный акт «драмы теурга» А.А. Блока кладет еще один штрих на повесть М.А. Булгакова. Прославление Бога, свободы духа и торжества извечной природы в словах Зодчего из пьесы «Король на площади» оборачивается в «Роковых яйцах» возведением потешной темницы – «зоологического дворца». «Свобода и темница в художественном мире романтизма» оказываются в диалоге двух художников на редкость уравновешенными, мистерия свершается.

Еще один литературный шедевр А.А. Блока – поэма «Двенадцать» – также лежит в теургической плоскости «Роковых яиц». Двенадцатичастное строение обоих произведений заканчивается теургической эпифанией (греч.: богоявлением). Финал поэмы «Двенадцать» составляет неожиданное явление Христа, выпадающее на утренние часы Крещения, или христианского Богоявления (о чем говорит в 1 главе потрепанный «плакат: // «Вся власть Учредительному Собранию!», которое, как известно, было разогнано в пятом часу утра 19 января 1918 г. по новому стилю). Финал «Роковых яиц» составляет неожиданное, «неслыханное, никем из старожилов никогда еще не отмеченное» явление «Морозного бога на машине» в «ночь с 19-го на 20-е августа 1928 г.», т. е. в исход дня народного праздника Яблочного Спаса. Пантомимный, ни слова ни изрекший, «Морозный бог на машине» (античный сценический бог Deus ex machine «Бог из машины»), призван спасти погружающуюся в змеино-крокодиловую «грязюку» человечество. На новое богоявление в повести, как в 1 главе «Двенадцати», намекает и надпись, плакатно-модернистски выставленная автором в тексте среди безвестных плакатов об осадном положении в «Главе 11. Бой и смерть». Множась и маневрируя, она воссоздает ассоциативный центр – самую грандиозную картину Третьяковской галереи, ставшую ее брендом – «Явление Христа народу» А.А. Иванова: «все вокзалы, ведущие на север и на восток, были оцеплены густейшим слоем пехоты, и громадные грузовики, колыша и брэнча цепями, доверху нагруженные ящиками, поверх которых сидели армейцы в остроконечных шлемах, ошетилившиеся во все стороны штыками, увозили запасы золотых монет из подвалов народного комиссариата финансов и громадные ящики с надписью: «Осторожно. Третьяковская галерея» [4, с. 372].

Литературный источник теургической эпифании охватывает и другие детали повести. Христос в «белом венчике из роз» появляется «в очах» «двенадцати» «надвьюжно», в черном небе, освещенном вспышками выстрелов, переходя в хорошо известное личное видение А.А. Блока, отмеченное им в заметке для иллюстратора поэмы Ю.П. Анненкова: «Самое конкретное, что могу ска-

зать о Христе: белое пятно впереди, белое как снег, и оно маячит впереди, полумерещится – неотвязно; и там же бьется красный флаг, тоже маячит в темноте. Все это – досадует, влечет, дразнит, уводит вперед за пятном, которое убегает» [7, т. 3, с. 629].

М.А. Булгаков же обыгрывает этот соборный акт. Видение у писателя-постсимволиста множится через очи жителей Москвы, «в густой черноте августа», в небе, искрещенном военными прожекторами: «В квартирах что-то выкрикивали, и поминутно искаженные лица выглядывали в окна во всех этажах, устремляя взор в небо, во всех направлениях **изрезанное прожекторами. На небе то и дело вспыхивали белые огни, отбрасывая летающие белые конусы** на Москву, и исчезали и гасли <...> В квартирах роняли и били посуду и **цветочные вазоны**, бегали, задевали за углы, **разматывали и сматывали** какие-то узлы и чемоданы, в тщетной надежде пробраться на Каланчевскую площадь (выделено мною. – В. К.)» [4, с. 371-372].

Из поэмы-мистерии А.А. Блока «Двенадцать» пришла, по всей видимости, к М.А. Булгакову и аллегория очередной социальной истерии в России, – образ волка-оборотня, луперка, превращающегося на время в собаку и нагнетающего приход «незримого» «лютого врага» – дьявола. Образ как нельзя лучше выдает родственность «врага» по внешнему виду:

...Скалит зубы – волк голодный –
Хвост поджал – не отстает –
Пес холодный, пес безродный...
– Эй, откликнись, кто идет? [8]

Уходящая в средневековые христианские легенды народная вера, согласно которой считалось, что собака становится матерью антихриста в «последние времена», объясняет в поэме поведение волкопса: он не нападающий, а охраняющий и защищающий, пока «сукин сын» «антихрист» родился и растет в мире людей, но еще не явился в своем настоящем облике. Блоковский пес, как и следует из его чувства сохранения «сына», легко может менять хозяина и семью, в которой приживается – от буржуа пристаёт к красногвардейцам, и только в вышеприведенном фрагменте показывает свой волчий облик.

М.А. Булгаков идет дальше. Точнее, он как бы разбивает тему, модернистски расширяет легендарный антихристианский акт. На всем протяжении 11 главы разыгрывается настоящая песоволчья фантазмагория, отмечающая ожидание явления народу лжемиссии в своем настоящем образе – холодного «Морозного бога на машине». Колонна «двенадцати» из поэмы А.А. Блока превращается в «змею черной громады», стихия «разыгравшейся <...> вьюги» – в стихию толпы, одержимой повадками и инстинктами стаи. Практически вся глава – расширение темы прихода волчье-песьего бога. Она настолько проклеена волчье-собачьими маркерами, что занимает пятую часть своего объема. Попробую реконструировать текст на данный предмет путем максимального редуцирования, выделив «беглым шагом» фрагменты, из которых складывается сцена ночного разгула волков в селении людей и для пояснения вставлю произвольно несколько слов, заключив их в скобки и предоставив читателю возможность сделать нечто похожее. (Тем более, что сравнение главного героя с волком имеется ранее: «И точно: мимо храма Христа, по Волхонке (читай: Волконке. – В. К.), проскочил зыбкий автомобиль, и в нем барахтался профессор, и физиономия у него была, как у затравленного волка») [4, с. 326]:

«Пылала бешеная... ночь... не спал ни один человек... страшно было на Тверской-Ямской... вспыхивала трескучая тревожная стрельба... выли все... не могли остановить воющей ночи... были оцеплены... (псы), колыша и брэнча цепями... в остроконечных (намордниках), ошетилившиеся во все стороны шт(кл)ыками... рывкали и бегали по всей (округе)... дрожал(и)... колыша густую (шерсть)... сметая все встречное, что жалось в (кусты или подворотни)... (кочья) мотались концами на серых спинах, и кончики (хвостов) кололи небо... (Стая), мечущаяся и воющая, как будто ожила сразу, увидав ломящиеся вперед, раскающие расплеснутое варево безумия... начали призывно, с надеждою, выть... кричали иступленн(о)... Задавят!! Давят!.. – выли где-то... выскакивали... рискуя костями, плелись с боков, цеплялись... взмывали голоса... ползли... наглухо закрытые и светящиеся узенькими бойницами... (на) лапах... зашитые наглухо в серую (шкуру)... белыми нарисованными черепами... завывали... – Мать... мать... прыгали в освещенном ночном воздухе, и белые зубы скалились на ошалевших людей... (стая) завывала... на Вол(к)онке... все сбивалось... лес... во всех сырых оврагах... жерт-

вы человеческие... металось разрозненными группами на свой страх и риск, кидаясь куда глаза глядят... стаями... неожиданным нападением... (вожак) смотрел остекленевшими глазами... вдруг слышались ненавистные звонкие крики... (волчица) вскочила и взвизгнула... замелькали огни фонарей и отозвался голос (человека)... (вожак) плохо воспринял этот шум. Он поднял на мгновение голову... и вновь впал в оцепенение. Но оно было нарушено. Страшно загремели (выстрелы)... затряслись (волки)... Зазвенело и высыпалось стекло... серый... прыгнул... шарахнулись... и подняли вопль. Заметалась, завизжала... бросилась к... хватая его... Тот поднялся выпрямился и... глаза его на миг приобрели прежний остренький блеск... мечутся, как сумасшедшие... издали донеслись хлопучески выстрелов... потом весь (лес)... заполнился бегом, выкриками, боем... вцепилась... и начала его тащить куда-то, но он отбил от нее, вытянулся во весь рост... напирала яростная (стая)... бросился бежать... визг... проскочил мимо... исчез во тьме... вылетали... завывая:

– Бей его! Убивай...

Искаженные... разорванные... запрыгали... и кто-то выстрелил. Замелькали палки... немного отступил назад... дикие звери... Завыл... гони... с разбитой головой, истоптанный и рваный в клочья, лежал недвижимо... рвались мимо него, не обращая внимания на стрельбу... в разорванном... разорванной... сбившейся на сторону, опередил других, дорвался до... и страшным ударом... раскроил ему голову... убили и растерзали... разнесли в клочья, в клочья разнесли перебив и истоптав... раздробили... валялись трупы, оцепленные шеренгою... длинно выбивалось пламя» [4, с. 371-376].

В заключение редуцирования следует отметить, что такое ожидание явлением бога как раз и заканчивается: называние последней «Главы 12. Морозный бог на машине» знаменует восстание его из пламени.

В аллегорическом, мистико-культурном наследии еще не остывшей от «пожарищ <...> преисподнего огня» уходящей символистской эпохи такое называние не стремилось к узнаванию, символ не тяготел к метафоре, в мимикрии не нуждающейся, скорее, называние еще больше кодировало, до максимума сжимало, символизировало социально-общественный процесс, боясь быть узнаваемым.

Поэтому приведу еще теургические параллели, связанные с неожиданно возникшим в повести идолом – «Морозным богом на машине». Они видятся не столько календарно, сколько трафаретно, согласно трем

специфическим явлениям из разных областей культуры и искусства: модернистскому приему столкновения / вмешивания времен в «театре взбесившейся действительности» (как можно назвать этот авангардный трюк, используемый в 1920-е гг. В.Э. Мейерхольдом и футуристами), фольклорному приему использования устоявшихся, архаических оборотов в русском языке и балаганно-скоморошьей поддержке в русском народе старой языческой веры, окрещенной этнографами словосочетанием «народное двоеверие».

Прием 1. Е.А. Яблоков, исследовавший прием столкновения / вмешивания времен в «Роковых яйцах» мифопоэтическим методом, называл его «приемом контаминации, когда в «сферу действия» одного праздника непредсказуемо вмешиваются функции другого (Никола Зимний – Преображение)» [9, с. 61]. «Как и в повести «Роковые яйца», – писал он о схожей ситуации в другой булгаковской мистере, – «русский бог» в пьесе «Батум» оказывается спасителем земли русской: он не только сохраняет жизнь будущему «отцу народов», но и укрепляет его здоровье. Характерно, что среди многочисленных вариантов названия пьесы встречается и такой: «Вставший из снега» <...> Здесь уместно вспомнить о фольклорном образе Св. Николая – «Деда Мороза» – как покровителя волков» [9, с. 76].

Утверждение верное, хотя и неполное – атмосфера «непредсказуемого вмешивания» «функции другого» «праздника» – безумного веселья с печатью ужаса на лице – не учитывающее. В современную М.А. Булгакову эпоху атмосфера «вмешивания» демонстрировалась футуристами, режиссерским мэтром которых выступал В.Э. Мейерхольд. Мейерхольд настойчиво звал Булгакова ставить его пьесы, но Булгаков неизменно отказывался, – «сохранял позу» [10, с. 24, 55, 674].

К футуристам и мейерхольдовским постановкам, как считает составитель булгаковской энциклопедии Б.В. Соколов, М.А. Булгаков вообще относился отрицательно, – и эта точка зрения, думаю, не совсем верно отражает действительность [11, с. 674]. Исследователь не учел ироничного отношения писателя к экстравагантным выходкам футуристов, а так же мнений М.С. Петровского, отмечавшего стремление М.А. Булгакова к «зеркальному двойничеству», к «диалогу», и

Е.А. Яблокова – «к сотрудничеству», «ревнивое соперничество» [10, с. 6-7; 39].

Особенно важно отметить следующее. Кульминация футуристических драм – буффонадное «остолбенение» и столпотворение, с громом и «иллюминацией», вызывавшиеся сшибкой времен, неожиданным вмешиванием функций одного времени в функции другого, не могла не привлечь внимания автора «Роковых яиц». Достаточно вспомнить нашумевшие пьесы-феерии В.В. Маяковского «Клоп» (1929) и «Баня» (1930), результат «тесного содружества... В.В. Маяковского и В.Э. Мейерхольда» не только в части постановки, но и совместной работы над текстом, чтобы убедиться в схожести модернистских приемов отражения реальности во всех трех произведениях [12, с. 663, 674].

В 5 главе феерической комедии «Клоп» в советский праздник «День народных выборов» пародированно «вмешиваются» сразу два «праздника»: христианские праздники Пасхи и Богоявления. Зоя Березкина работает в 1979 г. ассистентом в «институте человеческих воскрешений». Включая медицинский аппарат – «ящик человеческих размеров», потрясший «затхлые матрацы времени», она «воскрешает» вымершее насекомое клопа вместе с его хозяином, человеком-клопом Присыпкиным / Пьером Скрипкиным. Через некоторое время он и является народу в зоологическом саду в «сияющем венчике» из открыток, под туш оркестра, с гитарой, «страдающей» и напуская «ужас». «Шум и освещение ввергают его в состояние галлюцинации», – говорится о скрипкинском насекомом-двойнике в финале.

В пьесе «Баня. Драма в 6 действиях с цирком и фейерверком» случается нечто похожее. В торжественное открытие съезда Советов (III действие, репетиция групповой пантомимы «Восстание рабочих масс») «вмешиваются» богородичные «функции». Другой «аппарат» – «невидимая машина времени» изобретателя-рабочего Чудакова – являет народу новое социально-общественное чудо – «материализует» в «адовом пламени» с «грохотом, взрывом, выстрелом», из «коммунистического далека» «делегатку» с «мандатом» – Фосфорическую женщину. Фосфорическая женщина работает в 2030 г. в «институте истории рождения коммунизма».

Практически то же происходит и в 11 главе повести М.А. Булгакова перед явлением «Морозного бога на машине». «Толпа», беснующаяся в квартирах и на улицах столицы под лязг ползущих танков, «вой паровозов» и «рвяканье» машин, «бесперывное цоканье копыт» «конной громады», напоминают шумовые, акустические эффекты в Театре им. В.Э. Мейерхольда; свет военных прожекторов – театральные рампы, направленные на просцениум; «неожиданное» действие «Морозного бога на машине» – замораживание пожарными провалившегося в погреб Присыпкина или скоростное («скорость – секунда – год») передвижение с последующим «охлаждением» Фосфорической женщины со «станции 2030 г.» и возвращение ее назад «поездом времени».

В связи с ценными наблюдениями Е.А. Яблокова по поводу «Роковых яиц» и «Батума» необходимо отметить, что Фосфорическая женщина на «поезде времени» также имеет устойчивые коннотации с фольклорным образом «Деда Мороза на санях» и булгаковским «Морозным богом на машине». Фольклорный «Дед Мороз» имеет внучку Снегурочку. Она, как и Фосфорическая женщина, холодная, белая и сверкающая, как вспыхивающий фосфор, и наряду с лесными зверями составляет свиту в снежном «поезде» «Деда». В обратном отношении Фосфорическая женщина похожа на Снегурочку тем, что отбирает в коммунистическое будущее только «тех, кто сохранится в ста годах» – т. е. по подобию своего «Деда»; она «останавливается» на «станциях» (планируется следующая «станция 1934 г.»), лексическое значение которых поэт в 1930 г. мог символически кодировать и предоставлять посвященному читателю и зрителю на выбор как одно из трех: машинно-тракторная станция (МТС), электростанция и северная полярная станция. Последнее представляется наиболее вероятным, т. к. сближается с ареалом обитания снежной пары (реальные проекты создания северных научных станций стали появляться в 1929 г.) [13]. В пьесе практически указано даже место постоянного проживания Фосфорической женщины – оно, как и у Снегурочки, «фридландского порядка» – т. е. вновь кодируется и выбирается как одно из трех: Курляндия, Финляндия, Лапландия. Последняя считается родиной Деда Мороза и Сне-

гурочки. Таким образом, если у В.В. Маяковского герои пытаются осуществить «поездку в столетнюю служебную командировку» в сказочное «Царство Деда Мороза», то у М.А. Булгакова это Царство неожиданно приезжает само. Ледниковый период после знойного нэпмановского, намекает писатель, – не «за долами», не «за горами» и не «за дремучими лесами».

Безусловно, не думается, что М.А. Булгаков смог позаимствовать подобный прием из драм, написанных через пять лет после создания повести, хотя некоторые детали настораживают: или вводят «Роковые яйца» в число литературных источников «Клопа» и «Бани», или подвергают сомнению время написания «Роковых яиц». Я раскрою методом редуцирования с частичной реконструкцией текста (как это делал выше) прием маркирования сочинения предшественника, для чего сравню 5 главу «Клопа. Феерической комедии» и 6 главу «Роковых яиц» («прокапывающих» псевдовыборы, внутривластную борьбу и курс на коллективизацию и индустриализацию) и предоставлю читателю возможность самому сделать выводы:

«Клоп»:

«Огромный до потолка зал заседаний, вздымающийся **амфитеатром**. Вместо людских голосов – **радиораструбы**, рядом несколько висящих рук по образцу высывающихся **из автомобилей**. Над каждым раструбом цветные электрические лампы, под самым потолком **экран**, посредине трибуна с микрофоном. По бокам трибуны распределители и регуляторы голосов и света. **Д в а м е х а н и к а** – старый и молодой – возьмется в темной аудитории.

С т а р ы й (сдувая разлохмаченной щеткой **из перьев** пыль с раструбов): Сегодня важное голосование. Смажь маслом и проверь голосовательный аппарат земледельческих **районов**. Последний раз была заминка. Голосовали со скрипом.

М о л о д о й: Земледельческие! Хорошо! Центральные смажу. Протру замшей горло смоленским аппаратам. На прошлой неделе опять похрипывали. Надо подвинтить руки служебным штатам столиц, а то у них какой-то уклончик: правая за левую цепляется.<...>

О р а т о р: Включить одновременно все районы федерации!

С т а р ш и й и м л а д ш и й: Есть!

Одновременно загораются все красные, зеленые и синие лампочки аудитории.

О р а т о р: Алло! Алло! Говорит председатель института человеческих воскрешений. Вопрос опубликован телеграммами, обсужден, прост и ясен. На перекрестке 62-й улицы и 17-го проспекта бывшего Тамбова **прорывающая фундамент бригада на глубине семи метров обнаружила засыпанный землей обледеневший погреб. Сквозь лед феномена просвечивает замороженная человеческая фигура.** Институт считает возможным воскрешение индивидуума, замерзшего пятьдесят лет назад. <...>

Лампы тушатся, пронзительный звонок, **на экране загорается резолюция**, повторяемая оратором.<...>

Собрание федерации приняло: «Вос-кре-сить!»

Рев всех раструбов: «Ура!!!» Голоса молкнут.

Заседание закрыто!

Из двух распахнувшихся дверей врываются р е п о р т е р ы. Оратор прорывается, бросая радостно во все стороны.

Воскресить! Воскресить!! Воскресить!!!

Репортеры вытаскивают из карманов микрофоны, на ходу крича:

<...> Воскресить! <...>

Газетчики врываются с готовыми оттисками.

1-й г а з е т ч и к: Разморозить
или не разморозить?
Передовицы
в стихах и прозе!

2-й г а з е т ч и к: Всемирная анкета
по важнейшей теме –
О возможности заноса
подхалимских **эпидемий**

3-й г а з е т ч и к: Статьи про древние
гитары и романсы
и прочие
способы
одурачивания массы!

4-й г а з е т ч и к: Последние новости!!! Интервью! Интервью!

5-й г а з е т ч и к: Последнее радио!

6-й г а з е т ч и к: Теоретическая постановка
исторического вопроса:
может ли
слона
убить папироса!

7-й г а з е т ч и к: Грустно до слез,
смешно до колик:
объяснение
слова «алкоголик»!

(выделено мною. – В. К.)» [12, с. 244-249]

«Роковые яйца»:

«Она светилась, огни танцевали, гасли и вспыхивали. На театральной площади(ке) вертелись белые фонари... зеленые огни... над десятым надстроеным на него этажом, прыгала электрическая разноцветная женщина, выбрасывая по буквам разноцветные слова: «Рабочий кредит»... над Большим театром гигантский рупор завывал: – Антикуриные прививки... в институте (человеческих воскрешений) дали блестящие результаты... Затем рупор менял тембр, что-то рычало в нем, над театром вспыхивала и угасала зеленая струя, и рупор жаловался басом: – Образована чрезвычайная комиссия по борьбе с куриной чумой в составе наркомздрава, наркомзема, заведующего животноводством товарища Птахи... профессор(а)... и товарища (Березкиной)!.. хохотал и плакал как шакал, рупор, – в связи с куриной чумой! Театральный проезд... пылали белыми и фиолетовыми полосами, брызгали лучами, выли сигналами, клубились пылью. Толпы народа теснились у стен... освещенных резкими красными рефлекторами... в районные отделения... На крыше... на экране грудой до самого неба лежали куры, и зеленоватые пожарные, дробясь и искрясь, из шлангов поливали их... красные волны ходили по экрану, неживой дым распухал и мотался ключьями, полз струей, выскакивала огненная надпись... проносились шипящие машины... По распоряжению... Получены свежие... на убивающей глаза своим пронзительным светом эстраде куплетисты Шрамс и Карманчиков (каламбур: срам шарманщиков) пели куплеты... и грохотали... Театр покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году при постановке... когда обрушились трапедии с голыми... выбросил движущуюся разных цветов электрическую вывеску, возвещавшую пьесу писателя Эрендорга «Курий дох» в постановке ученика Мейерхольда, заслуженного режиссера республики Кухтермана.... газетчики рычали и выли... – Кошмарная находка в подземелье!.. Кошмарные опыты... смеялся цирк так, что в жилах стыла радостно и тоскливо кровь... пронзительно кричали клоуны... белая лошадь выносила на себе чудной красоты женщину, на стройных ногах, в... трико» [4, с. 335-338].

Есть в «выделенных» нами «местах» из художественно-сатирической «переписки» между «друзьями» и особое место. Как видно из двух приведенных фрагментов, началу реализации «опытов» Персикова и Чудакова

и соответственно явлению богов предшествует «находка»: «замороженная человеческая фигура» «в обледеневшем погребе» («Клоп») и «кошмарная находка в подzemелье» («Роковые яйца»). Клоп на теле Скрипкина и «Морозный бог на машине», имели, видимо, одно место происхождения.

Отыскать его помогает уже не «драма-мистерия», а новый синтетический жанр «лиро-эпос», активно заявивший о себе после Октября. Поэтому отвлекусь на некоторое время от сравнения произведений В.Э. Мейерхольда, В.В. Маяковского и М.А. Булгакова и взгляну на один очень известный и очень необычный в культурном плане текст. Автором его является поэт из ближайшего окружения В.В. Маяковского, В.Э. Мейерхольда и М.А. Булгакова – О.Э. Мандельштам, отдавший большую художественную дань мистерии в первые два периода своего творчества. Обнародование места нахождения этого подземелья в 1930-е гг. эпическими средствами стоило ему жизни. СобираТЕЛЬный, хрестоматийный документ эпохи – стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933) – объединил, по моему мнению, и адского Шута А.А. Блока, и «упавшего» «Морозного бога на машине» М.А. Булгакова, и провалившегося в погреб «клопа» Маяковского–Мейерхольда, и... нартовского кузнеца-демиурга, спустившегося с гор:

«Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,

А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,

Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей,

Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,

Как подковы, кует за указом указ –
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.

Что ни казнь у него, то малина,
И широкая грудь осетина» [14].

А.А. Блок, М.А. Булгаков, В.Э. Мейерхольд и В.В. Маяковский говорили на народном символическом языке, – языке русских скоморохов, «дедов-зазывал» площадных балаганов, офеней, клоунов, и, в отличие от О.Э. Мандельштама, по театральной традиции «надевали маски» или артистически «делали позу». Последний выступил политически открыто и сатирически неожиданно: пробив балаганом «брешь в мертвой материи», «победы над смертью» не представил, – казнь и «трансценс», «положительное утверждение личности» обратил в воровскую «малину», а сам демиург сошел за «осетина» – самого древнего национального представителя эпического кавказского племени нартов. В стихотворении возобладали не условности символистской драмы-мистерии, персонажи которой в прототипическом узнавании не нуждаются, а компоненты «лиро-эпоса», народной драмы на фольклорно-архаический сюжет литературы народов СССР. Этот смелый, мужественный гражданский акт и тайный художественный прием позволил О.Э. Мандельштаму, на мой взгляд, встать рядом со своими гениальными современниками.

Но вернемся к театральным играм с повестью М.А. Булгакова. Текст 6 редуцированной главы «Роковых яиц» и всей повести в целом также имеет признаки маркированности во второй пьесе Мейерхольда–Маяковского – «Бани. Драмы в шести действиях с цирком и фейерверком». Мечта помощника Чудакова Велосипедкина построить с помощью «машины времени» «станцию» для «куриных инкубаторов», где из «сереньких цыплят» он «будет возвращать полупудовую курицу», восходит к разведению в «камерах» змей и страусов, триумф режиссерско-драматургического дуэта 1929–1930 гг. оборачивается смертью первого и двойной трансверсией театральной деятельности второго: «Театр покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 г. при постановке <...>, когда обрушились трапедии <...>, выбросил движущуюся разных цветов электрическую вывеску, возвещавшую пьесу писателя Эрндорга «Курийдох» в постановке ученика В.Э. Мейерхольда, заслуженного режиссера республики Кухтермана» [4, с. 337].

Появление у «распределителя кредитов» Победоносикова на «нижней площадке» верхнего этажа «фейерверочного огня» и «светящейся женщины со свитком в светящихся буквах» очень напоминает фразу: «над десятым надстроенным на него этажом, прыгала электрическая разноцветная женщина, выбрасывая по буквам разноцветные слова: «Рабочий кредит» [4, с. 336]. И, наконец, появление в «Бане. Дrame с цирком и фейерверком» из «невидимой машины» «времени» Фосфорической женщины ассоциируется с заключительными словами редуцированной главы повести: «...пронзительно кричали клоуны... белая лошадь выносила на себе чудной красоты женщину, на стройных ногах, в... трико».

В каждой из пьес Мейерхольда–Маяковского есть и прямая отсылка к автору «Роковых яиц» на буффонном языке. В 6 главе «Клопа» фамилия Булгакова неожиданно всплывает в свете ключевого слова «буза» (показная ссора, драка клоунской пары в цирке, шуточная потасовка), – и она же стоит в одном ассоциативном ряду главной темы сатириков «бюрократизм» и художественных средств ее выражения:

«З о я Б е р е з к и н а: Товарищ! Товарищ профессор, прошу вас, не делайте этого эксперимента. Товарищ профессор, опять пойдет буза...

П р о ф е с с о р: Товарищ Березкина, вы стали жить воспоминаниями и заговорили непонятным языком. Сплошной словарь умерших слов. Что такое «буза»? (*Ищет в словаре.*) Буза... Буза... Буза... Бюрократизм, богоискательство, бублики, богема, Булгаков... Буза – это род деятельности людей, которые мешали всякому роду деятельности...» [12, с. 250].

В 3 главе «Бани» реминисценция «Дядя Турбина» работает в тексте схожим образом: воссоздает устраиваемую клоунами словесную перепалку:

«П о б е д о н о с и к о в: ...будоражите, что ли, ответственных работников. Это не для масс, и рабочие и крестьяне этого не поймут, и хорошо, что не поймут, и объяснять им этого не надо. Что вы из нас каких-то действующих лиц делаете? Мы хотим быть бездейственными... как они называются? – зрителями. Не-еет! В следующий раз я пойду в другой театр!

И в а н И в а н о в и ч: Да, да, да! Вы видали «Вишневую квадратуру»? А я был на «Дяде Турбиных». Удивительно интересно!» [12, с. 317].

Реплика Ивана Ивановича здесь не только «шутливая контаминация названий спектаклей... «Вишневый сад» и «Дядя Ваня» А.П. Чехова, «Квадратура круга» В.П. Катаева, «Дни Турбиных» М.А. Булгакова» [10, с. 541], – но и язык арго, буффонный каламбур, цирковая инвектива.

Прием 2. Фольклорный прием устойчивых сочетаний. В русском фольклоре слово «лютый» – практически исключение из правил, и, как всякое исключение, нарушает принцип однозначности. Если «красной» всегда называлась девица, «алой» зорька, «ясным» месяц, «острой» сабля, «добрым» молодец, то «лютым» мог быть как «волк (зверь)», так и «мороз». Значение слова «лютый», таким образом, приобретает взаимозаменяемую функцию и может вполне мимикрировать в значение «Волчий бог на машине». Указывает на него и столкновение / вмешивание времен года в повести, объясняющееся состоянием «остервеневшей» Москвы.

Прием 3. Фольклорно-скомороший прием. Если 19 августа в 12 главе, когда приезжает «Морозный бог на машине», отмечаем в народном календаре как приход Яблочного Спаса, то 11 глава, рисующая разгул волчьей стаи в ночном городе, когда ночью «волки пасутся» и отворяют нечистым духам люки ада, приходится в народном календаре на «святки», когда, подстрекаемые скоморохами, «навечери Рождества Христова и Васильева дни и Богоявления Господня клички бесовские кличут и коледу, и таусен, и плугу» [15, с. 176]. Человек советской формации, отпавший от многовековой народно-крестьянской мудрости – фольклора – ни устойчивых сочетаний русского языка, их переходящих смыслов, ни «народного двоеверия», поддерживающегося игрой скоморохов на улицах и площадях дореволюционного города, безусловно, в тексте не видел, и этим вполне может объясняться триумфальное шествие «Роковых яиц» в СССР в 1920 гг. Повествовательный оборот в 12 главе «мороз спас» 19 августа (в Яблочный Спас) и мифический «выпас» волков, вызовы скоморохами «беса» «плуги» с «навечери» крещенского Спаса (19 января уже по новому, советскому

стилю) – партийным руководством, критикой и новыми пролетарскими массами не идентифицировались.

Очень интересными в этом отношении представляются наблюдения Е.А. Яблокова, подробно проанализировавшего «волчьи» мотивы в произведениях писателя. М.А. Булгаков, отмечал исследователь, в письме к Сталину 30 мая 1931 г. с волком сравнивал себя, а в пьесе «Батум» (1939) (ставшей роковой в их личных отношениях) под волком, способном к «оборотничеству» и мимикрии, вывел самого вождя [9, с. 76]. Поэтому не будет преувеличением сказать, что постсимболистский дискурс «Роковых яиц» смог закодировать реального «врага» народа, оборотня, объявившего «врагами народа» других. Призрачный и туманный «Иисус Христос», единожды возникнувший в видении мистагога А.А. Блока, перед входом в театр футуристов получал конкретное воплощение его «второго пришествия» у прозаика-мистификатора в «Роковых яйцах».

Редуцирование 11 главы, приводимое выше, помогает увидеть не только календарное время «древнего ужаса», но и воссоздать реальную историческую опасность «неожиданных нападений» волчьих стай. Именно в годы народных бедствий, эпидемий и войн волки забредали в деревни и города. Участь «остервеневшей Москвы» в старину, «запирающей» «все окна, все двери» [4, с. 377] от ночного выпаса волков на период сильных морозов или снегопадов, повторяли в XX в. другие русские города в периоды революций, Гражданской и даже Великой Отечественной войн.

Из мистерии-фантазмагии и забористой буффонады 11 главу повести можно перевести и в такой экзерсис: гротеск с элементами улично-заборного озорства и карикатуры. В данном случае приведем исконный текст полностью, – он небольшой по объему и более наглядно показывает булгаковский метод шифровки:

«**громadные** грузовики (читай: **псы**. – *В. К.*), **колыша** и **бренча** цепями, доверху нагруженные ящиками (читай: **будками**), поверх которых **сидели** армейцы в **остроконечных** шлемах (читай: **намордниках**), **ощетинившиеся** во все стороны штыками (читай: **клыками**), увозили запасы золотых монет из подвалов народного комиссариата финансов и **громadные** ящики (читай: **ворота**. –

В. К.) с **надписью**: «Осторожно. Третьяковская галерея» (читай: «**Осторожно. Злая собака**»). Машины (читай: **псы**) **рвкали** и **бегали** по всей Москве (выделено мной. – *В. К.*)»

или

«громadные (псы), колыша и бренча цепями... (буд)ками, ...сидели... в остроконечных (намордниках), ощетинившиеся во все стороны (клыками)... громadные (ворота) с надписью: («Осторожно. Злая собака»)... (псы) рвкали и бегали по всей Москве» [4, с. 372].

В таком реконструированном виде советская действительность может восприниматься как панорама известного своими башенками ворот и злыми собаками купеческого Замоскворечья. На Замоскворечье указывает и Третьяковская галерея, своеобразно отмеченная в тексте. Она была открыта там в границах 1867 г. [16]. Если это действительно так, то мифической собакой в историко-политических координатах могло стать, пожалуй, самое зловещее лицо из сталинского окружения – Розалия Самойловна Землячка (1876–1947) по партийной кличке Демон. Получившая самую печальную известность в Крыму после освобождения его от войск Врангеля, она вновь прославилась своей жестокостью и злобой на посту секретаря Замоскворецкого райкома партии в Москве. Раскупечивание центрального московского района произошло в предельно сжатые сроки: 1922–1923 гг. «Вождь народов» ее «подвигов» не забыл. Все его годы пребывания у власти она занимала самые высокие правительственные посты, а для писателя оставалась реальной землячкой – выходцем с города Киева.

Как бы то ни было в реальности, но главной составляющей булгаковского текста стал площадной народный балаган, принявший форму цирка. Злостная сатира на советский строй, скрытая карикатура на «великие переломы» внутренней и внешней политики, пародия на марксистов-реформаторов, дураков-материалистов и одурачиваемые ими массы, – все впитал булгаковский буфф в 6 главе «Роковых яиц». Балаганно-цирковые бесы, актеры-дураки, арлекины, кривляясь, «грохоча», «дробясь и искрясь», «выносили» стране потешные видения статуарной формы: в 6 главе «чудной красоты женщину, на стройных ногах, в... трико» и на «лошади», в 12 главе – «Морозного бога на машине».

В период дебютирования в мистериальном театре, «драме теургов», как его принято называть, близкий по духу М.А. Булгакову А.А. Блок так наставлял в 1906 г. постановщика драмы «Балаганчик» В.Э. Мейерхольда: «...всякий балаган, в т. ч. и мой, стремится стать *тараном*, пробить брешь, в мертвечине: балаган обнимается, идет навстречу, открывает страшные и развратные объятия этой материи, как будто предаёт себя ей в жертву, и вот эта глупая и тупая материя поддается, начинает доверять ему, сама лезет к нему в объятия; здесь-то и должен «пробить час мистерии»: материя одурочена, обессилена и покорена; в этом смысле я «принимаю мир» – весь мир, с его тупостью, косностью, мертвыми и сухими красками, для того только, чтобы надуть эту костлявую старую каргу и омолодить ее» [7, т. 8, с. 169-170]. Думается, эти слова А.А. Блока «архист и новатор» М.А. Булгаков знал.

Известные произведения А.А. Блока, поэты и драматурга, призывающего изучать «эпоху» в «окультизме ключе», дополняют другие оккультные откровения, встречающиеся в тексте «Роковых яиц». В теургический сценарий Серебряного века подставлена писателем деревня Концовка, экзерсисно драматизирующая апокалиптические чаяния символистов. Пародируется в повести также центральная символистская идея, провозглашающая культ священного распятия. Теоретик мистерии А. Белый, призывающий, по Ф. Ницше, «идти на распятие» [17, с. 191], или писательское окружение «голгофских христиан» (Д.В. Философов, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Н.А. Клюев, И.А. Бунин), поддерживающее тезис о «постоянной Голгофе, – великом распятии каждого» [18–20], или ранние «радельные» опыты «главных лиц и исполнителей» Серебряного века – «Вяч. Иванова, Бердяева, Ремизова, Венгерова, Минского (все с женами), Розанова с падчерицей, Марии Добролюбовой, Сологуба...» [21], – все отражается в кривом зеркале булгаковского искусства. Христианско-окультистскому распятию М.А. Булгаков придает пародийно-фарсовый характер. В художественном обрамлении повести высокий жертвенный акт превращается в зоомистирию. В начале опытов профессор безнаказанно распянет безвинных лягушек: «Там, на стеклянном столе, полузадушенная и обмершая от

страха и боли лягушка была распята на пробковом штативе» [4, с. 309]. В окончании происходит обратное: мучитель получает театрально-шутовское, полубалаганное-полуцирковое возмездие на рахитических ногах. «Низкий человек на обезьяньих кривых ногах» «опережает» рвущиеся толпы и раскраивает голову творцу нового исторического эона В.И. Персикову, «распростершему руки как распятый» [4, с. 376-377].

В теургическом плане повесть может называть одного из оккультно-литературных прототипов Александра Семеновича Рокка – Александра Рокоткова (псевдоним писателя-декадента и хозяина кафе «Музыкальная табакерка» К.Е. Короткова), шаржированно обставленного еще в первой части «сатирической трилогии» – повести «Дьяволиада» [22, с. 11-29]. Многие произведения этого литератора к настоящему времени не сохранились, хотя до 2010-х гг. значились в электронном каталоге книжных фондов Российской национальной библиотеки: Рокотков Александр. Божественная трилогия: Христос перед судом Пилата. Сон Пилата. Пилат изгнанником и поцелуй Атласа. М.: Типография товарищества И.М. Машистова, 1907. 48 с.; Рокотков Александр. Вампир и гении времен: Дон-Жуан. Гаррик. Аполлон и Прометей. Полет мятежного сатира. М.: Типография товарищества И.М. Машистова, 1905. 112 с.; Рокотков Александр. Космическая эпопея: Песнь о Небе, Хаосе и Пана великом. М.: Типография товарищества И.М. Машистова, 1905. 46 с. Хочется надеяться, что сочинения А. Рокоткова найдутся и внесут источниковедческие коррективы как в «Роковые яйца», так и в другие произведения М.А. Булгакова.

К таинственному представителю эпохи Александру Рокоткову восходят не только имя и фамилия флейтиста Александра Семеновича Рокка. В «Роковых яйцах» М.А. Булгаков вскользь намекнул и на местоположение литературного кафе Рокоткова – «фойе уютного кинематографа «Волшебные грезы» в городе Екатеринославле», где играл на флейте до революции Рокк. Безусловно, не в городе Екатеринославле он играл – под «уютным кинематографом» могут пониматься сразу три кинотеатра в Москве: как кинотеатр «Большая Дмитровка» (о котором я писал выше в связи с выступлениями

В.Я. Парнаха) и кинотеатр с таким же названием «Волшебные грезы» на Чистых Прудах (с 1930 г. кинотеатр «Аврора»), так и дореволюционный кинотеатр «Мефистофель» в бывшем доме Анненковых, где Александр Рокотков основал эпатажное и скандальное кафе [20, с. 22-23]. Оно стало последним приютом / «привалом комедиантов»: грустная интимно-камерная драма – символистская «драма-мистерия» умирала и попытки ее реанимировать к успеху не приводили, на смену ей шел веселый театр новых пролетарских масс: цирка, революционного гротеска, пантомимы и джаза.

«Роковые яйца» сбалансировали между двух этих полярностей модернистского театра. Не уступая по форме и технике футуристам, по содержанию они следовали символистскому миропониманию и мироощущению. Мифологическая насыщенность, глубина исторических и политических перспектив, фольклоризм и символизм продолжили символистскую драматургическую традицию.

Богатый культурный контекст, религиозное пространство, в котором купалась теургическая фантазия «Роковых яиц», в 1930-е гг. повлияют на фантазию булгаковского «закатного романа» «Мастер и Маргарита». Повесть зажжет театральную рампу последней «мистерии-буфф» – «Евангелия от дьявола» и озорной смехопанорамы «московских глав».

Список литературы

1. *Иванов Вяч.И.* О границах искусства // Иванов Вяч.И. Борозды и межи. М., 2007.
2. *Иванов Вячеслав.* Борозды и межи: опыты эстетические и критические. М., 1916. С. 119-144.
3. *Грачева А.М.* О невоплощенном драматургическом замысле А. Ремизова и А. Блока «Соломон и Китоврас» // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998.
4. *Булгаков М.А.* Собрание сочинений: в 10 т. М., 1995. Т. 2.
5. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Парнах,_Валентин_Яковлевич (дата обращения: 12.01.2016).
6. *Приходько И.С.* Мифопоэтика А. Блока. Историко-культурный и мифологический комментарий к драмам и поэмам: монография. Владимир, 1994.
7. *Блок А.А.* Собрание сочинений: в 8 т. Москва; Ленинград, 1960.

8. *Блок А.А.* Собрание сочинений: в 6 т. М., 1980. Т. 2.
9. *Яблоков Е.А.* Мотивы прозы Михаила Булгакова. М., 1997.
10. Михаил Булгаков, Владимир Маяковский: Диалог сатириков / сост., вступ. ст., коммент. Е.А. Яблокова. М., 1994.
11. *Соколов Б.В.* Булгаков. Энциклопедия. М., 2005.
12. *Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 11. Киносценарии и пьесы 1926–1930. М., 1958.
13. *Угрюмов А.И., Коровин В.П.* На льдине к Северному полюсу. История полярных дрейфующих станций. СПб., 2004.
14. *Мандельштам О.Э.* Шум времени: Стихи, проза. Иркутск, 1991. С. 183-184.
15. *Белкин А.А.* Русские скomorохи. М., 1975.
16. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Государственная_Третьяковская_галерея (дата обращения: 12.01.2016).
17. *Белый А.* Фридрих Ницше // Белый Андрей. Символизм как миропонимание. М., 1994.
18. Письма Н.А. Клюева к А. Блоку. Вступит. ст., публ. и коммент. К.М. Азадовского // Александр Блок. Новые материалы и исследования (Литературное наследство. Т. 92: В пяти книгах. Кн. четвертая). М., 1980. С. 445-450.
19. *Пришвин М.М.* Собрание сочинений: в 8 т. М., 1982. Т. 1.
20. *Езеров А.* Христианский коммунизм епископа Михаила (Семенова). URL: <http://starover.ucoz.ru/publ/2-1-0-26> (дата обращения: 12.01.2016).
21. *Эткинд А.* ХЛЫСТ (Секты, литература и революция). М., 1998. С. 8-10.
22. *Колчанов В.В.* Поэтика мистерии в творчестве М.А. Булгакова. Тамбов, 2013. С. 11-29.

References

1. *Ivanov Vyach.I.* O granitsakh iskusstva. Ivanov Vyach.I. *Borozdy i mezhi*. Moscow, 2007. (In Russian).
2. *Ivanov Vyacheslav.* *Borozdy i mezhi: opyty esticheskie i kriticheskie*. Moscow, 1916, pp. 119-144. (In Russian).
3. *Gracheva A.M.* O nevoplashchennom dramaturgicheskom zamysle A. Remizova i A. Bloka "Solomon i Kitovras". Aleksandr Blok. *Issledovaniya i materialy*. St. Petersburg, 1998. (In Russian).
4. *Bulgakov M.A.* *Sobranie sochineniy: v 10 t.* Moscow, 1995, vol. 2. (In Russian).
5. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Parnakh,_Valentin_Yakovlevich (accessed 12.01.2016).

6. Prikhod'ko I.S. *Mifopoetika A. Bloka. Istoriko-kul'turnyy i mifologicheskyy kommentariy k dramam i poemam*. Vladimir, 1994. (In Russian).
7. Blok A.A. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* Moscow, Leningrad, 1960. (In Russian).
8. Blok A.A. *Sobranie sochineniy: v 6 t.* Moscow, 1980, vol. 2. (In Russian).
9. Yablokov E.A. *Motivy prozy Mikhaila Bulgakova*. Moscow, 1997. (In Russian).
10. Yablokova E.A. *Mikhail Bulgakov, Vladimir Mayakovskiy: Dialog satirikov*. Moscow, 1994. (In Russian).
11. Sokolov B.V. *Bulgakov. Entsiklopediya*. Moscow, 2005. (In Russian).
12. Mayakovskiy V.V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 11. Kinostsenarii i p'esy 1926–1930*. Moscow, 1958. (In Russian).
13. Ugryumov A.I., Korovin V.P. *Na l'dine k Severnomu polyusu. Istoriya polyarnykh dreyfuyushchikh stantsiy*. St. Petersburg, 2004.
14. Mandel'shtam O.E. *Shum vremeni: Stikhi, proza*. Irkutsk, 1991, pp. 183-184. (In Russian).
15. Belkin A.A. *Russkie skomorokhi*. Moscow, 1975.
16. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Gosudarstvennaya_Tret'yakovskaya_galereya (accessed 12.01.2016).
17. Belyy A. Fridrikh Nitsche. Belyy Andrey. *Simvolizm kak miroponimanie*. Moscow, 1994. (In Russian).
18. Pis'ma N.A. Klyueva k A. Bloku. Vstupit. st., publ. i komment. K.M. Azadovskogo. Aleksandr Blok. *Novye materialy i issledovaniya (Literaturnoe nasledstvo. T. 92: V pyati knigakh. Kn. chetvertaya)*. Moscow, 1980, pp. 445-450. (In Russian).
19. Prishvin M.M. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* Moscow, 1982, vol. 1. (In Russian).
20. Ezerov A. *Khristianskiy kommunizm episkopa Mikhaila (Semenova)*. Available at: <http://starover.ucoz.ru/publ/2-1-0-26> (accessed 12.01.2016).
21. Etkind A. *KhLYST (Sekty, literatura i revolyutsiya)*. Moscow, 1998, pp. 8-10. (In Russian).
22. Kolchanov V.V. *Poetika misterii v tvorchestve M.A. Bulgakova*. Tambov, 2013, pp. 11-29. (In Russian).

Поступила в редакцию 15.03.2016 г.
Received 15 March 2016

UDC 82-1/-9

MIRACLE-PLAY AND COMIC PLAY: NOVELLA BY M.A. BULGAKOV "THE FATAL EGGS" FROM THE POINT OF THEATRE MODERNIST GENRES OF THE FIRST THIRD OF XX CENTURY

Vladimir Viktorovich KOLCHANOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Philology and Journalism Department, e-mail: Vla-Kolchanov@yandex.ru

The poetic manner of satire novella by M.A. Bulgakov "The Fatal Eggs" is analyzed. The necessity of such analysis is caused by difficulty and richness of the text, its coding and not full cognition of its theatre basis in science, synthetic links with modern drama. The writer who was "archaist and innovative man" and connected his life with theatre every text without stage and play could not exist. The attempt to consider prose work within a framework of theatre modernist genres – symbolic "drama-miracle-play" and futuristic "comic play" is made. The parallels between the creative work of A.A. Blok, V.E. Meyerhold, V.V. Mayakovsky are drawn. The avant-garde representatives and their works are named, the generalizing cathedral-drama origin in their heritage theurgy is considered. The attention is paid to specifics of Bulgakov allusion, at satire exercise devices and caricature fluent coding and mixture of times, use of long-standing phrases in Russian and also support by merry-andrew / play actors in Ancient Rus of black faith – "peoples dual faith". Complex method of research is caused by it. It includes historic-cultural, myth-poetic, textological and biographic approaches. Their use helps to include the novella by M.A. Bulgakov in literary process in new way, trace the way of "drama miracle-play" degeneration into miracle-play comic play" taking into consideration social problems and reformations in Russian in the first third of XX century.

Key words: miracle-play; comic play; theurgy; futurism; M.A. Bulgakov; A.A. Blok; V.E. Meyerhold; V.V. Mayakovsky.

УДК 821.112-2

РОМАН А. ДЁБЛИНА «БЕРЛИН – АЛЕКСАНДЕРПЛАЦ» В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ «НОВОЙ ДЕЛОВИТОСТИ»

© Ольга Александровна ДРОНОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент, зав. кафедрой русского языка как иностранного,
e-mail: a.dronova2014@yandex.ru

Рассмотрен роман «Берлин – Александерплац» А. Дёблина в контексте литературы «новой деловитости». Проблема отношения А. Дёблина к этому течению остается достаточно спорной как в отечественных, так и зарубежных исследованиях романа. Систематизированы существующие точки зрения на изучаемую проблему. Цель работы – представить, как преломляются в романе А. Дёблина принципы фактографизма и документальности, центральные для «новой деловитости». Близость романа этому течению связана с тем, что в нем представлены многие темы и мотивы, развиваемые в социальных романах «новой деловитости», последовавших за ним – безработица, транспорт, изменение гендерных ролей, жизнь большого города. Рассмотрена рефлексия о творчестве, являющаяся важной частью проблематики романа. В фокусе размышлений рассказчика неизбежно оказываются категории, важные для «новой деловитости»: правдивость изображения, польза для читателя, актуальность и современность. Рассказчик активно вовлекает читателя в творческий процесс, то предупреждая его о дальнейших событиях, то рассуждая о том, как следовало бы изобразить то или иное явление. В романе А. Дёблина взаимодействуют миф и современность, авторский комментарий и безличный документ, экспрессивная символика и рациональность, становящиеся в равной мере объектами авторской иронии.

Ключевые слова: А. Дёблин; «Берлин – Александерплац»; «новая деловитость»; социальный роман; документальность; монтаж.

Роман Альфреда Дёблина «Берлин – Александерплац» (1929) в отечественных и зарубежных исследованиях неизменно сопоставляется с тенденциями «новой деловитости», при этом степень их проявления и их важность в организации художественного мира романа продолжают оставаться спорными. «Новая деловитость» – течение в немецкой литературе середины 1920-х – начала 1930-х гг. – представляет собой противоречивый феномен, в рамках которого происходит осмысление процесса модернизации жизненного уклада немецкого и европейского общества после Первой мировой войны как неостановимого процесса, несущего в себе положительные перемены, но стоящего под знаком кризисности. Главной задачей литературы, выдвигаемой «новой деловитостью», становится правдивое изображение действительности и просвещающее воздействие на читателя. Ведущим жанром становится социальный роман, в котором частично продолжают традиции натуралистического социального романа. Сильны в «новой деловитости» представления о кризисе современной литературы как способа познания и интерпретации жизни в политическом контек-

сте современности а также в условиях «конкуренции» с прессой и кинематографом, позволяющими привлечь широкую аудиторию. В качестве реакции на этот процесс «новая деловитость» стремится преодолеть границы между художественной словесностью и прессой, заимствовать способы кинематографического воплощения действительности, а также стереть грань между литературой элитарной и массовой, чтобы быть признанной широким читателем.

Важной для «новой деловитости» является и идея кризиса романа, возникшая в начале XX в. в связи с масштабными изменениями в его поэтике. Для «новой деловитости» кризис романа напрямую связан с ролью событий современной истории, продемонстрировавших ничтожность отдельного человека. После окончания Первой мировой войны немецкие писатели, философы говорят о том, что в современном мире отдельный человек слишком незначителен, и правдивое произведение должно быть обращено к более общим проблемам современной жизни. Так, философ З. Кракауэр в работе «Биография как новобуржуазная форма искусства» (“Biographie als neubürgerliche Kunstform”,

1930) отмечает, что неизгладимый «опыт собственной ничтожности и ничтожности других, пережитый в недавнем прошлом» [1, S. 195], повлек за собой утрату «системы координат» романа, базировавшуюся на убежденности в силах отдельного индивидуума [1, S. 196]. Кризис романа в «новой деловитости» – это кризис представлений о биографии и психологии героя как движущей силе сюжета, идейном центре романа. На первый план выдвигается проблема социальной действительности, обстоятельств. В эссе «Об изображении обстоятельств» (1929) видный критик и публицист Б. фон Brentано утверждает: «Если мы оглянемся на наш мир, то вскоре мы заметим, что события имеют совершенно иные причины, нежели характер отдельных граждан... Уже 50 лет (не больше) писатели заботятся о характерах. Пусть сейчас хотя бы каждый пятый позаботится об обстоятельствах... Куда ни посмотри: я не вижу ничего кроме обстоятельств» [2, S. 158-159].

Роман «Берлин – Александерплац» хронологически появился раньше, чем большинство социальных романов, считающихся образцами «новой деловитости» – «Фабиан» (1931) Э. Кестнера, «Уния сильной руки» (1931) Э. Регера, «Маленький человек: что дальше?» (1932) Г. Фаллады или «Девушка искусственного шелка» (1932) И. Койн. Своеобразие романа А. Дёблина состоит в том, что, будучи глубоко философским, роман предельно близко и осязаемо воплощает проблемы своего времени. И хотя стоит согласиться с одним из первых критиков романа – В. Бенямином, что «на вкус это совсем не социальный роман» [3, S. 112], тем не менее, в нем предстает атмосфера веймарской Германии, соединяющая настроения кризиса и обновления, проблемы жизни мегаполиса, потребление, строительство, жилье, транспорт, безработицу, изменившиеся гендерные роли – и практически невозможно найти в позднейших социальных романах «новой деловитости» тематических аспектов, которые не были бы упомянуты или раскрыты в «Берлин – Александерплац».

На важность социальной проблематики в романе «Берлин – Александерплац» обращают внимание многие отечественные исследователи, усматривая в этом связь романа с тенденциями «новой деловитости». Так, в

работе А.М. Фурсенко, непосредственно посвященной изучаемой проблеме, говорится о том, что А. Дёблин, как и другие авторы, воссоздал с достоверной точностью жизнь Берлина конца 1920-х гг., обратившись к образу простого обывателя как части коллектива [4]. Н.С. Павлова в книге «Типология немецкого романа» отмечает и зависимость романа «Берлин – Александерплац» от круга идей, характерных для «новой деловитости», и его выход за их пределы, поскольку созданная А. Дёблином действительность многослойна, настоящее в его романе втягивает в себя прошлое и будущее, сквозь объективную данность проглядывает «глубинный смысл жизни» [5, с. 119].

Проблема проявления в романе «Берлин – Александерплац» тенденций «новой деловитости» изучена и в ряде работ немецких исследователей. Так, Г. Зандер в статье «Альфред Дёблин и реализм большого города» считает, что в романе А. Дёблина вполне можно увидеть развитие традиций реалистического социального романа, например, в достоверном изображении определенной среды [6, S. 146]. И. Роскотен пишет, что «репортажность, трезвость и ирония характеризуют его как роман «новой деловитости» [7, S. 217]. В то же время в обстоятельном исследовании поэтики документализма «новой деловитости» М. Укера высказана точка зрения, согласно которой роман «Берлин – Александерплац» может быть причислен к «новой деловитости» лишь по недоразумению, поскольку функция документального материала в романе «Берлин – Александерплац» существенным образом отличается от той, что, по мнению исследователя, присуща романам «новой деловитости», где документ используется как источник объективной информации. В романе «Берлин – Александерплац» документы вырваны из контекста и представляют собой отдельные детали, содержание которых само по себе не важно, но позволяет создать «конструкцию грандиозного, нерасчлененного общественного пространства» большого города [8, S. 347]. Х. Зегерберг рассматривает роман «Берлин – Александерплац» и «новую деловитость» как явления в контексте «индустриальной культуры» Веймарской республики, одним из центральных аспектов которой является развитие новых медиа: кинематографа, радио, прессы. «Бер-

лин – Александерплац» – наиболее радикальный пример их взаимодействия с художественным словом. Но, по мысли исследователя, роман А. Дёблина не только ориентирован на не-литературные медиа, но и осмысляет их в рамках нарратива и в силу этого является «радикальной литературой» [9, S. 96-102].

Разнообразие точек зрения на проблемы проявления в романе «Берлин – Александерплац» тенденций «новой деловитости» во многом определяется тем, что сам термин «новая деловитость» является достаточно спорным. Как уже говорилось ранее, важными принципами «новой деловитости» были стремление к правдивости и к просвещающему воздействию на читателя. Одной из характерных особенностей романов «новой деловитости» было наличие предисловий, в которых читатель получал своеобразное указание о том, как следует воспринимать лежащий перед ним текст. Знаковым стало предисловие к роману «Бегство без конца» (1927) Й. Рота, в котором тот утверждал, что «ничего не выдумал, ничего не выстраивал», ведь «речь больше не идет о том, чтобы «сочинять» [10, S. 311]. Другой пример – «Инструкция по применению» романа Э. Регера «Уния крепкой руки», где Э. Регер утверждает, что читатель не должен «обманываться» в том, что книга, лежащая перед ним, обозначена как роман, более того, в предисловии Э. Регер загадочно утверждает, что внимательный читатель сможет самостоятельно дописать отсутствующий в финале романа отрывок из газеты «Генеральанцайгер», завершающий другие части романа [11, S. 9].

Роману «Берлин – Александерплац» также предпослано предисловие. В нем нет настойчивых уверений в правдивости романа и соответствии реальным событиям, хотя А. Дёблин использует в нем ключевое для «новой деловитости» понятие «отчета»: “Dieses Buch berichtet...” [12, S. 11] (в русском переводе – «Перед вами повесть» [13, с. 19]). В предисловии говорится о важности истории Ф. Биберкопфа, но при этом говорится и о полезности романа для читателя. А. Дёблин отсылает к просветительской идеологии «новой деловитости», задавая определенный ракурс восприятия романа и подчеркивая его пользу для читателя. Речь идет не только о перевоспитании героя, но и

перевоспитании читателя. Параллель между читателем и героем будет в дальнейшем актуализироваться и в тексте романа.

О своем романе А. Дёблин пишет в статье «Моя книга «Берлин – Александерплац» (1932), предназначенной для широкого круга читателей, в которой А. Дёблин достаточно просто объясняет содержание своего романа. В определенном смысле эта статья схожа с предисловиями «новой деловитости», поскольку одна из ее основных идей – связь романа с окружающей действительностью. А. Дёблин пишет, что роман был результатом наблюдений над представителями криминальной среды, с которыми он много раз сталкивался в своей врачебной практике. В качестве другого импульса он называет философскую идею: «Это мир двух богов. Это мир строительства и распада. В нем есть порядок и растворение» [14, S. 216]. Универсальным антиномиям бытия – распаду и восстановлению, порядку и растворению – А. Дёблин подчиняет все, в т. ч. и функционирование общества. Одна сила немыслима без другой, речь идет о концепции постоянного движения мира, определяемого их взаимодействием.

Статья «Моя книга «Берлин – Александерплац» важна тем, что А. Дёблин подчеркивает принцип дуализма, пронизывающий проблематику и поэтику романа. Противоположные идеи, как и противоположные принципы изображения воплощены в романе во всей полноте: наблюдение соседствует с безудержной фантазией, острая актуальность и современность с мифологией, стремление к полной объективности и беспристрастности документа с многочисленными вторжениями рассказчика. Амбивалентным, вызывающим разнообразные толкования, является и воплощение в романе проблем человека и коллектива, а также вопрос о борьбе и смирении с собственной судьбой. Роман балансирует между разнообразными способами изображения человека и мира, но не ищет синтеза между ними, напротив, принцип монтажа позволяет противопоставлять и сопоставлять их, акцентируя внимание читателя не только на изображаемом мире, но и на процессе письма, воплощения образа, создания романа.

Рассказчик в романе «Берлин – Александерплац», помимо отступлений и комментариев по разнообразным поводам, на протя-

жении всего романа неизменно посвящает читателя в творческий процесс, разъясняя его смысл, делясь с читателем собственными трудностями, а порой делает его свидетелем собственных дурачеств – например, игры со словами. Роман предстает перед читателем, с одной стороны, изначально завершенным, потому что еще в предисловии автор говорит о финале истории Биберкопфа, а с другой стороны, он как будто заново создается на его глазах. На протяжении всего романа разбросаны размышления о том, что на этом месте роман мог бы закончиться, но его необходимо продолжить в силу тех или иных причин. Так, в предисловии ко второй книге говорится, что можно было бы ограничиться первой книгой и решением Биберкопфа оставаться порядочным человеком, а в главе, посвященной выяснению виновности Райнхольда в убийстве Мице, говорится о том, что читатель эту главу может пропустить.

Главам романа предпосланы краткие характеристики содержания, которые, по мнению К. Мюллера-Зальгета, выполняют важную функцию по организации коммуникации между рассказчиком и читателем. Рассказчик активно направляет процесс читательского восприятия, разъясняя ему содержание того или иного эпизода [15, S. 202]. Давая понять заранее, о чем будет идти речь в главе, рассказчик как бы сдвигает фокус внимания читателя с захватывающего сюжета на поучительный смысл истории. Он делает процесс чтения осознанным, создавая тем самым эффект, близкий брехтовскому отчуждению, когда реципиент не идентифицирует себя с персонажем, а осознает, что видит перед собой пример.

Таким образом, рефлексия о творчестве – важная составляющая романа. Но нельзя не отметить, что рассказчик неизменно касается проблем, бывших важными в контексте «новой деловитости»: правдивостью, актуальностью, полезностью своего романа.

Книга пятая романа открывается описанием Александерплац, в котором документальный материал – цитаты транспортных указателей, названия марок продаваемых сигарет и цены, неоконченные слоганы соединяются с помощью монтажа с зарисовками отдельных эпизодов городской жизни: спешащих пешеходов и зевак, наблюдающих за строительством. Описание толпы сочетается

с авторскими размышлениями о сложности самой задачи изображения массы: «Перечислить их всех и описать судьбу каждого очень трудно. Это можно сделать лишь в отношении некоторых» [13, с. 197]. Люди в массе настолько схожи, их индивидуальные различия стерты, поэтому указываются лишь направления их движения. Рассказчик задается вопросом, кто мог бы «исследовать» то, что происходит внутри этих людей, но если бы это и было возможно – «кому от этого польза» [13, с. 197]? Тем самым, А. Дёблин ставит под сомнение необходимость психологического анализа и задается ключевым для «новой деловитости» вопросом о пользе книг, сбыт которых, как сообщается далее, ежегодно снижается. Продолжая свою мысль об изображении толпы, А. Дёблин нагромождает отдельные детали: цену билета, вес пассажира, его вещи, от надписи на билете переходит к игре стихотворными фрагментами, а затем возвращается к изображенным людям, продолжая нанизывать детали, лишая изображение какого-то конечного смысла кроме собственного авторского поиска. Этот эпизод выглядит как внедрение читателя в собственную творческую лабораторию, создание на его глазах фрагмента текста без какой-либо конечной обработки, без отбора значимых деталей и организации их, поскольку рассказчик как будто находится в состоянии растерянности перед открывшейся массой материала. В этой связи ценным представляется замечание Х. Зегеберга об идее погружения писателя в «языковое море» при создании произведения, в котором он вынужден выплыть – эта мысль высказана А. Дёблином в работе «Построение эпического произведения» (1928). В романе «Берлин – Александерплац» мегаполис предстает как своего рода языковое море, состоящее из различных дискурсов, по которому блуждают и автор, и герой [9, S. 100].

Использование документов в романе «Берлин – Александерплац» является наиболее важной тенденцией, связывающей роман А. Дёблина с «новой деловитостью». Документальные фрагменты свободно соединены друг с другом и с авторским повествованием и не поддаются какой-то однозначной систематизации или группировке. Документальный материал, к которому относятся как заголовки газет, названия вывесок, так и ус-

тойчивые фразы, цитаты из шлягеров, служат созданию образа большого города. Продолжительные вкрапления документального монтажа группируются вокруг пространственных образов города: Розенталер Плац, Александерплац. Использование документа позволяет создать децентрированный образ города, не связанный с сознанием автора или героя, и в этом отношении отвечает требованиям объективности и аутентичности. Перед читателем «кусочек» действительности, не преобразованный авторским замыслом. Окружающий мир предстает как обезличенная реальность, в структурах которой и человек теряет индивидуальность. Как и в других документальных романах «новой деловитости» – романах Э. Регера, Э. Оттвальта, Р. Бруннграбера – вымышленный герой А. Дёблина существует в пространстве и времени, воссозданном с предельной точностью и достоверностью, с опорой на документ. Автор детально прослеживает маршруты движения героя, неизменно указывает дату и даже время события, причем по мере нарастания напряжения к финалу романа координаты его движения становятся все более точными. Лишь некоторая часть документов в романе введены из перспективы героя: Франц читает вывески, заголовки газет, рекламные объявления – все, что попадает в поле его зрения. Он оставляет эти впечатления без комментария, без внутренней переработки, превращаясь в механический регистратор отдельных явлений окружающего мира.

В главе «Локальные новости» передаются газетные сообщения вне какой-либо связи с сюжетом: рассказ о покончивших с собой любовниках, которые не могли пожениться из-за экономических обстоятельств, катастрофа трамвая, события на бирже. Это совмещение кратких фрагментов о разных событиях напоминает построение газетной передовицы. Причем то обстоятельство, что большинство из них связаны либо с трагедией, либо с катастрофой, отвечает журналистскому стремлению гнаться за сенсацией. Затем дается сообщение о постановке комедии “*Coeur-Vube*” в театре «Ренессанс», и тут рассказчик начинает комментировать приведенный документальный отрывок. Он пускается в ироничные рассуждения о правдивости и пользе информации, представляемой документом: «Далее, не следует оставлять

без внимания и такое соображение: в Берлине могут оказаться люди, да несомненно и есть такие, – которые прочтешь афишу театра «Ренессанс» прочтут, но усомнятся в ее реальности, т. е. не в том, что такая афиша объективно существует, а в достоверности, равно как и в значимости ее содержания, воспроизведенного типографским способом» [13, с. 224].

Документ в структуре романа часто подвергается пародийному обыгрыванию – как, впрочем, и противоположный ему полюс – миф. Так, в одном из ключевых эпизодов романа – изображении убийства Францем Биберкопфом своей невесты, Иды, происходит сопоставление разных способов восприятия и изображения преступления – через сопоставление с мифом об Оресте и через стилистику репортажа. Одновременно с этим эпизод наполнен обращениями к воображаемому реципиенту, то свысока названному «дитя», то предстоящему как некий коллективный слушатель, недоверчиво воспринимающий историю Ореста. Современное видение убийства предстает через пародирование стилистики спортивного репортажа: «И вот эту самую мутовку с проволочной спиралью он мощным двукратным размахом привел в соприкосновение с грудной клеткой Иды, своей собеседницы в вышеупомянутом разговоре» [13, с. 117]. Затем, сквозь призму научного текста происходящее с телом Иды объясняется с помощью «понятий хрупкости и упругости» и «законов действия и противодействия», а с точки зрения первого закона Ньютона действующей на тело силой является Франц, и сила его удара может быть рассчитана по приведенной в тексте романа формуле [13, с. 117]. Подобный способ повествования рассказчик характеризует как «современный»: «При таком соответствующем духу времени рассмотрении всех этих обстоятельств можно прекрасно обойтись и без Эриний» [13, с. 118]. И псевдорациональный взгляд на мир, и мифологическая трактовка убийства в равной степени становятся объектами иронии, хотя все-таки «современное» видение обнаруживает большую несостоятельность – ведь именно то, что Биберкопф «обошелся без Эриний», не признал свою вину в убийстве, не дает ему начать новую жизнь, заставляет все время возвращаться к прошлому.

Категория правды также на протяжении всего романа не исчезает из поля внимания рассказчика. Так, после драматического эпизода, когда Райнхольд выбрасывает Франца из движущегося автомобиля, он рассуждает о том, что рассказывает «беспощадную правду» о своем герое [13, с. 255]. Но и эта категория подвергается в романе ироничному осмыслению. Так, рассказчик неизменно размышляет о правдивости наиболее символических эпизодов романа – и в эпизоде, когда рядом с Биберкопфом идут два ангела, и в сценах беседы Биберкопфа со смертью. Даже в ключевой сцене «Смерть поет свою медленную песню», казалось бы, одной из самых трагичных в романе, происходит внезапное переключение на творческий процесс, снижающее пафос этой сцены, придающий ей гротескный характер. Рассказчик рассуждает: «Красивая песня, не правда ли? Слышит ли Франц эту песню? Да и вообще, что это значит: «Песня Смерти»? Увидишь такое в книге или прочитаешь вслух – и скажешь: поэзия! Шуберт, например, сочинял такие песни – «Смерть и девушка». Но к чему это здесь?» [13, с. 503]. А. Дёблин иронизирует над «чем-то вроде поэзии», ставя это понятие под сомнение, вполне в духе «новой деловитости». Но далее, он продолжает настаивать на правдивости изображаемого им события: «Я говорю правду, только чистую правду: Франц слышит Смерть, эту Смерть, и слышит, как она поет, заикаясь, повторяя слова, он слышит ее голос, похожий на скрежет пыли» [13, с. 503]. Сам образ смерти в романе снижен и осовременен тем, что она говорит с Францем, используя берлинский диалект. В русском варианте перевода диалект заменен на просторечные выражения: «Тебе, братец, крышка. Собирай манатки» [13, с. 507]. Рассказчик противопоставляет правдивость экзистенциальной ситуации героя, находящегося между жизнью и смертью, и узко понимаемую правду реального факта. Тем не менее, он дает происходящему с Биберкопфом и научное объяснение: в то время как он мечется в бреду, врачи пытаются его спасти.

Таким образом, важной составляющей проблематики романа «Берлин – Александерплац» является рефлексия о творческом процессе, о разных способах воплощения реальности, в рамках которого осмысливаются важные для «новой деловитости» категории

правдивости, фактографии и пользы для читателя. Современный рациональный способ мировосприятия и фактографизм часто становятся объектами авторской иронии, но предстают как необходимый противовес мифологическому и абстрактному началам. Документы в романе А. Дёблина используются в разнообразных функциях, часть из которых соотносима с эстетическими требованиями «новой деловитости» – это создание по возможности аутентичного, предельно объективного образа большого города. Амбивалентной в романе становится и категория правды, оказывающаяся всегда шире, чем отдельный факт, но прочно укорененная в жизненном опыте человека. Перед читателем предстает автор, пробующий в своем романе разные способы изображения мира и человека – в т. ч. и те, что характерны для современной ему литературы «новой деловитости».

Список литературы

1. *Kracauer S.* Schriften. Aufsätze 1927–1931. Frankfurt a/M, 1990.
2. *Brentano B.* Über die Darstellung von Zuständen // *Becker S.* Neue Sachlichkeit. Bd. 2. Quellen und Dokumente. Köln, 2000. S. 156-159.
3. *Benjamin W.* Krise des Romans? Zu Döblins “Berlin Alexanderplatz” // *Prangel M.* Materialien zu Alfred Döblin “Berlin, Alexanderplatz”. Frankfurt a/M, 1975. S. 108-114.
4. *Фурсенко А.М.* Роман А. Дёблина «Берлин – Александерплац» и литературная ситуация в Германии конца 20-х – начала 30-х гг. Новосибирск, 1990.
5. *Павлова Н.С.* Типология немецкого романа. М., 1982.
6. *Sander G.* Alfred Döblin und der Großstadtrealismus // *Kyora S., Neuhaus S.* Realistisches Schreiben in der Weimarer Republik. Würzburg, 2006. S. 139-150.
7. *Roskoth J.* Überrollt. Alfred Döblins „Berlin Alexanderplatz“ als neusachlicher Verkehrsroman // *Rupp G.* Klassiker der deutschen Literatur. Epochensignaturen von der Aufklärung bis zur Gegenwart. Würzburg, 1999. S. 212-231.
8. *Uecker M.* Wirklichkeit und Literatur. Strategien dokumentarischen Schreibens in der Weimarer Republik. Oxford; Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Main; New York; Wien, 2007.
9. *Segeberg H.* Literatur im Medien-Zeitalter. Literatur, Technik und Medien seit 1914. Darmstadt, 2003.
10. *Roth J.* Die Rebellion. Frühe Romane. Berlin; Weimar, 1984.

11. Reger E. *Union der festen Hand. Roman einer Entwicklung*. Berlin, 1991.
12. Döblin A. *Berlin Alexanderplatz*. Düsseldorf; Zürich, 2000.
13. Дёблин А. Берлин – Александерплац. Повесть о Франце Биберкопфе / пер. с нем. Г.А. Зук-кау. М., 1961.
14. Döblin A. *Schriften zu Leben und Werk*. Freiburg, 1986.
15. Müller-Salget K. *Alfred Döblin. Werk und Entwicklung*. Bonn, 1972.

References

1. Kracauer S. *Schriften. Aufsätze 1927–1931*. Frankfurt am Main, 1990. (In German).
2. Brentano B. Über die Darstellung von Zuständen. Becker S. *Neue Sachlichkeit. Bd. 2. Quellen und Dokumente*. Köln, 2000, pp. 156-159. (In German).
3. Benjamin W. Krise des Romans? Zu Döblins „Berlin Alexanderplatz“. Prangel M. *Materialien zu Alfred Döblin „Berlin, Alexanderplatz“*. Frankfurt am Main, 1975, pp. 108-114. (In German).
4. Fursenko A.M. *Roman A. Deblina „Berlin – Aleksandrplats“ i literaturnaya situatsiya v Germanii kontsa 20-kh – nachala 30-kh gg.* Novosibirsk, 1990. (In Russian).
5. Pavlova N.S. *Tipologiya nemetskogo romana*. Moscow, 1982. (In Russian).
6. Sander G. Alfred Döblin und der Großstadtrealismus. Kyora S., Neuhaus S. *Realistisches*

7. Roskothen J. Überrollt. Alfred Döblins „Berlin Alexanderplatz“ als neusachlicher Verkehrsroman. Rupp G. *Klassiker der deutschen Literatur. Epochensignaturen von der Aufklärung bis zur Gegenwart*. Würzburg, 1999, pp. 212-231. (In German).
8. Uecker M. *Wirklichkeit und Literatur. Strategien dokumentarischen Schreibens in der Weimarer Republik*. Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien, 2007. (In German).
9. Segeberg H. *Literatur im Medien-Zeitalter. Literatur, Technik und Medien seit 1914*. Darmstadt, 2003. (In German).
10. Roth J. *Die Rebellion. Frühe Romane*. Berlin, Weimar, 1984. (In German).
11. Reger E. *Union der festen Hand. Roman einer Entwicklung*. Berlin, 1991. (In German).
12. Döblin A. *Berlin Alexanderplatz*. Düsseldorf, Zürich, 2000. (In German).
13. Deblin A. *Berlin – Aleksanderplats. Povest' o Frantse Biberkopfe*. Moscow, 1961. (In Russian).
14. Döblin A. *Schriften zu Leben und Werk*. Freiburg, 1986. (In German).
15. Müller-Salget K. *Alfred Döblin. Werk und Entwicklung*. Bonn, 1972. (In German).

Поступила в редакцию 10.03.2016 г.
Received 10 March 2016

UDC 821.112-2

A. DÖBLIN'S NOVEL "BERLIN ALEXANDERPLATZ" IN THE CONTEXT OF NEW OBJECTIVITY LITERATURE

Olga Aleksandrovna DRONOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Russian as Foreign Language Department, e-mail: a.dronova2014@yandex.ru

The novel "Berlin Alexanderplatz" by A. Döblin in the context of the literature of the New Objectivity is considered. The attitude of A. Döblin towards this movement in the contemporary literature remains quite controversial in both Russian and foreign studies of the novel. The existing opinions on the investigated problem are systematized. The objective is to present, how the principles of factography and documentalism, which are central in the New Objectivity, are used in A. Döblin's novel. The proximity of the novel to this movement is that it presents many themes and motifs developed in the later social novels of the New Objectivity – unemployment, transport, changing gender roles, the life of a big city. The reflection about creating a novel, that is an important part of its content is studied. The focus of aesthetic reflection of the narrator inevitably refers to the categories important for the New Objectivity: the veracity of the image, the benefit to the reader, relevance and modernity. The author actively involves the reader in the creative process, alerting him of future events, talking about how we should depict a particular phenomenon. The novel combines myth and modernity, comments of the narrator and impersonal document, expressive symbolism and rationality that become equally object of the author's irony.

Key words: A. Döblin; "Berlin Alexanderplatz"; New Objectivity; social novel; documentary; montage.

УДК 811

ЭМОТИВНАЯ СПИЦИФИЧНОСТЬ КОНЦЕПТА «ИСКУССТВО» В ЭСТЕТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

© Надежда Евгеньевна МАЛОВА

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Республика Адыгея,
Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка как иностранного,
e-mail: malova.nadejda2014@yandex.ru

Изучено концептуальное исследование художественного текста, что позволяет проследить динамику творческого созидания, отражающую эмоционально и социально обусловленное отношение автора к эстетическому предмету. Осмыслен ассоциативный характер мышления, объективирующийся в вербальных функциональных и формальных сходствах и аналогиях, связывающих феномены субъективной и объективной действительности, причем эти ассоциативные отношения всегда культурно и эмоционально обусловлены. Доказано, что разнообразные воплощения концепта «искусство» сопряжены с ощущением и проявлением эмоциональных представлений, включающих экстероцептивные и интероцептивные компоненты, которые сигнализируют об изменениях внутреннего мира человека с точки зрения значимости для него окружающих лиц, предметов, явлений и событий. Обосновано, что концепт «искусство» формирует в сознании эмоциональную концептосферу, что эмотивность развивается на основе эмоционального аспекта когнитивно-коммуникативной деятельности и представляет собой результат интеллектуальной интерпретации эмоциональности. Установлено, что существование эмоциональной картины мира в значительной степени обусловлено языком, поскольку эмотивная компетенция языковой личности автора художественного текста реализуется через эмотивы всех языковых уровней, т. е. репрезентируется в виде тех или иных вербализованных языковых единицах, выступающих как отражение внутреннего, психического мира и эмоционально сопряженных представлений, восприятий, ощущений. Доказано, что вербализованный концепт «искусство» интерпретируется как трехкомпонентная ментальная структура, включающая и дифференцирующая такие признаки, как понятие, образ и оценка.

Ключевые слова: эмоция; концепт; аффект; языковая личность; художественный текст.

В современной лингвистике наметилась тенденция к когнитивному исследованию языка, позволяющая рассматривать язык как динамическую систему, в основе которой находится языковая личность. Сознание языковой личности автора связано с взаимодействием интра- и экстралингвистических факторов, реализуемых автором в художественном тексте.

Экспрессивность лингвистических средств русского языка состоит в том, что они действуют как источники аффектов, вызывая в нашем сознании те же эмоции, что и реальные предметы, попадающие в поле восприятия. По мнению Ю.Д. Апресян, причиной эмоций является интеллектуальная оценка положения вещей как вероятного или неожиданного, желательного или нежелательного для субъекта. Эмоция входит в аффективную сферу психики как один из ее компонентов. Кроме эмоций в эту сферу входят чувства, страсти и другие переживания, не являющиеся эмоциями. Взаимосвязь когнитивных и

аффективных процессов была констатирована Л.С. Выготским: «...во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее» [1, с. 19]. Видный теоретик «лингвистики эмоций» В.И. Шаховский совершенно справедливо противопоставил эмоциональности как манере общения категорию языковой эмотивности, подчеркивая ее функционально-семантический статус. Ученым было установлено два типа эмотивных слов: «аффективы», к которым он относит междометия, лексику обзывания и ласкания, сленг, вульгаризмы и т. д., и «коннотативы» – слова с логико-предметным значением, в семантике которых имеется эмотивная сема (эмосема); таковы дериваты с суффиксами эмоциональной оценки, зоолексика и мифолексика со сдвигом значений, архаизмы, поэтизмы и т. д. [2, с. 91]. Однако аффективными являются не только «аффективы», но и т. н. «коннотативы». В определенных контекстах нейтраль-

ные слова могут «коннотировать», приобретать аффективную окраску.

А. Вежбицкая считает, что эмоции не могут быть идентифицированы без помощи слов, а слова всегда принадлежат к конкретной культуре и приносят с собой культурно специфичную точку зрения. При переводе с одного языка на другой обнаруживаются несоответствия в структурном, компонентном и семантическом планах. Они являются свидетельством лингвокультурных особенностей каждого языка, по-своему представляющего картину мира: фиксируя те или иные явления действительности. А. Вежбицкая вводит специальный термин «эмоциональный концепт» для языкового обозначения эмоциональных состояний человека. Все эмоциональные концепты подразделяются на основании их соотношения с ценностным характером «прототипических» (эмоциогенных) ситуаций на несколько категорий:

- эмоциональные концепты, связанные с «плохими вещами» (грусть, уныние, огорчение, скорбь);
- эмоциональные концепты, связанные с «хорошими вещами» (радость, довольство, удовольствие, наслаждение);
- эмоциональные концепты, связанные с людьми, совершившими плохие поступки (неистовство, гнев, ярость, возмущение);
- эмоциональные концепты, связанные с размышлениями о самом себе, самооценкой (раскаяние, виноватость, стыд, униженность, смущение, торжество);
- эмоциональные концепты, связанные с отношением к другим людям (любовь, отвращение, уважение, жалость) [3, с. 331].

Исследование специфики эстетической текстовой деятельности позволяет определить эмотивную компетенцию автора как способность намеренно или интуитивно использовать систему художественных приемов для организации разнообразных языковых и стилистических эмотивных средств с целью отображения в художественном тексте эмоциональной авторской картины мира.

Таким образом, концептуальное исследование художественного текста позволяет проследить динамику творческого созидания, отражающую эмоционально и социально обусловленное отношение автора к эстетическому предмету. Эмотивная компетенция автора художественного текста экспли-

цирует национально-культурные реалии и реализуется посредством индивидуальных эмотивных и стилистических средств языка. Но для более адекватного понимания эмотивного аспекта языковой личности автора применительно к художественной коммуникации следует отметить иное проявление эмоций, которое выражается в том, что основные свойства личности могут быть подчинены потребностям творческой личности.

Эмоциональные переживания могут не только побудить к художественной деятельности, сопровождая процесс творчества, но и непосредственно повлиять на эмоциональное состояние внутритекстового пространства. То есть эмоциональное оценивание действительности автором проходит через психический механизм их отображения в семантике слов, словосочетаний и языковых структур, используемых для вербализации эмоций [2, с. 91]. Эмотивность развивается на основе эмоционального аспекта когнитивно-коммуникативной деятельности и представляет собой результат интеллектуальной интерпретации эмоциональности. Следовательно, существование эмоциональной картины мира в значительной степени обусловлено языком, поскольку эмоциональная картина мира репрезентируется в виде тех или иных вербализованных языковых единиц, выступающих как отражение внутреннего, психического мира и эмоционально сопряженных представлений, восприятий, ощущений.

Эмотивная компетенция языковой личности автора художественного текста реализуется через эмотивы всех языковых уровней, благодаря использованию автором многообразной гаммы стилизованных окрасок, а также через лексику, которая представляет эмоцию как номинирующее, так и описательно. Следует отметить контекстуальную обусловленность эмотивного высказывания, поскольку одно и то же эмотивное высказывание может выражать в зависимости от контекста как положительную, так и отрицательную эмоцию.

Итак, языковая личность автора – это способность к вербализации концептов как основных контентных единиц ментальности. Если рассматривать концепт как основную контентную единицу ментальности автора, то можно утверждать, что эмотивный концепт отображает эмоционально-оценочную составляющую данной контентной единицы,

отражая события, вызвавшие эмоцию, эмоциональное состояние, физическую и иную реакцию. По мнению Н.А. Красавского, эмоциональный концепт – это «не только понятие, не только набор определенных когнитивных элементов, но и оценочные представления о самом понятии. Оязыковленный эмоциональный концепт, базирующийся на понятии, по мере «погружения» в культурное пространство конкретного этноса обрастает дополнительными вторичными признаками (образ, ценность, оценка)» [4, с. 12].

В художественном тексте в функциональном аспекте эмотивный концепт может быть реализован как посредством лексических и синтаксических средств, так и через ряд ситуативных (контекстуальных) характеристик, сюжетобразующих и раскрывающих его суть. Процесс распознавания различных видов эмоциональных реакций представляется возможным благодаря хранящимся в памяти наиболее типичным способам их экспликации, а также тому, что в эмотивных языковых средствах всех уровней закреплена обобщенное социально-типичное содержание эмоций, их социально-типичное внешнее проявление в поведении человека, способное произвести эмоциональный эффект, адекватный намерению автора.

Имплицитные средства выражения понятийных категорий представляют собой содержательные и эстетически-эмоциональные составляющие концептов, позволяющие ассоциировать идею об эмоциях, многочисленных косвенных номинациях, особенно метафорические описания.

Рассмотрение концепта «искусство» в данном направлении определяется, прежде всего, метафорическими дескрипциями, эпитетами, сравнениями, исследование которых обнаруживает скрытые связи между различными феноменами окружающей эмоционально обусловленной действительности.

Вербализованный концепт интерпретируется как трехкомпонентная ментальная структура, включающая и дифференцирующая такие признаки, как понятие, образ и оценка. Эмоционально детерминированные концепты выступают в качестве культурно-обусловленных структурно-смысловых ментальных образований и, следовательно, являются эмотивными сегментами творческого процесса. Эмоциональная обусловленность

концептов имеет неоднозначный характер в связи с необходимостью читателя, имеющего субъективное видение мира, интегрироваться в эстетическую реальность, спроецированную языковым сознанием автора и отраженную посредством художественных концептов, которые являются продуктом авторского сознания и заключают в себе эстетическую информацию, а именно: авторские эмоции, реализованные в доминантных смыслах художественного текста. Реализация эмоциональных интенций связана с разного рода семантико-прагматическими модификациями эмотивно-оценочного значения.

В эмотиологической парадигме концепт «искусство» рассматривается сквозь призму особенностей восприятия мира человеком, обладающим эмоционально-психическими способностями и эмоционально-ценностными ориентациями, а также интеллектуально-эмоциональной оценкой окружающей действительности. Личность в искусстве всегда уникальна, а неотъемлемой составляющей личности является чувственная эмоциональная сфера. Следовательно, искусство рассматривает явления и предметы не ради их простого отображения, а чтобы возбудить эмоциональную составляющую личности.

Опираясь на исследования С.Л. Рубинштейна, рассмотрим базовые эмотивные составляющие концепта «искусство» с позиции их ассоциативного генерирования:

– «низшие чувства» – текстовая реализация концепта «искусство», вызывающая ощущения удовлетворения или неудовлетворения, связанного с естественными, биологическими потребностями: голод, жажда, боль и т. д.;

– «предметные чувства» – осознанные переживания предметного характера, когда чувственное содержание образа становится носителем смыслового содержания;

– «надпредметные чувства» – чувства, которые могут выступать как частные состояния по поводу определенного предмета и как устойчивые мировоззренческие установки: прекрасное, комическое, трагическое, возвышенное;

– аффекты – «сильные кратковременные эмоциональные переживания, сопровождающиеся резко выраженными двигательными и висцеральными проявлениями» [5, с. 169].

Таким образом, концепт «искусство как некая семиотическая система фиксирует глубинные смыслы эмоционально экзистенциализма и функционирует на грани рационального и чувственного, вербализуемого и невербализуемого, осознаваемого и неосознаваемого, поскольку искусство – это область эмоций и настроений в форме их непосредственного переживания. Искусство способно не описать, а выразить эмоции, внушить их личности, повлиять на ее духовный мир. Искусство – это чувственно-образное выражение духа времени и морально-психологического климата эпохи, это такое индивидуально-психическое выражение, которое есть субъективный образ объективного мира, но не отражение природы как таковой, а выражение человеческого понимания природы, квинтэссенция чувств, образов и идей, выражение социальной активности индивида, важнейшее составляющее духовного межличностного общения [6, с. 124].

Концепт «искусство» как эстетическая составляющая художественного текста включает в себе эмоциональный сегмент, приобретающий, согласно замыслу автора, положительное или отрицательное окрашивание. На наш взгляд, истинное произведение искусства представляет собой конфликт содержания и формы, и именно за счет поглощения содержания формой происходит генерирование эмоции в сознании. Иными словами, вызываемые искусством эмоции позволяют интенсифицировать интегрирование в эстетическую реальность художественного текста и имплицитно выразить замысел автора.

Таким образом, справедливо утверждение Л. Выготского, что содержание художественного текста не просто вносится в произведение извне, а создается в нем художником... Во всяком человеческом творчестве есть свои эмоции... Огромную роль играют эмоции в творчестве художественном – образном. Они вызываются здесь самим содержанием и могут быть какие угодно: эмоциями скорби, грусти, жалости, негодования, соболезнования, умиления, ужаса и т. д. Но к ним может примешиваться лирическая эмоция – со стороны, именно со стороны формы, если данное художественное произведение облечено в ритмическую форму, например, в стихотворную или такую прозаическую, в которой соблюден ритмический каданс речи

[1, с. 277]. Эмоциональная составляющая концепта «искусство» позволяет еще более точно воспринять индивидуальную авторскую экспрессию, являющуюся продуктом сознания автора [7, с. 98].

Таким образом, в художественном произведении номинантами эмотивного концепта «искусство» являются структурные компоненты многочисленных метафорических описаний и коннотативные значения слов, словосочетаний и высказываний, которые в свою очередь обнаруживают существование скрытых связей между различными феноменами мира.

Список литературы

1. *Выготский Л.* Психология искусства. М., 1986.
2. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
3. *Вежбицкая А.* Толкование эмоциональных концептов // Язык. Культура. Познание. М., 1997. С. 326-375.
4. *Красавский Н.А.* Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
5. *Леонтьев А.В.* Потребности, мотивы, эмоции. Психология эмоций. Тексты. М., 1984.
6. *Заховаева А.Г.* Искусство и медицина: грани взаимодействия (Искусство, которое лечит истерзанное «Я») // Вестник психотерапии. 2005. № 13. С. 123-129.
7. *Ахиджакова М.П.* Специфические особенности структурирования речи героев в творчестве А. Евтыха // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Филология и искусствоведение. Майкоп, 2009. № 3. С. 95-101.

References

1. *Vygotskiy L.* *Psikhologiya iskusstva*. Moscow, 1986. (In Russian).
2. *Shakhovskiy V.I.* *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka*. Voronezh, 1987. (In Russian).
3. *Vezhbitskaya A.* *Tolkovanie emotsional'nykh kontseptov. Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. Moscow, 1997, pp. 326-375. (In Russian).
4. *Krasavskiy N.A.* *Dinamika emotsional'nykh kontseptov v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh*. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moscow, 2001. (In Russian).

5. Leont'ev A.V. *Potrebnosti, motivy, emotsii. Psikhologiya emotsiy. Teksty*. Moscow, 1984. (In Russian).
6. Zakhovaeva A.G. Iskusstvo i meditsina: grani vzaimodeystviya (Iskusstvo, kotoroe lechit isterzannoe "Y"). *Vestnik psikhoterapii – Bulletin of Psychotherapy*, 2005, no. 13, pp. 123-129. (In Russian).
7. Akhizhakov M.P. Spetsificheskie osobennosti strukturirovaniya rechi geroev v tvorchestve

A. Evtykha. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya i iskusstvovedenie – Bulletin of the Adygeya State University. Series Literature and Art Criticism*. Maykop, 2009, no. 3, pp. 95-101. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.02.2016 г.
Received 10 February 2016

UDC 811

EMOTIVE SPECIFICS OF THE CONCEPT "ART" IN AESTHETIC SPACE OF LITERARY TEXT

Nadezhda Evgenovna MALOVA, Adyge State University, Maykop, Republic of Adygeya, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language as Foreign Department, e-mail: malova.nadejda2014@yandex.ru

The concept research of literary text is studied that let trace dynamics of creative making, reflecting emotionally and socially founded relation of the author to aesthetic subject. Associative nature of thinking is comprehended, objecting in verbal and functional and formal common features and analogies, connecting the phenomenon of conceptualized associative nature of thinking, objectivises in the verbal functional and formal similarities and analogies linking the phenomena of subjective and objective reality, and that these associative relationships are always culturally and emotionally conditioned. It is proved that a diverse implementation of the concept "art" are associated with the feeling and expression of emotional performances, including exteroceptive and interoceptive components that signal the change of man's inner world from the point of view of the importance for him of others of persons, objects, phenomena and events. The concept of "art" forms in the minds of the emotional concept sphere that emotively develops on the basis of the emotional dimension the cognitive-communicative activity and is a result of intellectual interpretation of emotion. It is established that the existence of a emotional picture of the world largely because of emotive competence of linguistic personality of the author of a literary text is realized through the emotives of all language levels, i.e. represented in the form of certain verbalized language unit, acting as a reflection of the inner, mental peace and emotional conjugate of conceptions, perceptions, sensations. It is proved that verbalized the concept of "art" is interpreted as a three-part mental structure, including differentiating features such as concept, image, and rating.

Key words: emotion; concept; affectus; linguistic personality; literary text.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 882+791.43.04

«ВЫБОР» КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ Ю. БОНДАРЕВА И «КИНОТЕКСТ» В. НАУМОВА: «ПОЭТИКА НЕ ДЛЯ ВСЕХ». ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «РАМЗИНСКИЙ» ГРЕХ: ШТРИХИ К ИССЛЕДОВАНИЮ

© Людмила Евгеньевна ХВОРОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного,
e-mail: xworowa.mila@yandex.ru

© Цзоу Хаопин

Институт иностранных дел Биньхай при Тяньцзиньском
университете иностранных языков, г. Тянь-Цзинь,
Китайская Народная Республика, бакалавр,
e-mail: 958834058@qq.com

В части второй данного большого исследования продолжается изучение взаимодействия различных текстовых вариантов. Используются нетрадиционные методы анализа – герменевтический, рецептивный, введенные в научный обиход М.М. Бахтиным, Х.Г. Гадамером, Ж. Женетт, а также интертекстуальный, имеющий непосредственное отношение к «диалогизации» текстов, в данном случае – художественного и кинотекста. В связи с этим существенно расширяется семантический объем уже привычных понятий, сложившихся в практике литературоведения, когда данные методы анализа либо не применялись, либо не актуализировались при исследовании. На уровне актуализации (термин рецептивной эстетики) осмысливается генезис так называемого «рамзинского греха», составляющие его традиционные и привнесенные характеристики. Вскрываются отношения Рамзина с другими персонажами, где центральное место уделено взаимоотношениям с матерью. Отмечены текстовые расхождения и совпадения двух версий – пратекста и интертекста, и рефлексировано, какую именно семантическую нагрузку они несут. Аргументируется на примере ряда произведений русской классической литературы, почему тема денег не является для русской словесности основополагающей, ключевой, в связи с чем сюжетно-смысловые находки Ю. Бондарева как писателя ставятся в один ряд с самыми выдающимися произведениями классики. Осмысливаются философско-психологические и аксиологические грани подтекста бондаревского понятия «выбор»; статус характеристик главных персонажей в их совокупности, соотнесенности друг с другом, взаимоотношениях с миром других персонажей, в разных пространственно-временных категориях. Году кино, продолжающемуся Году литературы, объявленным Президентом Российской Федерации, 75-летию начала Великой Отечественной войны посвящается.

Ключевые слова: текст; интертекст; актуализация; кинотекст; визуальность; рамзинский грех; война; аксиология; подтекст.

В данной работе исследуется взаимодействие, взаимопроникновение искусств визуального и литературного или, проще говоря, «по-бахтински» – «диалогизацией» текстов. Подобные феномены в различных модификациях в поле нашего исследовательского зрения находятся достаточно давно [1–3]. Классическим фундаментом в этом направлении следует считать работы М.М. Бахтина [4], Ж. Женетт [5] и З.Х. Гадамера [6]. Среди со-

временников, косвенно имеющих отношение к подобным размышлениям, следует назвать таких интересных авторов, как Ю.Б. Орлицкий [7] и С.В. Пискунова. Мы имеем в виду ее монографию о грамматике и семантике художественного текста [8] и более поздние работы [9], а также исследования Н.Ю. Назаровой по психосемантике текста [10].

Если в первой части настоящей статьи актуализировался такой аспект рецептивного

анализа, как горизонт ожидания (ГО) [11], то в данной части осмысливается еще один аспект используемого метода – актуализация.

Под актуализацией в данном случае понимается оживление, овеществление детали или эпизода литературного произведения читателем, – превращение мимолетной сценки в развернутую картину, порождающую разветвленную сеть ассоциаций в эмоциях. Как считает Р. Ингарден, актуализация является одним из способов объективации и конкретизации художественного изображения и в определенной степени запрограммирована самим литературным текстом. Читатель слышит и воспринимает, а затем и актуализирует, т. е. овеществляет, оживляет, развивая и дополняя средствами собственной фантазии не любые, а лишь содержащиеся в произведении намеки – детали, черты, слова, образы и т. д.

Рассмотрим данное явление на примере сложного и многоаспектного феномена, который условно назовем «рамзинский грех».

Грех Ильи Рамзина бесспорен, очевиден, отягощен многими обстоятельствами далекого и недавнего прошлого. Он – страдалец, скиталец, грешник, растерявший все духовные нити, потерявший все пути, ведущие к прощению, смирившийся с невозможностью покаяния для себя, поскольку попал в духовный плен своего собственного своеволия, надел, как Достоевский Ставрогин, маску человекобога и сжился с ней настолько, что практически уже мертв. Однако новая, Бондаревская интерпретация (актуализация) идей русской классической литературы заключается в многократном усилении и акцентировании вселенского трагизма, трагизма, так сказать, *вокруг*. Вокруг всех и вся. Рамзина оттолкнули все – и единственный друг, и любимая в прошлом женщина, и самое главное – мать. Сцена встречи с матерью – одна из самых сильных и сложных в русской классике вообще. Она многопланова, с множеством смысловых оттенков. Но самая очевидная ее сложность заключается, прежде всего, в том, что в ней, как представляется, все-таки нет разрешения, нет развязки конфликта, нет окончательно поставленной точки, хотя она и многопланова. Все это объяснимо потому, что читатель и зритель привык видеть, как в большинстве случаев, прежде всего цепь событий, разрешение событийной

напряженности и, как это ни прискорбно, чисто обывательски – житейское, а в лучшем случае – социальное разрешение конфликта или системы конфликтов, а не перипетии сложного внутри психологического – целого.

Между тем, как в русской классике, так и в русском классическом кинематографе в шедевральных примерах (а творчество, как Ю. Бондарева, так и В. Наумова, является именно таким), так не бывает фактически никогда. На наш взгляд, и роман, и его визуальная версия – это масштабные, эпохальные достижения русской и мировой культуры как в эстетически-художественном, так и в духовном, христианском смысле. Последний аспект помогает со всей очевидностью обнаружить именно экранная, визуальная интерпретация.

В сердце матери мелькнул лучик сердечности, теплоты к сыну, но, в конечном счете, победило чувство, если можно так выразиться, более «удобное». Можно, конечно, здесь высмотреть привычную рецепцию «советско-социального» стереотипа, с точки зрения которого герой не может быть прощен, поскольку «был в плену» и не вернулся на Родину, не давая о себе знать никому, даже матери, уже изначально навешивало некую печать отчужденности и враждебности во взаимоотношениях двух самых близких людей друг с другом. Но в данном случае тема предательства у Ю. Бондарева, конечно, более сложная, даже, вероятно, настолько сложна, что восходит как к библейским источникам, так к и рецепции предательства как явления вообще русским духовным сознанием. Здесь необходимо дифференцировать две линии – линию Ильи и линию матери. Их, разумеется, нельзя откровенно развести, но и полностью слить нельзя тоже, ибо это ведет к упрощению.

Никто не спорит, что в художественно-философском пространстве сцены с матерью Илья потрясающе виноват, исчезнув на полвека, а теперь, появившись из небытия, предлагая ей деньги. Эта деталь найдена Ю. Бондаревым гениально. Почему? Потому, что именно она является неким «водоразделом», отличающим систему ценностей, именно русского ментального сознания. Деньги – не магистральная тема русской классики; в русской классической литературе душа никогда не продается, а если и продается, то это оз-

начает ее крах. В ней никогда счастье не достигается материальным достатком, в ней нет меры благополучия степени накопления земных богатств, выходящего на первый, как сюжетный, так и поэтико-философский план, а степень «положительности» и даже «отрицательности» героев измеряется совсем не «золотым тельцом». Вот почему убийца Раскольников в «Преступлении и наказании» благороднее мерзавца Лужина, а Дуня не может принять деньги для спасения своего несчастного брата с целью бегства за границу и ухода от возмездия по предложению Свидригайлова. Свидригайлов, в свою очередь, готов положить все свое состояние за любовь к Дуне, несмотря на намеки автора на убийство своей жены. По той же причине презираем Минский из пушкинского «Станционного смотрителя», пытающийся просить прощение у несчастного старика за «воровство» дочери. И никакие роскошные апартаменты не могут оправдать его поступок, а Дуня, в свою очередь, не сможет быть счастливой без глубокого покаяния, что и происходит в финале повести. Не случайно Пушкин, завершая повесть, руками Дуни отдает деньги попу за уход за могилой, а практически одновременно саму Дуню отправляет на могилу отца для так необходимого для нее действия. Без учета этой ключевой детали для русского самосознания и русской классики невозможно понять, почему взбалмошная и роковая Настасья Филипповна из «Идиота» кидает пачку денег в огонь, все же уезжая при этом с Рогожиным. Сам же купец Рогожин, в свою очередь, хоть и внешне вроде бы пытается «купить» предмет своей роковой страсти, однако никогда не будет мстить Настасье Филипповне именно за этот, безрассудный поступок, несмотря на свое купеческое мировосприятие. Да и не «покупает» он Настасью Филипповну пачкой денег – его поступок сложнее и многомернее обычной купли-продажи. Никакими деньгами, знатностью, расчетливостью, светскими условностями невозможно удержать Анну Каренину около нелюбимого мужа. И даже беспутную, окончательно духовно погубившую себя еще до физической смерти Катерину Измайлову гонит в бездну отнюдь не туго набитый купеческий кошелек.

Как видим, яркие характеры русской классики, мягко говоря, совсем не идеальны

в своих поступках на жизненной стезе, а всех перечислить просто невозможно.

В небольшой по объему сцене встречи Ильи Рамзина с матерью, точнее, в эпизоде передачи денег (именно с этого момента круто изменилось ее душевное состояние и настроение), автор словно бы концентрировал всю основополагающую идею русской классики, точнее говоря, ее цементирующий фундамент. Быть может, это и есть то самое главное, без чего нельзя до глубин понять отечественную словесность; не ощущая этого, невозможно осуществить и ее как адекватное прочтение, так и адекватный перевод на другие языки. Не понимая этого, невозможно понять русскую душу как индивидуума, так и целого народа. В недрах же неприятия и непонимания достаточно легко ткется и негативный пиар как на отдельного человека, так и на Россию в целом. В советском миропредставлении сущность негатива «денежного предательства», самого мерзкого «Иудиного греха» осталась, лишь облеклась в узкосоциальную форму, неизбежно упростили и величие бондаревского шедевра.

Глубинный смысл поступка героя скрыт в том, что именно здесь окончательно понятно, что Илья перестал быть русским. Когда этот процесс начался – другой вопрос. Важно, что для писателя самая большая трагедия рамзинского греха лежит в этой, отнюдь не однолинейной плоскости. Здесь и тот самый «выбор».

Как уже отмечалось выше, линия матери здесь как соприкасается с линией Ильи, так и существенным образом расходится с ней. Ей «удобно» и привычно осмысливать сына убитым, умершим, но некомфортно и даже неприятно видеть его старым, седым, измученно-усталым, застывшее-безразличным. Впрочем, авторы фильма находят спасительный прием, который движет в сторону оправдания всех «участников» сцены встречи – и матери, и Васильева, и самого Рамзина – это прием недосказанности, а в каких-то случаях – и откровенной тайны: зритель не знает, что было с ним в прошедшие годы, кроме как с его скупых, в то же время исчерпывающих слов: «Попил все вина мира, и покурил сигареты всего света. И спал с женщинами всех марок». Такая формулировка собственной жизни, между прочим, свидетельствует о сохранившейся способности Рамзи-

на, по крайней мере, обобщать свои поступки, а возможно, где-то в тайниках своей души и давать им оценку.

«Второе пришествие» Ильи в романе и ретросюжет, связанный с ним, – необходимый повод к началу духовного преображения Васильева, к его духовному выздоровлению.

История с Ильей своего рода лакмус для Васильева. В русской классической литературе подобное уже было и не раз. Самый яркий пример – рисунок характера Раскольникова («Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского). У этого характера тоже есть некие «двойники», хотя для нас этот вопрос спорный и достоин серьезной исследовательской аргументации на уровне, прежде всего логики текста романа. Так или иначе, но Раскольников – *один* (с точки зрения ключевых событий в сюжетной цепи, и это принципиально важно для автора романа и для решения поставленных им задач. Его возрождают и преображают страдания, воскрешая в его сердце любовь к Соне. Что же в нашем случае?

В «Выборе» черты одного героя переданы как бы двум лицам – Васильеву и Рамзину. Рамзин – словно «половина» существа Васильева, его возможное и страшное развитие в плену своего своеволия, без Родины, не только как духовного пространства, но прежде всего географического. Есть примечательный эпизод, с которого берет начало вектор развития трагедии Васильева: *«За блестящей чернотой его глаз стояло выражение непреклонности, выражение, которое появилось у него после оскорбительного объяснения с майором Воротюком на высоте. Это был словно бы незнакомый Илья, раздавленный, обвиненный в трусости, несостоятельности офицера, не оправдавшего своего нового назначения, и все унижающая несправедливость командира полка, не желающего знать никаких причин, и собственная вина от того, что не сумели остановить танки на участке железнодорожного переезда, и злость на Воротюка за то, что он оставил этот участок оголенным, не прикрыв батарею ни взводом, ни отделением пехоты, и невыполнимый приказ вытащить орудия из окружения, и вот это возвращение к месту ночного боя подточили и перевернули что-то в Илье. И стоячая пепельная жуть в его глазах, выражение решимости*

на любое действие, лишь бы доказать свое и восстановить недавнее к себе уважение, передавались Владимиру нервным, морозящим током и объединяли его с Ильей одним выходом в неизмеримую темноту последнего шага, где еще могло быть чудо, везение, некая роковая случайность. Но все стало отчужденным в Илье, и злая, отталкивающая острота исходила от него» (выделено нами. – Л. Х., Ц. Х.) [12, с. 179].

Обращает на себя внимание та деталь, что писатель рассказывает именно об Илье, о сложнейшем психологическом сломе, который окажется ключевым для всей его дальнейшей судьбы, но в какой-то момент *как бы* неожиданно душевное состояние Васильева словно налагается на рамзинское; темная, злая сила вторгается в его душевный мир, сливаясь с ним, причем возникает именно затмение «духовного зрения», сознания: «стоячая пепельная жуть в глазах», «нервный, морозящий ток» объединили, слили Васильева и Илью в некое страшное, отчужденное друг от друга, но в то же время единое-целое. И завершается эта авторская характеристика снова Ильей, от которого исходила «злая, отталкивающая острота». Выделенное определение, думается, ключевое. Герои, которые с детства были неразлучны, вместе приняли роковую трагедию, уйдя добровольцами на фронт, перенося плечом к плечу все ужасы военных ситуаций, теперь оказались отчуждены друг от друга, причем, несмотря на, скажем так, «спаянную» духовную трещину, внутренне оттолкнул Илью Владимир, а не наоборот. Более того, утонченный, практически неуловимый психологический нюанс, гениально найденный Ю. Бондаревым, заключается в том, что как раз Илья-то и, спустя годы, не утратил симпатии к своему другу, продолжая считать его чистым, по-детски наивным. Так вот, думается, именно данный, описываемый момент запечатлел начальное мгновение духовного регресса обоих героев. Это очень выпукло продемонстрировано в визуальной версии: на фоне замедленного, «плывущего» кадра герой Васильева изо всех нечеловеческих сил тащит орудие, которое ему не поддается с выражением нереального, безумного, какого-то поистине сатанинского взгляда, передающего и отчаяние, и презрение, и безысходность, и обиду за только что погибшего, по

его разумению друга, и невозможность что-либо поправить и изменить. Иными словами, в данный момент *погибают оба*. С такими же нечеловеческими усилиями он переносит всех погибших в одну общую траншею, чтобы похоронить. Впоследствии Васильев пишет картину, где воспроизводит этот страшный сюжет. Обладая высокой творческой интуицией художника, он среди мертвых, рядом с Ильей, неслучайно кладет и себя, словно мертвого. Тем самым возникает символическая картина общей смерти, примиряющей некогда разобщенных и отчужденных друг от друга людей, которых свело друг с другом одно страшное горе, страшная беда – война. И совсем не случайно авторы визуальной версии демонстрируют «живую картину» многократно, убрав цвет, подчеркивая духовную «мертвенность» роковой ситуации.

Сюжетное развитие романа не было бы самобытно убедительным, если бы автор не предоставил бы обоим героям «свыше» возможность преображения. И она обнаружилась с появлением в жизни Васильева Ильи через много лет. По отношению к последнему он его использует лишь частично, поскольку духовного примирения между ними нет, хотя ощущение вины постоянно и настойчиво, даже назойливо преследует Васильева всю жизнь. Здесь работает знаменитый христианский тезис, многократно используемый Ф.М. Достоевским: «всяк за всех и вся виноват».

Резюмируя психологический и духовный крах Ильи, писатель констатирует: у него было «лицо приговорившего себя к мучительной гибели святого» [12, с. 175]. Илья «приговорил сам себя, и в этом полярная разница. Перевернутость «библейского текста» очевидна на протяжении всего романа писателя, а в интертексте В. Наумова это живописуется через многоуровневый поток сознания, переданный с помощью авторских приемов и кинематографических эффектов и возможностей.

Как известно, духовному краху героя предшествовала история взаимоотношений Ильи и старшины Лазарева, переросшая в откровенный, жестокий конфликт. Фамилия героя кажется не случайной, взятой из Писания – притчи о Воскресении Лазаря, свидетельствующей о Величии Бога. Как известно,

в ней делается акцент на необходимости через дела отражать Христовы качества.

Представляется, что притча проявляет себя в качестве скрытого и перевернутого интертекста в сюжете романа и его визуальной версии. Это просматривается, по крайней мере, дважды и касается опять-таки как Рамзина, так и Васильева, как его, скажем так, «смыслового двойника». Сначала «перевернутый» интертекст притчи о воскресении Лазаря очевиден в кульминационном разрешении событий, играющих важнейшую психологически-событийную роль для Рамзина. Во всех отношениях превосходящего своего соперника по многим качествам (красивый, статный, сильный, удачливый, он ни в какое сравнение не идет с бывшим уголовником, озлобленным, завистливым и мстительным Лазаревым), Рамзин, мог бы, уподобившись Христу, простить, сделать попытку примириться с ним, своего рода «воскресив» его. Таким образом, однако, происходит прямо противоположное: Рамзин убивает Лазарева, совершая, помимо страшного греха – убийства как такового, еще более усугубляющий тяжкий грех – убийство «своего» на войне.

Далее словно бы «зеркальное» развитие притчи происходит, когда духовно мертвый Рамзин возникает из небытия, спустя годы. Теперь он нуждается в такой же помощи, как некогда Лазарев. В соответствии с содержанием притчи, Христос «помогает» Васильеву, выбрав «нужное время и нужное место». От Васильева требуется, кажется, немного: протянуть руку помощи, понять, посочувствовать. Смог ли он это сделать? В этом психологический, да и аксиологический смысл всего романа.

В Интернете высказывается мнение (и оно далеко не единственное), что роль Васильева актером М. Ульяновым сыграна бледно. Позволим себе с этим категорически не согласиться.

Михаил Ульянов не сыграл плохо; он – актер такого масштаба и таланта, что просто не сможет сыграть «никак». Он выглядит таким размытым, «бледным» и многим непонятным потому, что *именно это* он и показывает. Таков Васильев теперь, спустя десятилетия после войны: и актер, и режиссер это прекрасно увидели. Он внутренне отчужден от себя, от мира, от жены, от дочери и даже от искусства. Васильев – психологически

уставший человек, а это принципиально больше, чем просто уставший. Между прочим, и с отцом он видится редко, предпочитая передавать ему *деньги* – еще одна косвенно схожая деталь, сближающая его с Рамзиным. Это не актуализируется в киноверсии, зато откровенно сказано в романе. Более того, на актера режиссеры возложили серьезную нагрузку – он должен был свой собственный духовный апокалипсис показать самим собою, своим обликом, поведением, взглядом, жестом, интонацией, и это ему как раз блестяще удалось. Ведь в визуальной версии, как в пратексте, нет «васильевской предыстории» – той цепи событий, которая предшествовала встрече двух некогда очень близких друзей и которая «помогает» читателю настроиться на адекватное понимание этого сложного характера. Трагизм этих характеров заключается в том, что при внешней, вполне очевидной, казалось бы, противопоставленности героев, о чем многократно писало советское литературоведение, у них масса схожих черт. Нет сомнения, что Васильев добрее, мягче, деликатнее Рамзина, но сложность воплощения характера первого заключается еще и в том, что жесткость, гордыня, психологическое безразличие ко всему и ко всем окружающим, и даже откровенное их презрение, словно как бы размыто сюжетно, а внешне выглядит вполне прилично как в пратексте, так и в киноверсии. К тому же они не поданы суммой фактов, как в случае с Рамзиным. Но самая важная черта, отличающая Васильева от сидящего напротив него Рамзина, – это способность *понимать, что все происходящее как с ним, так и вокруг, катастрофично*, мучиться этим и интуитивно искать выход к изменению ситуации. Вот тут-то как раз на помощь Васильеву–Ульянову приходит оригинальная форма визуальной подачи бондаревского романа. Авторы не просто иллюстрируют текст писателя – это было бы примитивно, они делают гораздо большее, выдающееся и даже гениальное – визуализируют его, а именно визуально воспроизводят всю словесную ткань романа, фактически «показывая» то, что в романе выражено словом. Это – одна из новых, новаторских, «инновационных» – как угодно – вариантов синтетического единства разных видов искусств, появившаяся в середине XX столетия в русской классической

культуре, причем не во всей и не у всех. И это не только синтез кинематографа и литературы, но еще музыки, живописи архитектуры и, пожалуй, театра (в некоторых деталях).

Итак, в данном случае мы видим актуализацию, оживление, овеществление целого литературного произведения, с одной стороны, интерпретатором (интертекстуальным соавтором В. Наумовым), с другой стороны – исследователем (читателем). Интерпретатор, а вслед за ним – исследователь (читатель) допускает превращение художественного текста Ю. Бондарева в сложную разветвленную картину, основанную на взаимодействии текстов, порождающую расширенную сеть ассоциаций как в цепи логических умозаключений, так и в эмоциях. Прочитав текст, интерпретатор слышит, воспринимает и актуализирует, развивая и дополняя средствами собственной фантазии, содержащиеся в произведении намеки – детали, черты, слова, образы и многое другое.

Список литературы

1. *Хворова Л.Е., Савенкова Т.О.* Синтез искусств в русской и европейской литературе и попытки его формулирования в публицистике В.М. Шукшина (контуры проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып 12 (104). С. 680-683.
2. *Хворова Л.Е.* Английская романистика на российском экране: Ч. Диккенс и У. Коллинз (к проблеме текстовой прецедентности, межкультурной и межвидовой коммуникации). Матеріали Міжнародних Науково-Мистецьких конференцій і конференцій «MagIa культур»: гортаючи сторінки світової культури. Київ, 2012. С. 101-107.
3. *Хворова Л.Е.* «Выбор» как «художественный текст» Ю. Бондарева и «кинотекст» В. Наумова: поэтика «не для всех». Часть первая: Рецепция и «диалогизация текстов» как теоретический базис исследования синтетических жанров // Профессиональная коммуникация: актуальные проблемы преподавания и исследования / под ред. О.А. Дроновой. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016.
4. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
5. *Женетт Ж.* Работы по поэтике: Фигуры. М., 1988. Т. 1-2. 944 с.

6. Гадамер З.Х. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
7. Орлицкий Ю.Б. Ритмическая уникальность Цветаевской прозы. Материалы Международных Научно-Мистецьких конференций и конференций «Магія культур»: гортаючи сторінки світової культури. Київ, 2012. С. 77-89.
8. Пискунова С.В. Тайны поэтической речи (грамматическая форма и семантика текста): монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002.
9. Пискунова С.В. Семантика аргументации в информационном поле художественного текста // Вестник Российского университета дружбы народов: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2012. Вып. 4. С. 70-76.
10. Назарова Н.Ю. Особенности психологической семантики в художественном тексте // Text. Особенности порождения и восприятия Literary work. Reader: materials of the II international scientific conference on May 20–21, 2014. Prague: Vědecko vydavatelské centrum “Sociosféra-CZ”. С. 17-23.
11. Ингарден Р. Исследования по эстетике: пер. с польского А. Ермилова, Б. Федорова. М.: Иностранная литература, 1962. 555 с.
12. Бондарев Ю.В. Выбор // Бондарев Ю.В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1984–1986. Т. 5.
3. Khvorova L.E. “Vybor” kak “khudozhestvennyy tekst” Yu. Bondareva i “kinotekst” V. Naumova: poetika “ne dlya vsekhn”. Chast' pervaya: Retseptsiya i “dialogizatsiya tekstov” kak teoreticheskiy bazis issledovaniya sinteticheskikh zhanrov. *Professional'naja kommunikacija: aktual'nye problemy prepodavaniya i issledovaniya*. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2016. (In Russian).
4. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow, Iskustvo Publ., 1979. (In Russian).
5. Zhenett Zh. *Raboty po poetike: Figury*. Moscow, 1988, vol. 1-2. 944 p. (In Russian).
6. Gadamer Z.Kh. *Istina i metod. Osnovy filozofskoy germeneytiki*. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p. (In Russian).
7. Orlicskiy Yu.B. *Ritmicheskaya unikal'nost' Tsvetaevskoy prozy Materiali Mizhnarodnikh Naukovo-Mistets'kikh konferentsiy i konferentsiy “MagIya kul'tur”*: gortayuchi storinki svitovoi kul'turi. Kiiiv, 2012, pp. 77-89. (In Ukrainian).
8. Piskunova S.V. *Tayny poeticheskoy rechi (grammaticheskaya forma i semantika teksta)*. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2002. (In Russian).
9. Piskunova S.V. Semantika argumentatsii v informatsionnom pole khudozhestvennogo teksta. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Russkiy i inostranny yazyki i metodika ikh prepodavaniya*. 2012, no. 4, pp. 70-76. (In Russian).
10. Nazarova N.Yu. Osobennosti psikhologicheskoy semantiki v khudozhestvennom tekste // Text. Osobennosti porozhdeniya i vospriyatiya Literary work. Reader: materials of the II international scientific conference on May 20–21, 2014. Prague, Vědecko vydavatelské centrum “Sociosféra-CZ”, pp. 17-23. (In Russian).
11. Ingarden R. *Issledovaniya po estetike*: per. s pol'skogo A. Ermilova, B. Fedorova. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1962. 555 p. (In Russian).
12. Bondarev Yu.V. *Sobranie sochineniy: v 6 t.* Moscow, 1984–1986, vol. 5. (In Russian).

References

Поступила в редакцию 10.02.2016 г.
Received 10 February 2016

UDC 882+791.43.04

“CHOICE” AS LITERARY TEXT OF Y. BONDAREV AND “FILM TEXT” OF V. NAUMOV: “POETIC MANNER NOT FOR ALL”. PART TWO. “RAMZIN’S” SIN: STROKES FOR RESEARCH

Lyudmila Evgenevna KHVOROVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian as Foreign Language Department, e-mail: xworowa.mila@yandex.ru

Zou Haoping, Binhai Foreign Language Institute at Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, People’s Republic of China, Bachelor, e-mail: 958834058@qq.com

In the second of part of this research we continue the study of different text variants interaction. Non-traditional analysis methods are used: hermeneutics, receptive, introduced to scientific use by M.M. Bakhtin, H.G. Gadamer, G. Genette, and also inter textual, having concern to “dialogization” of texts, in this case literary and film text. Semantic scope of accustomed notions, built in practice of literal studies is spreading significantly. When these methods were not applied or were not actualized during research. At the level of actualization (receptive aesthetics term) genesis of “Ramzin’s sin” is considered, its componential traditional and introduced characteristics. The relation of Ramzin to other characters, where the central place is given to relations with mother are revealed. Text divergence and cohesions of two versions – great-text and inter-text, an reflected which semantic influence they bear. Basing on the examples of Russian classical literature it is proved why the theme of money is not basic for Russian literature, so plot and sense findings of Y. Bondarev as a writer is in one row with other outstanding classical works. Philosophic-psychological and axiological borders of Bondarev’s implied sense of “choice”; the status of main characters’ characteristics in general, relatedness with each other, relations with world of other characters in different spatial-time categories. It is devoted to the Years of Cinema, continuing Years of Literature, announced by the President of Russian Federation, 75 anniversary of Great Patriotic War.

Key words: text; inter-text; actualization; film text; visuality; Ramzin’s sin; war; axiology; great-text.

УДК 81'373.235

ТАМБОВСКИЙ ВОЛК. К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОЧЕТАНИЯ И РЕГИОЛЕКТНОГО ИДЕНТИФИЦИРУЮЩЕГО СИМВОЛА

© Алексей Алексеевич БУРЫКИН

Словарный отдел Института лингвистических исследований
Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник, e-mail: albury@rambler.ru

Рассмотрены словосочетания с топонимическим компонентом, претендующим на роль фразеологической единицы, речевой фигуры, культурного символа и регионального бренда. На богатом материале сопоставления словосочетаний *тамбовский волк* и *брянский волк* доказываем, что сочетание *брянский волк* имеет принципиально иную историю в русском языке второй половины XX – начала XXI в. Сочетание *брянский волк* встречается намного реже (36 контекстов), и вся его история сводится к повторению одной или двух цитат. Устанавливается, что именование *тамбовский волк* принадлежит XX в., зафиксировано в 262 контекстах, оно в максимальной мере или с максимальной вероятностью связано с народной речью и событиями крестьянской истории, а в стилистическом плане – в наибольшей мере связано с просторечием, жаргоном, языковой культурой речевых штампов, заимствуемых из любых доступных источников. Не случайно оно получает распространение внутри звучащих кинотекстов, где претерпевает те же трансформации, что и в письменных текстах. Установлена самая ранняя фиксация этого словосочетания с абсолютной датой – 1912 г. (Новиков-Прибой А. Порченный) позволяет соотносить устойчивое сочетание *тамбовский волк* не с этапным или лагерным конвоем, а с крестьянами Тамбовской губернии – сначала искавшими работу, потом с восставшими.

Ключевые слова: диалектная фразеология; тамбовский волк; брянский волк.

Отношения между локальной лингвокультурной символикой и ее потенциальными архетипами, диалектной фразеологией и новыми явлениями современного русского литературного языка, дающими знать о себе на протяжении последних двух столетий, представляют собой совершенно не исследованную область в теории лексики и фразеологии и предстают перед исследователями в виде достаточно большого объема разнородного филологического, исторического и этнографического материала. Количественный недостаток иллюстративных примеров и относительная субъективность их выбора и подачи создает большие трудности для определения мест подобных единиц в системе языка, и в еще большей степени – для изучения генезиса и истории соответствующих единиц. Вместе с тем рассмотрение таких единиц вписывается в контекст исследования диалектных и региональных лексических единиц в лингвокультурном аспекте [1], хотя бы внешнем, связанном с образом территории, а не внутреннем, отражающем часть ее собственной культуры.

Настоящие заметки представляют собой опыт рассмотрения таких словосочетаний с

топонимическими компонентами, претендующих на роль фразеологических единиц, речевых фигур, культурных символов разного уровня и региональных брендов. В данной работе мы ограничимся одним примером – словосочетанием *тамбовский волк* и брянский волк как контекстным синонимом фраземы *тамбовский волк*. Источником материала для работы служит электронный ресурс «Библиотека лексикографа», разработаемый автором с 2008 г. [2, с. 5-28].

Словосочетание *тамбовский волк*, вошедшее в особую моду в 1990-х гг., по данным «Библиотеки лексикографа», зафиксировано в 262 документах. К сожалению, предположительно наиболее ранние фиксации этого словосочетания представлены в документах позднего времени с исторической ретроспективой: ср.

«Партизаны и весь народ Тамбовской губернии произвели большое впечатление на красных своею самоотдачей и стойкостью в бою, а также бесстрашием, повергнув в изумление красных, которые говорили про них: «Они не щадят себя в бою, а также и своих детей и жен, смело бросаясь на пулеметы, как волки». Именно тогда и пошло

гулять это выражение по всей стране «тамбовский волк» (Сенников Б.В. Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 г., 2004).

Здесь представлена одна из историко-этимологических версий появления этого сочетания, убедительная, но, во-первых – не единственная, во-вторых – поздняя, в-третьих – связанная с топикой источника. Еще один пример косвенно подтверждает исторический контекст появления такого именованья, но также является оторванным во времени от событий, которые могли инициировать именование восставших тамбовчан тамбовскими волками: «...председатель сельсовета с понятой учительницей входит в избу, где лежат на полотах старик и старуха (старик тот прежде чайную держал, ну как не мироед? – никто ведь не хочет с дороги горячего чаю!) и трясет наганом: «слезай, тамбовский волк!» (Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ, ч. 6, 1968).

Самая ранняя из фиксаций этого словосочетания с абсолютной датой такова: «Эх вы, тамбовские волки! – насмешило заговорил Петр, взявшись сам за дело. – Вам, видно, не чай пить, а только щи хлебать осметком!» (Новиков-Прибой А. Порченый, 1912). В этом примере данное словосочетание служит средством территориального именованья персонажей.

Другие примеры употребления словосочетания *тамбовский волк* распадаются на две неравные группы. Меньшинство из них составляют именованья волка, реальные или потенциальные именованья жителей Тамбовской области или – посредством связей с криминальной сферой – наказанных преступников, ср.

«Нету яблук! Братцы, вот несчастье! Мочи нету взять такое в толк.

Где-то слышал я, что в одночасье яблоки пожрал тамбовский волк» (Иванов А. Плоды вдохновения, 1983);

«В чем проявляется патриотизм в человеке? Для начала вспомним серого тамбовского волка – он ведь тоже большой патриот дремучего леса, но дальше своего логова зверь ничего не видит» (Пикуль В. Интервью, мысли, записи, 1990);

«Удивительное предложение. Но уж если ставить <памятник М.Н. Тухачевскому. – А. Б.>, так в тамбовском лесу. В противопога-

зе. Чтобы не только люди, но и тамбовские волки, которых он заодно с людьми газами душил, его не забывали» (Суворов В. Последняя республика, 1995).

«Мы культурно свет не застим,

Взять судьбу не можем в толк.

И поет нам: С новым счастьем!

Наш парторг – тамбовский волк» (Галич А. Вечерние прогулки, 1977);

«Да, жаль, конечно, Быстрякова, очень жаль. А хоронить его где будут? – Повезут в деревню под Тамбов. Он же оттуда, тамбовский волк» (Воронин А. Победитель всегда прав, 2002).

«Шидловский, кстати, тоже из нашего города, тамбовский волк...» (Березин М. Пришла беда, откуда не ждали, 2009).

Имеются случаи, когда словосочетание *тамбовский волк* заменяет лексему *волк* в известных фразеологизмах типа *смотреть волком, голодный, как волк*. Ср.:

«Ты, Толик, не смотри на меня тамбовским волком, – сказала она...» (Александрова Н. Коварство и свекровь, 2006); *«Ай, бросьте, я же по глазам вижу, что вы голодный как тамбовский волк»* (Беленький М. Тоже ведь книга, 2006). *«Тогда вперед! Я проголодался, как тамбовский волк. Кстати, кто-нибудь знает, почему тамбовский волк всегда считался куда более голодным, нежели брянский? – глубокомысленно спросил он, подвигая дамам стулья»* (Леонов Н., Макеев А. Бог огненной лагуны, 2008).

После выхода на экраны в 1955 г. фильма «Дело Румянцева» (авторы сценария Ю. Герман и И. Хейфец) в языковой обиход вошла цитата из этого фильма, относящаяся к такому типу фразеологических единиц, какой не входит в известные классификации фразеологизмов – это диалоговая структура, в которой реакцией собеседника на слово *товарищ* служит ответная реплика «*Тамбовский волк тебе товарищ*».

Исходный текст отражен одним из словарей: «*Да, товарищ капитан, что я могу сказать? – Я вам не товарищ. Тамбовский волк вам товарищ!*» [3, с. 742]. У самого Ю. Германа интересующие нас слова выглядят так: «*И, кстати, я вам не товарищ, а гражданин начальник, потому что ваши товарищ не кто иной, как тамбовский волк!*» (Герман Ю. Один год, 1960).

Примеры употребления этого цитатного выражения: «Тамбовский волк тебе товарищ / и друг, / когда ты со стены срываешь / подаренный пенджабский лук!» (Вознесенский А. Стрела в стене, 1963). «Да вы что, товарищи! Что вы! Никакие мы не жулики! Мы спички искали. Я батю своего ищю и маму! – тонким голосом закричал Пашка. ... – Тамбовский волк тебе товарищ! Батю он в кабине ищет, видали!» (Дворкин И. Бурное лето Пашки Рукавишникова, 1969). «Ты спешишь? – А ты остришь? Вот видишь – почувствовал наконец себя начальником над товарищем. – Тамбовский волк тебе товарищ. Были мы с тобой товарищами» (Крелин Ю. Хирург, 1973); «Понятно, товарищ... – поспешно сказал Багиров. – Отставить «товарищ»! Тамбовский волк тебе товарищ! Ты знаешь, на кого вчера руку поднял?» (Незнанский Ф., Тополь Э. Журналист для Брежнева или смертельные игры, 1981); «Товарищ сержант... – Не товарищ, а гражданин, – перебил его дубак, – твой товарищ – тамбовский волк. Чаво?» (Габышев Л. Одлян, или воздух свободы, 1983); «Товарищ инспектор... – Тамбовский волк тебе товарищ, а я – господин старший инспектор! – перебил Крячко» (Леонов Ник. Плата за жизнь, 1994); «Один показал на портрет вождя и учителя, спросил: – Кто это? – Это товарищ Сталин. – Тамбовский волк тебе товарищ. Рассказывай, чего против него замышлял?» (Фрид В. 58 с половиной или записки лагерного придурка, 1996). – «Тамбов? А мы недавно фильм смотрели, там один дядя другому говорил: «Тамбовский волк тебе товарищ». Папе очень понравилось» (Лихачев В. Кто услышит коноплянку, 2001).

Трансформации этого выражения, служащие средством обогащения фразеологического репертуара [4], встречаются очень рано, и они однотипны – сводятся к замене слова товарищ различными, в т. ч. контекстуальными синонимами, ср. «Он был жалок до отвращения. «Дерьмо», – обругал его Канашев про себя». «Мы друзья при любой погоде, конечно. Но... «Тамбовский волк тебе друг», – подумал Канашев» (Кочин Н. Девки, 1958). «Ну здравствуй, братец. – Сказал граф. – Тамбовский волк тебе братец, ублюдок! – проворчал Старков, злобно глядя ему в глаза. – Ну, во-первых, это ты – ублюдок, –

миролюбиво заметил Дракула. – А тамбовский волк – он мне не братец, а двоюродный племянник» (Скирюк Дм. Безумие в стиле раритетного киберпанка, 1993). «Колобок не стал терять времени даром. Он вскочил на ближайший пенек и произнес: – Друзья! – Тамбовские волки тебе друзья! – нестройно ответили туристы» (Успенский Эд. Следствие ведут колобки, 1993). «Привет, коллеги, митингуете? – Гуров пожал всем руки. – О чем, если не секрет? – Тамбовский волк тебе коллега...» (Леонов Ник. Наркомафия, 1994); «Правда, на обращение «Послушай, подруга», Лариса услышала: «Тамбовский волк тебе подруга!» (Трускиновская Д. Комбине дозволено все, 1995); «Гражданин отдыхающий, можно к вам обратиться? – Тамбовский волк тебе – гражданин отдыхающий, – ответил ученый. – Чего тебе надо?» (Успенский Эд. Любимая девочка Дяди Федора, 1997); «Мужики, – выдавил Гера, – вы что, мужики? – Тамбовский волк тебе – мужик, – зло откликнулся Пирогов, усаживаясь за руль» (Первушин А. Миротворцы, 1999); «Ну, что же вы стоите? Присоединяйтесь, господа! – Тамбовский волк тебе господин, – не смог удержаться от возгласа Глеб Сергеич» (Демидова С. Мужчина-подарок, 2006); «Грубый Хохлов, когда его называли «дядей Митей», всегда говорил: «Какой я тебе дядя? Тамбовский волк тебе дядя!» (Устинова Т. Гений пустого места, 2006).

Цитатный характер данной речевой фигуры нередко специально отмечается в текстах, ср.: «Ну, и какое у вас о нем сложилось впечатление? – никак не отреагировал на «товарища» товарищ майор, хотя мог бы ответить классически: «Тамбовский волк тебе товарищ». Значит, пока «товарищ» прошел обоюдно» (Штерн Б. Эфиоп, или последний из КГБ, 1997); «Все, паря, ты уже не наш! Ты теперь не мент, ты – мусор. Ты больше не товарищ, а гражданин... В нашем случае слово «гражданин» тоже не содержит никакого высокого смысла. Оно тоже отторгает «бывшего» от мира «товарищей». И где-то на задворках памяти слышится избито-привычное: тамбовский волк тебе товарищ. Ты не наш, ты не с нами. Кто не с нами, тот против нас» (Константинов А. Бандитский Петербург, 1998); «Послушайте, товарищ майор... Но с моего языка сорвались где-то прочитанные слова:

– *Тамбовский волк тебе товарищ!*» (Донцова Д. Маникюр для покойника, 2000); *«Неудивительно, что Званцев имел философский склад ума, не обращал внимания на мелочи и не стал напоминать Рогожкину, что его товарищ – тамбовский волк. Зачем ссориться с обвиняемым? «Товарищ» так товарищ»* (Корецкий Д. Найти шпиона, 2008).

Визуализации и вторичные номинации с использованием словосочетания *тамбовский волк* уже обыгрываются специально: *«По дороге ничего особенного не будет. Волка не ждите. – Волка, какого волка? – Ну как, – тамбовского. – Жалко, – засмеялась Анна. – Я думала посмотреть, что за зверь такой. – В городе памятник ему есть и ресторанчик открыли – «Тамбовский волк». Огурцы там наши идут хорошо. А так я восемь лет здесь живу – волка не видела»* (Москвина Т. Она что-то знала, 2007).

По материалам словаря А.Ю. Кожевникова, речевая фигура *Тамбовский волк тебе/вам товарищ* и ее трансформы встречается в целом ряде кинофильмов, причем даже ранее картины «Дело Румянцева»: «В фильме «Адмирал Ушаков» (1953) Потемкин, наблюдая за одним из матросов, восклицает: «Волк тамбовский!» («Адмирал Ушаков», Потемкин). Ср.: *«Тамбовский волк вам товарищ! Я для вас – гражданин капитан, ясно!»* («Дело Румянцева», эпизод). Ср.: *«Я кино одно видал. Там ээк называет одного следователя «товарищ». А тот ему говорит: «Тамбовский волк тебе товарищ!»* («Трижды о любви», Василий). *«Товарищи! – Тамбовский волк тебе товарищ»*. («Магия черная и белая», Элла, Витя). Ср. также: *Жигаловские волки вам товарищи! («Жестокость», Автор). Тамбовский волк тебе смена! («Черноморочка», Фарасюк). «Да ты скажи, какая вина на мне, боярин. – Тамбовский волк тебе боярин». («Иван Васильевич меняет профессию», Иван Васильевич, эпизод) [5, с. 243-244].*

Словосочетание *тамбовский волк* и его зрительная манифестация – рисунок, фото или изображение волка или волчьей головы превратилось в Тамбовской области в некий региональный символ [6, с. 77-81; 7, с. 236; 8, с. 111-112].

Происхождение этого сочетания связывается с местным почитаемым блаженным Симеоном, которого окружали волки, имено-

ванием тамбовских крестьян на отхожих промыслах, сбивающих цену на работу, с избытком волков в тамбовских лесах в 1941–1945 гг. [6, с. 78; 9, с. 1, 7], с именованием охранников-конвоиров, уроженцев Тамбовщины (ср. «волкИ позорные») [8, с. 112]. Иногда высказываются мысли, что тамбовские волки – название подвида местных волков, почитаемых местным населением, что оно связывается с особой жестокостью разбойников в тамбовских лесах или криминальным прошлым первопоселенцев Тамбовщины XVII в., с особым качеством шкур волков, ценимых на европейских рынках (http://tambovia.ru/tambovskiy_volk.html; <http://tambov-tour.ru/goroda-tambovska/tambov/tambovskiy-volk.php>).

Следовательно, отношение к этому региональному символу – в целом неоднозначное [8, с. 112; 10; 11, с. 32-33]. С.В. Друговейко-Должанская разделяет мнение И. Овсянникова о том, что тамбовскими волками назывались крестьяне-отходники [12]. Это же мнение подтверждается и примером из А.С. Новикова-Прибоя, и фильмом «Адмирал Ушаков» 1953 г. Предположение о том, что тамбовские волки – это этапный или лагерный конвой, пока не находит места в печатных воспоминаниях узников ГУЛАГа, хотя понятно, что эти воспоминания пишутся теми, кто был осужден по 58-й статье, а не уголовными. Остается полагать, что и в самом деле наименование *«Тамбовские волки»* относилось к крестьянам Тамбовской губернии – сначала искавшим работу, потом к оставшим.

Словосочетание *брянский волк*, с которым обычно сопоставляется выражение *тамбовский волк*, во-первых, имеет принципиально иную историю в русском языке второй половины XX – начала XXI в., во-вторых, встречается намного реже (36 документов), в-третьих, вся его история сводится к повторению одной или двух цитат.

Самая ранняя фиксация этого словосочетания – пьеса А. Солженицына: *«Майков. Да что ты брянским волком? Узнаешь! Я – такой!»* (Солженицын А. Пир победителей, 1951).

Наиболее известный текст, содержащий словосочетание *брянский волк*, – «Песня о Сталине»: *«Товарищ Сталин, вы большой ученый – / в языкознанье знаете вы толк, / а*

я простой советский заключенный, / и мне товарищ – серый брянский волк» (Алешковский Юз. Песня о Сталине, 1959). Этот текст воспроизводится как цитата (более или менее точная) еще в 16 документах из тех 36 источников, в которых выявилось словосочетание *брянский волк* – к слову, в прямом значении «волк, живущий в брянских лесах» оно вообще не встретилось.

Еще одна цитата со словосочетанием *брянский волк* – текст Л. Филатова: «Кабы здесь толпился полк – / В пререканьях был бы толк, / Ну а нет – хватай любого, / Будь он даже брянский волк!» (Филатов Л. Про Федота-стрельца... 1988). Она также повторяется в источниках, хотя и однократно.

Другие примеры употребления словосочетания *брянский волк*:

«Он рвал на дяде Пете рубаху, и бил его, и ругался при каждом ударе. – Товарищ... Я покажу тебе, какой я товарищ... Брянский волк тебе товарищ...» (Росляков В. Последняя война, 1978). «Кто же радуется работнику прокуратуры? Брянский волк? Так и того уже, кажется, истребили» (Загребельный П. Южный комфорт, 1984). «Пес! Давно ли на оговорку новичка-арестанта: «товарищ старшина», «товарищ лейтенант», «Товарищ полковник» – Громов огрызнулся и хорошо, что не стрелял: «Брянский волк тебе товарищ!»?» (Синявский А.Д. Спокойной ночи, 1983). «Они – ваши товарищи, пишущие люди. Разберутся, как и что... Товарищи, думаю. Брянский волк мне товарищ...» (Довлатов С. Ремесло, 1984). «Откуда будете, товарищ? – Брянский волк тебе товарищ! – беззлобно огрызнулся Коршиков» (Баюканский А. Черный передел, 1993). «А тут – жизнь. Запросто могут сунуть финач под левое ребро. И – подпись: «группа товарищей». Брянский волк им товарищ!» (Лезинский М. Капитан милиции Булинич, 2003). «Но вот упомянул о московских переговорах с англичанами и французами летом 1939 года: «Переговоры с союзниками были прерваны». С какими союзниками? Брянский волк был тогда им союзник» (Бушин В. Беснование. Газета «Завтра», 2011, 27 (920)).

Эта группа примеров по сути повторяет типы употребления словосочетания *тамбовский волк* – с меньшим разнообразием лексем, синонимичных слову товарищ или соотносительных с ним. Примеры со словосочетанием

брянский волк, имеющие иную структуру, немногочисленны: «Мы ж с вами вместе не распивали, какие мы вам товарищи?.. – Они могут, – не выдержал Он. – Сейчас про брянского волка вспомнят... А надо еще посмотреть, кто здесь товарищи, а кто нет» (Соловьев А. Счастливые дни везучего человека, 1991). «Ты же сам в ту сторону едешь! – Так до Клинцов только, а в твою Засеку пусть тебя брянский волк верхом подкинет» (Звягинцев А. Естественный отбор, 1999). «Почему ты мне не веришь?! Хозяин действительно... – Брянскому волку он хозяин! – Александра не выдержала и тоже заорала» (Волчок Ирина. Элита. Взгляд свысока, 2009).

Словосочетание *брянский волк* как обозначение уроженцев Брянской области встречается в единичных случаях: «Он присел к знакомым бизнесменам из Брянска, рюмку с ними выпил, ...но все как во сне – до чего притягательной оказалась Любка. Он словно и не замечал ее обнаженных телес, наряженных в бикини! Брянские волки это заметили, предупредили: «Новенькая, не обломали еще. Не обслуживает» (Алексеев С.Т. Мутанты, 2009). «Володя родился, отец, рассказывали, затосковал: стал говорить о своей родине – Брянщине, звать мать туда. А потом поехал – вроде бы узнать, что там и как, – и не вернулся. К матери позже сватались несколько кавалеров, даже при Володе приходили, приносили водку и закуску – колбасу, селедку, иногда яблоки и конфеты, но мать больше на уговоры не поддавалась и говорила сестрам и подругам: «Хватит с меня и одного брянского волка». Так что своего отца Володя не помнит» (Кузичкин С. Сны Пиноккио, 2010).

Именование *тамбовский волк*, по имеющимся материалам, принадлежит XX в., и оно в максимальной мере или с максимальной вероятностью связано с народной речью и событиями крестьянской истории, а в стилистическом плане – в наибольшей мере связано с просторечием, жаргоном, языковой культурой речевых штампов, заимствуемых из любых доступных источников. Не случайно оно получает распространение внутри звучащих кинотекстов, где претерпевает те же трансформации, что и в письменных текстах. Словосочетание *брянский волк*, по сути своей – окказионализм, воспроизводимый

как цитата, оказывающийся синонимом именованного *тамбовский волк*, и лишь относительно недавно приобретающий новое значение «уроженец Брянской области».

Список литературы

1. Щербак А.С. Семантика ономалексемы с диалектной основой (на материале Тамбовской области) // Вестник Оренбургского университета. Гуманитарные науки. 2005. Т. 1. № 10. С. 10-15.
2. Бuryкин А.А. Электронный ресурс для исследований в области русской лексикологии и лексикографии «Библиотека лексикографа»: опыт работы, перспективы пополнения, возможности использования // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1. № 4. С. 5-28.
3. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2005.
4. Казакова А.И. Дискурсивное поле отечественных кинофильмов как генетическая база деривации фразеологических единиц // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 10. № 6. С. 110-113.
5. Кожевников А.Ю. Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино. М., 2009.
6. Ганьшина Г.В., Чаус Н.В. Тамбовский волк. Символ или выдумка? // Современные проблемы сервиса и туризма. М., 2013. С. 77-81.
7. Жалнина Е.В., Щербак А.С. Диалектное слово со статусом онима в когнитивном аспекте // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 8 (124). С. 233-237.
8. Щербак А.С. Очерки по истории названий населенных пунктов Центрального Черноземья. Тамбов, 2014.
9. Грачев М.А. Кому товарищ тамбовский волк? // Мир имен и названий. 2009. Март. № 33.
10. Маркушин В. О чем задумался тамбовский волк // Красная звезда. 2008. 5 сентября.
11. Щербак А.С. Тамбовский волк тебе товарищ // Лингвокраеведение. Тамбов, 2011.
12. Друговейко-Должанская С.В. Тамбовский брянскому не товарищ // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 31 августа. Вып. 161.

References

1. Shcherbak A.S. Semantika onomaleksemoy s dialektnoy osnovoy (na materiale Tambovskoy

oblasti). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*, Gumanitarnye nauki, 2005, vol. 1, no. 10, pp. 10-15. (In Russian).

2. Burykin A.A. Elektronnyy resurs dlya issledovaniy v oblasti russkoy leksikologii i leksikografii “Biblioteka leksikografa”: opyt raboty, perspektivy popolneniya, vozmozhnosti ispol'zovaniya. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*, 2015, vol. 1, no. 4, pp. 5-28. (In Russian).
3. Serov V. *Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy*. Moscow, 2005. (In Russian).
4. Kazakova A.I. Diskursivnoe pole otechestvennykh kinofil'mov kak geneticheskaya baza derivatsii frazeologicheskikh edinit. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova – Vestnik of Nekrasov Kostroma State University*, 2013, vol. 10, no. 6, pp. 110-113. (In Russian).
5. Kozhevnikov A.Yu. *Krylatye frazy i aforizmy otechestvennogo kino*. Moscow, 2009. (In Russian).
6. Gan'shina G.V., Chaus N.V. Tambovskiy volk. Simvol ili vydumka? *Sovremennyye problemy servisa i turizma – Service and Tourism: Current Challenges*, 2013, pp. 77-81. (In Russian).
7. Zhalnina E.V., Shcherbak A.S. Dialektnoe slovo so statusom onima v kognitivnom aspekte *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2013, no. 8 (124), pp. 233-237. (In Russian).
8. Shcherbak A.S. *Ocherki po istorii nazvaniy naselennykh punktov Tsentral'nogo Chernozem'ya*. Tambov, 2014. (In Russian).
9. Grachev M.A. Komu tovarishch tambovskiy volk? *Mir imen i nazvaniy*, 2009, March, no. 33. (In Russian).
10. Markushin V. O chem zadumalsya tambovskiy volk. *Krasnaya zvezda*, 2008, September 5. (In Russian).
11. Shcherbak A.S. Tambovskiy volk tebe tovarishch. *Lingvokraevedenie*. Tambov, 2011. (In Russian).
12. Drugoveyko-Dolzanskaya S.V. Tambovskiy bryanskomu ne tovarishch. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 2006, August 31, no. 161. (In Russian).

Поступила в редакцию 01.02.2016 г.
Received 1 February 2016

UDC 81'373.235

TAMBOV WOLF. THE PROBLEM OF PHRASEOLOGICAL UNIT AND REGIONAL IDENTIFYING SYMBOL

Aleksey Alekseevich BURYKIN, Lexical Department of Institute of Linguistic Researches of Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation, Doctor of Philology, Doctor of History, Leading Research Worker, e-mail: albury@rambler.ru

Combinations of words with toponymical component pretending to the role of phraseological unit, speech figure, cultural symbol and regional brand are considered. Basing on the rich materials comparing two phrases Bryansk wolf and Tambov wolf it is proved that the conjunction Bryansk wolf has absolutely different history in Russian language of the second half of XX – the beginning of XXI century. The conjunction Bryansk wolf is met rather rarely (36 contexts) and all its history is in repetition of one or two quotations. It is established that the name Tambov wolf belongs to XX century and is fixed in 262 contexts it is with maximum probability connected with folk speech and the events of peasant history, and stylistically it is mostly connected with vernacular, jargon, language culture of hackneyed phrases, borrowed from all available sources. It is becoming widespread in cinema texts where it goes through some transformations both as in written texts. The most early fixation of this word combination with the definite date – 1912 (A.S. Novikov-Priboi “Porchenyy”) let coincide the phrase Tambov wolf not with staging camp but with peasants of Tambov province who were looking for a job and then rebelled.

Key words: dialect phrasology; Tambov wolf; Bryansk wolf.